

Казанский федеральный университет
Институт международных отношений
Кафедра всеобщей и публичной истории

Н.Ю. Бикеева, А.О. Кудратов

ФРОНТИРЫ

(зоны междивиллизационного взаимодействия)

ВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Учебное пособие

Казань – 2024

ББК 63.3 (0); 63.3 (2).
УДК 93/94.

*Рекомендовано к изданию учебно-методической комиссией Института международных отношений Казанского федерального университета
(протокол № 8 от 11 марта 2024)*

Рецензенты:

к. ист. наук, доц. Улбутов Д.И.
к. ист. наук, доц. Востриков И.В.

Н.Ю. Бикеева, А.О. Кудратов

Фронтиры (зоны межцивилизационного взаимодействия) во всемирной истории/ Н.Ю.Бикеева, А.О. Кудратов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2024. 137 с.

Данное пособие предназначено для студентов бакалавриата, изучающих дисциплину «Фронтиры (зоны межцивилизационного взаимодействия) во всемирной истории». В пособии дано изложение теоретического материала, представлены методические указания по организации самостоятельной работы студентов: планы практических занятий, тематика творческих работ, ориентировочные контрольные вопросы к экзамену, перечень соответствующих источников и литературы. Представлены материалы для обсуждения на практических занятиях, перечень художественной литературы и список фильмов по тематике фронта, а также тест для проверки учащимися своих знаний.

ББК 63.3 (0); 63.3 (2).
УДК 93/94.

© Н.Ю. Бикеева
© А.О. Кудратов
© Издательство Казанского
университета, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1.1. Краткая аннотация	4
1.2. Место дисциплины (модуля) в структуре ООП	4
1.3. Перечень планируемых результатов обучения по дисциплине (модулю)	4
1.4. Структура и содержание дисциплины (модуля)	5
2. ПЛАНЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ	9
3. МАТЕРИАЛЫ К ПРАКТИЧЕСКИМ ЗАНЯТИЯМ	14
Тема 1. Введение в проблематику. Методологические аспекты теории фронта Ф. Тёрнера. Фронт в американской истории.	14
Тема 2. Теория фронта в исторических исследованиях.	29
Тема 3. Теория фронта в отечественной историографии и истории.	51
4. ТЕМАТИКА ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ	76
5. ВОПРОСЫ К ЭКЗАМЕНУ	78
6. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	79
7. ФРОНТИРНАЯ ТЕМА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	84
Американский фронт в художественной литературе	84
Русский фронт в художественной литературе	85
8. ФРОНТИРНАЯ ТЕМА В КИНО	86
Вестерн. Список фильмов	86
Истерн. Список фильмов	87
9. ТЕСТ	88
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. КАРТЫ	93
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРОНТИРА	112

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Краткая аннотация

Целью освоения дисциплины (модуля) Фронтиры (зоны междивизионального взаимодействия) во всемирной истории является: создать у студентов целостное представление о возможностях применения теории фронта для исторических исследований, показать её возможности в вопросе объяснения формирования культурно-исторических общностей в историографии.

Пособие предназначено оказать помощь студентам в освоении конкретного материала по истории развития идеи фронта, в изучении конкретных исторических примеров, в которых данная теория работает.

Наряду с этим излагаются некоторые общие сведения по основным методологическим и теоретическим вопросам, необходимым для изучения теории фронта и вариантов её применения.

1.2. Место дисциплины (модуля) в структуре ООП

Данная учебная дисциплина включена в раздел «Б1.В.01.03 Дисциплины (модули)» основной образовательной программы 46.03.01 «История (Всеобщая история)» и относится к вариативной части. Данная дисциплина является составной частью курса всемирной истории, его раздела, предметом которого является изучение теории фронта и истории государств через призму теории фронта. Дисциплина читается на 4 курсе бакалавриата.

1.3 Перечень планируемых результатов обучения по дисциплине (модулю)

В результате освоения дисциплины студент:

- 1) Должен знать:
  - основные понятия, определения, категории курса;
  - источники и научную литературу по проблематике курса;
  - хронологию и фактологию изучаемых в курсе явлений и процессов;

- 2) должен уметь:
  - анализировать источники и историографию курса;
  - систематизировать фактологию по изучаемой проблематике;
  - формулировать концептуальные положения и выводы;
  - применять междисциплинарный подход к проблематике исследо-

вания;

3) должен владеть:

- методами презентации результатов исследования;
- навыками научной дискуссии;
- навыками работы с историографическими текстами;
- принципами подготовки творческих работ (докладов, рефератов).

Студент также должен научиться применять полученные знания на практике.

В результате освоения дисциплины формируются следующие компетенции:

Шифр компетенции	Расшифровка приобретаемой компетенции
ПК-2	Способен понимать движущие силы и закономерности исторического процесса, роль насилия и ненасилия в истории, место человека в историческом процессе.

1.4. Структура и содержание дисциплины (модуля)

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы на 72 часа. Форма промежуточного контроля дисциплины – экзамен в 7 семестре.

Суммарно по дисциплине можно получить 100 баллов, из них текущая работа оценивается в 50 баллов, итоговая форма контроля – в 50 баллов.

86 баллов и более – «отлично» (отл.);

71–85 баллов – «хорошо» (хор.);

55–70 баллов – «удовлетворительно» (удов.);

54 балла и менее – «неудовлетворительно» (неуд.).

1.4.1. Структура дисциплины

	Раздел дисциплины	Семестр	Лекции	Практические занятия	Лабораторные работы	Самостоятельная работа
1.	Тема 1. Введение в проблематику. Методологические аспекты теории фронта Ф. Тёрнера. Фронт в американской истории.	7	6	6	0	12
2.	Тема 2. Теория фронта в исторических исследованиях.	7	6	6	0	12
3.	Тема 3. Теория фронта в отечественной историографии и истории.	7	6	6	0	12
	Итого		18	18	0	36

Курс завершается в седьмом семестре экзаменом. Итого: 72 часа, из них 36 – аудиторных, 36 – самостоятельная работа.

Лекционный тип занятия в программе курса занимает 50 % от общего количества аудиторных часов. Некоторые лекции читаются преподавателем с использованием современных информационных технологий, демонстрацией аудитории мультимедийных презентаций (при помощи компьютера и проектора).

Практические занятия подразумевают подготовку и презентацию докладов на предложенные темы, а также составление на них рецензий. Практические занятия предполагают дискуссию после каждого доклада, в ходе которой обучаемые выражают своё мнение относительно предмета обсуждения, предлагают варианты для улучшения заслушанного доклада.

Виды самостоятельной работы студентов:

– Подготовка к выступлению на практическом занятии. Предполагает подготовку конспекта согласно плану занятия. Конспект – краткое

изложение, запись содержания какого-либо произведения, исторического или историографического источника. Содержание конспекта должно соответствовать плану занятия и содержать ответ (краткий или развернутый) на поставленный вопрос, обязательно со ссылками на источники и литературу.

– Работа с терминами и понятиями. Предусматривает проработку тех незнакомых терминов и понятий, которые встречаются при подготовке к практическому занятию (составлении конспекта), работе над докладом и рефератом. Представляется необходимым ведение терминологического словаря, содержащего подробные разъяснения незнакомых понятий.

– Подготовка творческих работ. Доклад и реферат являются видами творческой работы студентов, предусматривают освещение вопросов, дополняющих выносимые на практическое занятие. Их построение должно соответствовать требованиями, предъявляемым к научно-исследовательским работам студентов, и содержать введение, основную часть, заключение и список использованных источников и литературы. Материал доклада и реферата должен быть логично организован, содержать обязательные ссылки на источники и литературу темы, цитаты. Доклад особо предназначен для устного восприятия и может представлять собой сокращенный вариант реферата, содержать его основные положения.

– Работа с картографическим материалом. Предполагает тщательную проработку лекционного материала и конспекта практического занятия на предмет упоминания в них тех или иных географических ориентиров. Для этой цели следует пользоваться атласами по истории древнего мира, а также работать с контурными картами.

Указанные в тексте электронные ресурсы проверены и находятся в свободном доступе на момент составления пособия.

1.4.2 Содержание дисциплины

Тема 1. Введение в проблематику. Методологические аспекты теории фронта Ф. Тёрнера. Фронт в американской истории.

Теория фронта Фредерика Тёрнера. «Пространственный поворот» в историографии. Теория фронта и новая имперская история. Критики теории фронта: П. Лимерик, Р. Слоткин, Р. Уайт. Современные подходы к изучению фронтов в исторических исследованиях. Теория фронта как соединение географического и исторического пространства. Политико-географическое содержание понятия фронт. Типология фронтов. Внешние и внутренние фронты. Граница и фронт как историко-культурный процесс. Фронт как конкретно-историческое явление в истории США. Фронт – «воспитатель» американской нации. Теория фронта как выражение базовых ценностей американской нации.

Тема 2. Теория фронта в исторических исследованиях.

Соотношение концептов «теория фронта», «диалог культур», «ментальная география», «лимес», «граница», «внутренняя колонизация». Фронт в древности. Границы исламского мира. Римско-иранское пограничье. Лимес и фронт: роль пограничных рубежей в противостоянии цивилизации и варварства. Японский фронт. Границы в средневековой Европе. Проблема «границы» в Европе Нового времени. Развитие концепта фронта в современной гуманитаристике.

Тема 3. Теория фронта в отечественной историографии и истории.

Теория фронта в отечественной историографии. Представление о фронте и внутренняя колонизация в России. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии. Южнорусский фронт. Казачество в колонизационных процессах конца XIX – начала XX века. Дальневосточный фронт. Аляска и Русская Америка. Монастырская и крестьянская колонизация Русского Севера в XVI-XVII вв. – исторический пример динамичного фронта. Использование концепта «фронт» в кавказоведческой литературе.

2. ПЛАНЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Введение в проблематику. Методологические аспекты теории фронта Ф. Тёрнера. Фронт в американской истории.

1. Определение фронта по Ф. Тёрнеру.
2. Теория фронта в рамках методологии исторической науки: специфика, область применения, соотношение со смежными концептами.
3. Критика концепции Ф. Тёрнера: возможности и ограничения теории фронта в междисциплинарном поле, альтернативные варианты её развития.
4. Фронт как конкретно-историческое явление в истории США.
5. Фронт – «воспитатель» американской нации.
6. Теория фронта как выражение базовых ценностей американской нации.

Литература

1. Limerick P. N. The Legacy of Conquest. The Unbroken Past of the American West. New York: W. W. Norton, 1987. 396 p.
2. Slotkin R. Gunfighter nation: the myth of the frontier in twentieth-century America. Norman: University of Oklahoma Press, 1998. 864 p.
3. Slotkin R. Regeneration through violence: the mythology of the American frontier, 1600–1860. Norman: University of Oklahoma Press, 2000. 670 p.
4. White R. Middle Ground: Indians, Empire, and Republics in the Great Lakes Region. 1650–1815. New York: Cambridge University Press, 1991. XVI + 544 p.
5. Басалаева И.П. Критерии фронта: К постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.
6. Басалаева И.П. Социально-философские основания концепции фронта Ф. Дж. Тёрнера // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. №21.
7. Бостан К.А., Кузнецов А.М. Идея «фронта»: выгодное приобретение или опасный «фантом»? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. №1 (44).
8. Границы империи: в поисках пределов применимости исторических метанарративов: От редакции // Ab imperio. 2003. № 1. С. 9–23.
9. Как сегодня изучать фронты? Дискуссия по статье Д.В. Сеня / Басалаева И.П., Дубман Э.Л., Мизис Ю.А., Мильчев В.И.,

Сень Д.В., Урушадзе А.Т., Ходарковский М. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. С. 81-105.

10. Карабущенко П.Л. Элита и фронтир // *Журнал Фронтирных Исследований* . 2016. №2.

11. Панарина Д.С. Фронтир как один из факторов и мифов американской истории // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2010. №4.

12. Румянцев В.П. К вопросу об американском фронтире: Дж. Ф. Кеннеди и программа «Новый фронтир» (теоретический и внешнеполитический аспекты) // *Вестн. Том. гос. ун-та. История*. 2013. №1 (21).

13. Сень Д.В. Фронтирные исследования в современной России: Зыбкие границы академического диалога // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. С. 66-80.

14. Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. – 304 с.

Тема 2. Теория фронта в исторических исследованиях.

1. Соотношение концептов «теория фронта», «диалог культур», «ментальная география», «лимес», «граница», «внутренняя колонизация».

2. Фронтир в древности.
3. Границы исламского мира.
4. Римско-иранское пограничье.
5. Лимес и фронтир: роль пограничных рубежей в противостоянии цивилизации и варварства.
6. Японский фронтир.
7. Границы в средневековой Европе.
8. Проблема «границы» в Европе Нового времени.
9. Развитие концепта фронта в современной гуманитаристике.

Литература

1. Горецкий П. Двойственность фронта: анализ двух кейсов из средневековой Силезии // *Журнал Фронтирных Исследований* . 2019. №2 (14).

2. Есаулова О.М. Южноафриканский фронтир // *Вестник СПбГУ. Язык и литература*. 2008. №2-II.

3. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С. 75–88.

4. Калинина Е.Ю. Маргинальные и пограничные социальные группы средневековой Испании // Журнал Фронтирных Исследований. 2021. № 1. С.20-40.

5. Камышев К.Д. «Арабский фактор» в развитии римско-иранского пограничья // Журнал Фронтирных Исследований. 2017. № 2. С.59-72.

6. Карабущенко П.Л. Элита и фронтир // Журнал Фронтирных Исследований . 2016. №2.

7. Павленко Н.В. Фронтир с японским лицом // Журнал Фронтирных Исследований . 2017. №4 (8).

8. Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова и др. Казань, 2004.

9. Романова А.П. Фронтирмэн, охотник, воин // Журнал Фронтирных Исследований . 2016. №1.

10. Саракаева А.А. Туземные вожди и китайские судьи. Борьба за власть и собственность на южнокитайском фронтире XVIII века // Журнал Фронтирных Исследований . 2022. №3 (27).

11. Сулимов С.И., Черных В.Д. Лимес и фронтир: о роли пограничных рубежей в противостоянии цивилизации и варварства // Этнодиалоги. 2022. №1 (67).

12. Якушенкова О.С. От войны к дипломатии: роли индейских женщин на американском фронтире // Журнал Фронтирных Исследований . 2017. №2 (6).

13. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. Отражение постфронтирных процессов в американском кинематографе // Журнал Фронтирных Исследований . 2016. №1.

14. Якушенкова О.С., Якушенков С.Н. Трансформация образа Чужого в условиях постфронтирной культурной парадигмы // Научный журнал КубГАУ. 2015. №114.

Тема 3. Теория фронта в отечественной историографии и истории.

1. Теория фронта в отечественной историографии.
2. Представление о фронтире и внутренняя колонизация в России.
3. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии.
4. Южнорусский фронтир.
5. Казачество в колонизационных процессах конца XIX – начала

XX века.

6. Дальневосточный фронтир, Аляска и Русская Америка.
7. Монастырская и крестьянская колонизация Русского Севера в XVI-XVII вв. – исторический пример динамичного фронта.
8. Новая имперская история о фронтах империи. Фронтир как инструмент имперского строительства.
9. Использование концепта «фронтир» в кавказоведческой литературе.

Литература

1. Андреева А.А. «Калмыцкий фронтир»: к типологии фронтирной теории // Вестник КалмГУ. 2016. №4 (32).
2. Баева Л.В. Типология и проблемы изучения южно-российского фронта // Logos et Praxis. 2014. №2.
3. Буканова Р.Г., Шарипов А.А. Концепция фронта как познавательный инструмент в изучении истории российско-казахстанских отношений в XVIII-XIX вв // Via in tempore. История. Политология. 2018. №2.
4. Голованова С.А., Шнайдер В.Г. Концепция «Фронта» в современной кавказоведческой литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012.
5. Захаров В.Ю., Суздалева Т.Р. В преддверии «Большой игры»: особенности политики Российской империи в Центральной Азии в XVIII – первой половине XIX вв. // Журнал Фронтирных Исследований. 2023. №3 (31).
6. Зберовская Е.Л. Социокультурные аспекты освоения Сибири в контексте теории фронта // Вестник КрасГАУ. 2013. №12.
7. Иванеско А.Е. Кавказские пленники на имперском фронтире // НП/НР. 2018. №3.
8. Иванова Л.М. Сибирский фронтир: изучение вопроса в отечественной исторической науке // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. №410.
9. Ильин В.И. Старый русский север как пространство жизненных шансов: история и современность // Журнал Фронтирных Исследований . 2019. №4-2 (16).
10. Ильиных В.А. Аграрное освоение Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: от постфронта к хартленду // Журнал Фронтирных Исследований . 2022. №4 (28).
11. Кадырбаев А.Ш. Русская Америка или русский Дальний Восток? // Восточный архив. 2015. №2 (32).

12. Ким С.П. Формирование российско-корейского фронта с 1858 по 1884 год в отечественной историографии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. №2 (847).

13. Коломейцева М.А., Команджаев А.Н. Образ человека фронта на примере иногороднего крестьянства Дона // Журнал Фронтальных Исследований. 2022. №3 (27).

14. Крупенкин Е.Н. Концепция фронта в современной отечественной литературе: эвристические возможности и пределы применения // Вестник БГУ. 2018. №1 (35).

15. Магарамов Ш.А. Российский фронт на Северном Кавказе: проблемы периодизации // Журнал Фронтальных Исследований . 2023. №4 (32).

16. Магарамов Ш.А. Северокавказский фронт российской империи // АСТА HISTORICA: труды по историческим и обществоведческим наукам. 2019. №2.

17. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. «Теория фронта и юг России в XVI - первой половине XVIII в.» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, №. 10 (150), 2015. С. 7-15.

18. Романова А.П. Специфика раннего фронта на Кавказе // Научный журнал КубГАУ. 2014. №102.

19. Сентябова М.В., Рябов Ю.В. Историческая наука о пространствах сибирского фронта // Журнал Фронтальных Исследований . 2022. №4 (28).

20. Сень Д.В. Фронтальные исследования в современной России: Зыбкие границы академического диалога // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1. С. 66-80.

21. Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронта // Известия АлтГУ. 2011. №4-1.

22. Хромых А.С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // Вестник ЧелГУ. 2008. №5.

23. Цыганова А.А. Теория «Секций» в трудах американского учёного и педагога Ф.Дж. Тёрнера // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. №1 (4).

24. Шеуджен Э.А. К вопросу о северокавказском фронте // Научная мысль Кавказа. 2006. №3.

25. Якушенков С.Н. На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят // Журнал Фронтальных Исследований . 2016. №4.

3. МАТЕРИАЛЫ К ПРАКТИЧЕСКИМ ЗАНЯТИЯМ

Тема 1. Введение в проблематику. Методологические аспекты теории фронта Ф. Тёрнера. Фронт в американской истории.

Тёрнер Фр. Дж. Фронт в американской истории. М.: Изд-во «Весь мир», 2009. 304 с.

Специфика американской истории по Ф.Тёрнеру:

Американская история вплоть до наших дней в значительной мере была историей колонизации Великого Запада. Существование значительной территории свободных земель, ее постоянное отступление и продвижение американских поселений на запад – вот объяснения развития Америки. За институтами, конституционными формами и их модификациями таятся жизненные силы. Именно они порождают эти органы и вносят в них перемены, когда возникает необходимость соответствовать изменившимся обстоятельствам. Отличительное свойство американских институтов заключается в том, что они были вынуждены приспособляться к изменениям, происходившим в расширяющемся народе – изменениям, вызванным переходом через континент, освоением дикой природы и созданием на каждом этапе этого продвижения сложноорганизованной городской жизни, возникавшей из примитивных экономических и политических условий фронта (с. 13).

Особенности американского фронта

Если мы ограничим свое внимание только Атлантическим побережьем, то здесь перед нами предстают знакомое явление эволюции институтов на ограниченной территории, например, в форме возникновения представительного управления; дифференциации простых структур колониального управления в сложные органы; прогрессивного развития от общества примитивного производства, не имевшего разделения труда, до промышленной цивилизации. Но в дополнение к этому в каждом районе Запада, куда доходил процесс экспансии, повторялось одно и то же – там происходила эволюция. Таким образом, американское развитие демонстрировало не только восходящее движение в виде сплошной линии, но и возврат к примитивным условиям жизни на непрерывно продвигающейся вперед передовой черте поселения, а также развитие этих районов заново. Американское общественное развитие постоянно начиналось на территории фронта снова и снова. Это вечное возрождение, эта текучесть американской жизни, эта экспансия на запад с ее новыми возможностями и непрекращающимся соприкосновением с простотой примитивного общества – все это по-

рождает силы, доминирующие в американском национальном характере. Верную точку зрения на историю США дает не Атлантическое побережье, а Великий Запад. Даже борьба с рабовладением, которой уделяют столь огромное внимание исследователи – такие, как профессор фон Хольст, – занимает важное место в американской истории из-за того, что она связана с экспансией на запад (с. 14).

Определение

При этом продвижении фронтир представляет собой внешний край волны – место контакта дикости и цивилизации. Очень много было написано о войнах на границе, о погонях, но фронтису не уделялось никакого внимания как предмету серьезных экономических и исторических исследований. Американский фронтир резко отличается от европейского, представлявшего собой укрепленные пограничные линии, проходящие через густо населенные местности. Наиболее важной чертой американского фронтаира является то, что он находится на ближнем к нам крае свободных земель. В докладах о результатах переписей населения к нему относят пределы поселения с плотностью в два и более на квадратную милю. Это гибкий термин, но для наших целей не требуется четкое определение (с. 14).

Как происходил процесс освоения

Фронтир – это полоса наиболее быстрой и эффективной американизации. Дикая местность подчиняет себе колониста. Он приходит туда европейцем – по одежде, трудовым навыкам, рабочим инструментам, способам передвижения, мыслительным привычкам. Дикая местность выводит колониста из железнодорожного вагона и сажает его в каноэ из березовой коры. Она срывает с него цивилизованную одежду и облачает в охотничью куртку и мокасины. Она селит его в бревенчатой хижине индейцев чероки и ирокезов и окружает это жилище индейским частоколом. Очень скоро колонист начинает сеять кукурузу, пашет землю заостренной палкой; он издает боевой клич и, следуя устоявшейся индейской традиции, снимает скальпы. Короче говоря, вся обстановка фронтаира на первых порах оказывает слишком сильное воздействие на колониста. Он должен либо принять все предъявляемые условия, либо погибнуть, и вот он приспособливается к жизни на расчищенных туземцами лесных полянах и крадется по индейским тропам (с. 15).

Вопросы к обсуждению:

1. Каким образом специфику истории США можно объяснить через концепт фронтаира?

2. Почему развитие социальных и экономических институтов на освоенных территориях каждый раз начиналось заново?

Процесс продвижения фронта

В XVII в. фронтир находился в верховьях рек, впадавших в Атлантический океан, чуть-чуть выходя за «линию водопадов, и прибрежные районы стали населенными местностями. Следующее продвижение произошло в первой половине XVIII в. Уже в конце первой четверти столетия торговцы прошли в Огайо вслед за индейцами – делавэрами и шауни. В 1714 г. губернатор Виргинии Александр Спотсвуд организовал экспедицию через Голубой хребет (Блю Ридж). В тот же период шотландцы, прибывшие из Ольстера, а также немцы – выходцы из Рейнской области, пройдя вверх по Долине р. Шенандоа, достигли западной части Виргинии и плато Пидмонт в Северной и Южной Каролинах. Немцы в колонии Нью-Йорк отнесли границу населенной местности вверх по долине р. Мохок до района Джерман Флэтс. В Пенсильвании аналогичная линия обозначена городом Бедфордом. Вскоре поселения появились на р. Нью-Ривер, или Грейт Канова, и у истоков рек Ядкин и Френч-Брод-Ривер. Король предпринял попытку остановить продвижение колонистов, издав в 1763 г. прокламацию, запретившую им селиться за пределами истоков рек, впадавших в Атлантический океан; но все было напрасно. В период Революции фронтир пересек Аллеганские горы, достигнув Кентукки и Теннесси; были заселены верховья р. Огайо. Когда в 1790 г. была проведена первая перепись, районы сплошных населенных местностей ограничивались полосой, проходившей вблизи побережья Мэна и включавшей Новую Англию за исключением части Вермонта и Нью-Гэмпшира; Нью-Йорк вдоль р. Гудзон и вверх по р. Мохок около г. Скенектади; восточную и южную Пенсильванию; Виргинию, уходящую далеко через Долину р. Шенандоа; обе Каролины и восточную Джорджию. За пределами этого региона компактного проживания лежали слабозаселенные районы в Кентукки и Теннесси, а также в Огайо, отделенные от Атлантического побережья горами, что придавало фронтису новый и важный характер. Изолированность региона усилила в нем тенденции, присущие исключительно Америке, а необходимость в транспортных средствах для связи с восточной частью страны привела к осуществлению важных мероприятий по внутреннему улучшению, о которых будет сказано ниже. Началось эволюционное развитие «Запада» как отдельной секции, обладающей самосознанием. Продвижение фронта шло от десятилетия к десятилетию в виде совершенно четко проявлявшихся событий. Согласно переписи 1820 г., заселенные районы включали Огайо, южную

Индиану и Иллинойс, юго-восток Миссури и около половины Луизианы. Этими обжитыми территориями оказались окружены местности, где жили туземцы, и управление делами индейских племен стало вопросом политического значения. Область фронта того периода располагалась вдоль Великих озер, где принадлежавшая Дж. Дж. Астору «Американская меховая компания» вела торговлю с индейцами, и за р. Миссисипи, где торговцы с местными племенами распространили свою деятельность даже до Скалистых гор; условия жизни во Флориде были также характерны для фронта. Регион бассейна р. Миссисипи являлся районом типичных для пограничья поселений (с.16-17). <...>

В середине нашего столетия граница областей, населенных индейцами, обозначалась линией, проведенной по нынешней восточной границе Индейской территории, Небраски и Канзаса. В Миннесоте и Висконсине по-прежнему проявлялись условия жизни фронта, но ярко выраженное пограничье в этот период обнаруживается в Калифорнии, куда с открытием золотых месторождений совершенно внезапно хлынула волна старателей – искателей приключений, а также в Орегоне и в поселениях в Юте. И точно так же, как фронт перепрыгнул через Аллегань, теперь он миновал Великие равнины и Скалистые горы; и так же, как продвижение переселенцев за Аллегань подняло важные вопросы необходимости транспортных связей и внутренних улучшений, так и теперь поселенцам, оказавшимся за Скалистыми горами, понадобились средства коммуникаций с восточной частью страны, что привело к заселению Великих равнин и развитию еще одной разновидности жизни на фронте. Железные дороги, строительству которых способствовала безвозмездная передача государственных земель, перевозили все возрастающие потоки иммигрантов, стремившихся на Дальний Запад. Армия США участвовала в целой серии войн с индейцами в Миннесоте, Дакоте и на Индейской территории. К 1880 г. населенные районы продвинулись в северный Мичиган, Висконсин и Миннесоту, вдоль рек Дакоты, в регион гор Блэк-Хилс и вверх по течению рек Канзаса и Небраски. Закладка рудников в Колорадо привела к образованию там изолированных пограничных селений, и новые жители появились в Монтане и Айдахо. Фронт присутствовал в этих шахтерских лагерях и на ранчо Великих равнин. В докладах за 1890 г. федерального суперинтенданта по переписям, как упоминалось выше, сообщалось, что поселения на Западе так разбросаны по всему региону, что отныне невозможно говорить о наличии рубежа фронта. В этих последовательно продвигавшихся границах мы обнаруживаем естественные пограничные рубежи, обозначавшие определенные характерные черты областей фронта и оказывавшие на них воздействие, а именно: «полоса

водопадов», Аллеганские горы, р. Миссисипи, р. Миссури, где направление ее течения приблизительно соответствует северу и югу; полоса засушливых земель, идущая примерно по 99-му меридиану; и Скалистые горы. Линия водопадов обозначала границу XVII в.; Аллегань – XVIII в.; р. Миссисипи – первой четверти XIX в.; р. Миссури – середины нынешнего столетия (мы не говорим здесь о продвижении в Калифорнию); а пояс Скалистых гор и пространство засушливых земель – современный фронт. Каждая такая область была завоевана в результате серии войн с индейцами (с. 17-18).

Вопросы к обсуждению:

1. Какие факторы влияли на скорость освоения новых территорий при продвижении фронта?

История общественной эволюции

Нынешний индустриальный штат в предыдущем десятилетии был районом интенсивного сельского хозяйства. Еще раньше здесь выращивали исключительно пшеницу, а еще раньше эти «уголья» привлекли сюда скотоводов. Так, Висконсин, где сейчас развивается промышленное производство, является также штатом с разнообразной сельскохозяйственной спецификацией. Но в прошлом здесь почти исключительно занимались зерноводством, как это в настоящее время происходит в Северной Дакоте. Каждый из этих районов оказывал влияние на нашу экономическую и политическую историю; эволюция его с достижением каждой более высокой стадии развития приводила к политическим преобразованиям. Но предпринял ли какой-нибудь историк конституционных форм сколько-нибудь адекватную попытку дать интерпретацию фактов политической жизни в свете наличия этих социальных сфер и изменений? В жизни фронта Атлантического побережья объединились усилия рыбака, торговца мехами, горняка, скотовода и фермера. Представители всех профессий, за исключением рыбаков, устремлялись на Запад, побуждаемые его неотразимой притягательностью. Одна за другой неслись их волны через весь континент. Встаньте у перевала Камберленд и наблюдайте за ходом цивилизации, представители которой вереницей пройдут перед вами, сменяя друг друга – бизон, скачущий по тропе к соленым ручьям; индеец; торговец мехами и охотник, скотовод, пионер-фермер – и вот перед вами прошел весь фронт. Встаньте у перевала Саут-Пасс в Скалистых горах еще через столетие, и вы увидите точно такую же процессию, но только интервалы между появлениями ее участников будут больше. Неравные темпы продвижения заставляют нас различать фронты торговцев, скотово-

дов, горняков, фермеров. Когда рудники и коровьи пастбища еще находились около линии водопадов, караваны вьючных животных, снаряженные торговцами, звякая своими колокольчиками, уже шли через Аллеганские горы, а французы на Великих озерах укрепляли свои гарнизоны, так как у них вызывали тревогу британские торговцы, плававшие на каноэ из березовой коры. Когда трапперы уже преодолели Скалистые горы, фермеры все еще были только около устья р. Миссури. Почему так получилось, что люди, торговавшие с индейцами, столь быстро пересекли континент? К каким последствиям привел их фронтир? Коммерция разворачивалась одновременно с открытием Америки. Древние скандинавы, Америго Веспуччи, Джованни Веррацано, Генри Гудзон, Джон Смит – все они отправлялись за мехами. Плимутские пилигримы поселились на кукурузных полях индейцев; первый груз, отправленный ими в Англию, состоял из бобровых шкур и древесины. Документы различных колоний Новой Англии показывают, как в процессе этой торговли шло непрекращающееся исследование дикой местности. И то, что верно в отношении Новой Англии, является, как и следовало бы ожидать, еще более очевидным относительно остальных колоний. Вдоль всего побережья – от Мэна до Джорджии – товарообмен с индейцами открывал маршруты следования по руслам рек. Торговцы неуклонно продвигались на запад, используя более старые пути своих французских предшественников. Они дошли до р. Огайо, Великих озер, рек Миссисипи, Миссури и Платт – этих западных рубежей. Эти люди нашли проходы в Скалистых горах и были проводниками у Мэриуэзера Льюиса и Уильяма Кларка, Джона Чарльза Фремонта и Джона Бидуэлла. Объяснение быстроты этого продвижения связано с воздействием торговцев на индейцев. Торговая фактория оставляла невооруженные племена на милость тех, кто покупал ружья, – эту истину индейцы ирокезы написали кровью – и потому далеко расположенные племена, которые никто не посещал, оказывали торговцам самый дружелюбный прием. «Дикари, – писал Рене-Робер Кавелье, сьер де Ла Саль, – о нас, французах, заботятся лучше, чем о собственных детях; только у нас могут они получить ружья и товары». В этом и заключается объяснение силы торговца и быстроты его продвижения. Вот так разрушительные силы цивилизации проникали в дикие местности (с. 20-21).

Вопросы к обсуждению:

1. Какие категории были задействованы в освоении фронта? Как объясняются неравные темпы продвижения на фронтире?

Торговля и фронтир

Фермеров встретили вооруженные ружьями индейцы. Торговый фронтир постепенно подрывал мощь краснокожих, сделав их племена в конечном счете зависимыми от белых. Но в то же время через продажу оружия торговцы усиливали возможности индейцев сопротивляться фермерскому фронтису. Во французской колонизации доминировал торговый фронтир; в английской – фермерский. Между двумя этими разновидностями, как и между двумя государствами, существовал антагонизм. <...> И тем не менее, несмотря на противоположность интересов торговца и фермера, торговля с индейцами прокладывала путь цивилизации. Бизонья тропа превращалась в индейскую тропу, та становилась «проторенной тропой» торговца; на месте троп строились дороги, они разрастались до шоссе, которые, в свою очередь, превращались в железные дороги. Можно показать, что происхождение последних в южных штатах США, на Дальнем Западе, в доминионе Канада одно и то же. Торговые фактории, к которым вели эти тропы, размещались на местах индейских поселений, положение которым выбиралось согласно подсказке природы. Эти фактории, расположенные так, чтобы контролировать водные системы страны, выросли в такие города, как Олбани, Питтсбург, Детройт, Чикаго, Сент-Луис, Каунсил-Блаффс и Канзас-Сити. Цивилизация в Америке текла по артериям, рожденным геологией, вливая через них все более мощные потоки, пока, наконец, малозаметные тропинки, которыми туземцы пользовались для связей между собой, были расширены и соединены в сложные сети современных коммерческих систем; дикая местность была пронизана рубежами цивилизации, становившимися все более многочисленными. Для континента, который первоначально был примитивным и инертным, процесс похож на непрерывный рост высоко развитой нервной системы (с. 21-22).

Значение торговли с коренным населением

И, тем не менее, несмотря на противоположность интересов торговца и фермера, торговля с индейцами прокладывала путь цивилизации. Бизонья тропа превращалась в индейскую тропу, та становилась «проторенной тропой» торговца; на месте троп строились дороги, они разрастались до шоссе, которые, в свою очередь, превращались в железные дороги. Можно показать, что происхождение последних в южных штатах США, на Дальнем Западе, в доминионе Канада одно и то же. Торговые фактории, к которым вели эти тропы, размещались на местах индейских поселений, положение которым выбиралось согласно подсказке природы. Эти фактории, расположенные так, чтобы кон-

тролировать водные системы страны, выросли в такие города, как Олбани, Питтсбург, Детройт, Чикаго, Сент-Луис, Каунсил-Блаффс и Канзас-Сити. Цивилизация в Америке текла по артериям, рожденным геологией, вливая через них все более мощные потоки, пока, наконец, малозаметные тропинки, которыми туземцы пользовались для связей между собой, были расширены и соединены в сложные сети современных коммерческих систем; дикая местность была пронизана рубежами цивилизации, становившимися все более многочисленными. Для континента, который первоначально был примитивным и инертным, процесс похож на непрерывный рост высокоразвитой нервной системы (с. 22).

Вопросы к обсуждению:

1. Как торговля способствовала продвижению фронта?

Функции фронта. Фронт как консолидирующий фактор

С конца XVII в. неоднократно созывались межколониальные конгрессы, на которых обсуждались вопросы ведения дел с индейцами и организации общих оборонительных мер. В тех колониях, которые не имели общих границ с туземцами, проявлялся сильнейший партикуляризм, но индейский фронт, протянувшийся вдоль западных рубежей колоний, буквально сшивал их воедино. Краснокожие были опасны для всех, и против этой опасности требовалось предпринимать совместные действия. Самый известный из этих конгрессов был проведен в 1754 г. в Олбани для обсуждения мер в отношении «Шести наций» и рассмотрения планов образования союза. Даже беглого ознакомления с планом, предложенным конгрессом, достаточно, чтобы увидеть всю важность фронта. Полномочия генерального совета и его должностных лиц состояли в основном в определении вопросов мира и войны с индейцами, регулировании торговли с ними, покупки земель у них, создания новых поселений и управления ими как меры безопасности против туземцев. Очевидно, что объединительным тенденциям периода Революции способствовало происходившее в предыдущие годы сотрудничество в регулировании условий жизни в пограничье. В связи с этим можно упомянуть о важности фронта, сохраняющейся с тех пор и до сего времени как школы военной подготовки, поддерживающей мощь сопротивления агрессии и развивающей в колонистах, заселявших эту область, такие качества, как стойкость и силу (с. 23).

Движение фронта

Охотник и торговец шли на запад за зверем, скотовод – к заросшим травой пастбищам, а фермера на запад влекло использование целинных

земель речных долин и прерий. Хорошие земли были наиболее сильно действующим постоянным фактором притяжения на фермерский фронтир. В начале колониального периода земельный голод, от которого страдали виргинцы, уводил их вниз по течению рек в Каролину; в поисках земель поселенцы из Массачусетса уходили в Пенсильванию и колонию Нью-Йорк. По мере того как земли на Востоке оказывались заняты, миграционные потоки, перехлестывая восточные территории, потекли дальше на запад (с. 25-26).

Причины продвижения фермеров на новые земли

Если не упоминать о фермерах-пионерах, которые перемещаются из любви к приключениям, продвижение более основательных фермеров легко понять. Ясно, что иммигрантов притягивают дешевые земли на фронтире, и даже уже оседлые фермеры ощущают сильное влияние этого фактора. Год за годом им, живущим на землях, урожаи с которых падают из-за отсутствия севооборота, предлагаются целинные земли пограничья по номинальным ценам. Для их разрастающихся семей требуется больше земли, а она дорого стоит. Конкуренция с неистощенными, дешевыми и легко поддающимися возделыванию землями прерий заставляла фермера либо уезжать на запад и продолжать истощать землю на новом фронтире, либо переходить к интенсивным методам земледелия. Так, перепись 1890 г. показывает, что на СевероЗападе США во многих графствах наблюдалось абсолютное или относительное сокращение населения. Тамошние штаты посылали фермеров осваивать фронтир на равнинах, а сами начали обращаться к интенсивному земледелию и животноводству, а также к развитию промышленности. Десятилетием раньше признаки такой же переходной стадии проявил штат Огайо. Таким образом, спрос на землю и любовь к свободе в условиях дикой местности отодвигали пограничье все дальше (с. 28.)

Последствия фронтира

Во-первых, мы отмечаем, что фронтир способствовал формированию американского народа смешанного национального состава. Население побережья главным образом состояло из англичан, но в последствии волны континентальной иммиграции шли одна за другой на свободные земли, минуя побережье. С самого начала колониального периода положение было именно таким. Шотландцы из Ольтера и немцы из Пфальца или «пенсильванские немцы» стали основной частью жителей колониального фронтира. Среди них находились также освобожденные законтрактованные слуги, взявшие по заключенным с ними договорам

обязательство отработать свой проезд в Америку. Выполнив эти обязательства, они уходили на фронт (с. 28-29).

Фронт и демократия

Но самым важным влиянием фронта оказалось его содействие развитию демократии и здесь, и в Европе. Как уже отмечалось, фронт способствует развитию индивидуализма. Высокоразвитое общество в условиях дикой местности преобразуется в некую примитивную организацию, основанную на семье. Это антиобщественная тенденция. Она порождает глубокую неприязнь к контролю, особенно к любому прямому контролю. Сборщик налогов рассматривается как представитель тирании. В своей талантливой статье профессор Осгуд указал, что преобладавшие в колониях условия жизни приграничья являются важными факторами для объяснения Американской революции, где личную свободу иногда путали с отсутствием любого эффективного управления. Те же условия помогают объяснению трудностей на пути организации сильного правительства в период Конфедерации. Индивидуализм жителей фронта с самого начала способствовал демократии. Штаты фронта, вошедшие в состав Союза в течение первых двадцати пяти лет его существования, были демократичными в области избирательного права, и это оказало исключительно важное обратное воздействие на более старые штаты, население которых уходило в эти приграничные штаты. Жизненно важным стало расширение прав участия в выборах (с. 34-35).

Отрицательные черты фронта

Наличие свободных земель, пока они есть, создает возможности зажиточной жизни, а экономическая мощь обеспечивает политическую власть. Но демократия, порожденная наличием таких земель, с упором на эгоизм и индивидуализм, нетерпимая к административному управлению и образованию, требующая таких личных свобод, которые выйдут за должные пределы, – такая демократия, хотя она и имеет определенные преимущества, таит в себе свойственные ей опасности. Американский индивидуализм привел к небрежности в отношении к государственным делам, которая сделала возможными систему «дележа добычи» среди сторонников победившей на выборах партии и все очевидные отрицательные явления, вытекающие из отсутствия высоко развитого духа гражданственности. В связи с этим можно, далее, отметить влияние условий фронта, проявлявшееся в низком уровне профессиональной этики в бизнесе, завышенном курсе бумажных денег и спекулятивной банковской деятельности (с. 36.).

Проанализируйте как оценивается вклад Тёрнера в изучение концепта границы в истории.

Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова и др. Казань, 2004. С. 199-223.

«Процесс демаркации приводит к появлению по ту сторону реальной или воображаемой линии «Другого», который естественно воспринимается как потенциальная угроза. Поэтому поддержание границы – противоречивый процесс. Более того, в реальности пограничные линии, будь то территориальная граница или социальная, склонны быть скорее пористыми, нежели непроницаемыми. Кочевники, паломники, мигранты, разбойники и контрабандисты пересекают границу, также как новообращенные верующие, эмигранты и классовые перебежчики. Концепция фронта может быть востребована для того, чтобы встроить эту неоднозначную пористость границы в наше понимание способов, с помощью которых человеческие существа стремятся разделять и отделять социальное пространство. В отличие от линейных границ, фронты представляют собой переходные зоны, в которых происходит взаимодействие между двумя или более различными культурами или политическими структурами» (Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 199).

«На протяжении XIX и XX веков в научной литературе было постепенно проведено более четкое различие между понятиями границы и фронта. Это было достигнуто с помощью выделения территориального смысла границы из традиционного понимания ее как линии. Исследователи постепенно переходили к рассмотрению границы как процесса, а не как географически фиксированного места, и обращали внимание на символизм и мифологию, что стало возможным в результате взаимодействия новых дисциплин, антропологии и исследований культуры (cultural studies), с географией и историей. Концептуальная трансформация аналитической категории «границы» не была линейным процессом, она также не была повсеместно принята. Самое упорное сопротивление оказывалось геополитиками, которые остались твердо привержены пониманию границы как политической разделительной линии, несмотря на то, что в феномене границы с очевидностью проступало ее культурное или идеологическое происхождение» (Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравни-

тельно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 199).

Вопросы к обсуждению:

1. Как исследователи теоретически обосновывают разницу в понятиях «граница» и «фронтир»?

«Огромный объяснительный потенциал его теории заключался в том, что Тёрнер пытался связать феномен границы с уникальностью характера американской цивилизации. Парадоксальным образом, концепция фронта стала моделью как для исследователей, желающих следовать теории Тёрнера, так и для тех, кто отвергал послышки данной теории, для анализа целого ряда различных обществ, которые, несмотря на различия, были сходны в том, что в их истории присутствовал фактор подвижной границы. Таким образом, концепция Тёрнера до сих пор служит главной отправной точкой для сравнительных исследований по мировой истории. Основные инновации в развитии теории границы были произведены на основе ревизии первоначального тёрнеровского тезиса, что не вызывает удивления, так как именно в Америке огромное число историков интересуется данной проблематикой. Кроме того, для американской академической культуры характерен постоянный методологический поиск. В итоге возникло то, что можно назвать триптихом тёрнеровской иконографии. По одну сторону от первоначального тезиса располагается самостоятельная концепция границы как пространства, которая была осмыслена на основании истории возвышения и консолидации централизованного государства, а именно французского исторического опыта, интерпретированного историками школы Анналов. Например, Люсьен Февр настаивал, что изучение границы возможно только в связи с исследованием ее связи с природой государства, которое определяет политическое и военное значение этого термина. По другую сторону от центрального тёрнеровского тезиса располагается третья часть триптиха, которая представлена символической (ментальной) географией, т.е. тенденцией к изучению процесса конструирования ментальных границ на основе нормативного отношения к «Другому». (Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 201).

Вопросы к обсуждению:

1. В чём заключается эвристический потенциал теории Тёрнера?

«Необходимо заметить, что отдельные характеристики двух или даже всех трех типов границы могут совпадать. Для того чтобы избежать чрезмерного однообразия и учитывать разнообразие исторического опыта, необходимо дополнить три типа границы соответствующими подтипами. Так или иначе, граница в нашем случае должна быть осознана как зона, отличная по своему характеру от границы-линии. В то же время, линейность и зональность границы часто соотносятся друг с другом, а разделительные линии (границы в обычном понимании этого термина) могут исторически вытекать из характеристик территории, которая в нашем случае определяется как пограничная зона. Тем самым я хочу сказать, что политические или территориальные разделительные линии могут в разной степени совпадать с распределением географических или этно-лингвистических характеристик. В иных случаях граница может иметь слабое отношение к географии и культуре или вовсе не иметь его, но служить обозначением пределов военного завоевания». (Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 203).

Вопросы к обсуждению:

1. Какие типы границ можно выделить?

«Заслуга Тёрнера заключается в формулировании проблемы границы в исторической перспективе и предложенной интерпретации феномена границы как конституирующей основы американской цивилизации. Многомерность тёрнеровского подхода обеспечила ему продолжительную интеллектуальную жизнь даже тогда, когда от Тёрнера в нем остался лишь общий каркас. Тёрнер использовал сочетание экономической географии, социально-структурного анализа и идеологии, хотя и не всегда отношения между этими элементами были логически последовательно выстроены. Его замечательные эссе не оформились в полностью завершенную теорию, они оставляли возможность для множественных интерпретаций, глубокой ревизии и критического переосмысления. Как и в случае с другими центральными темами исторической мысли, важность тёрнеровского тезиса заключается не столько в первоначальных постулатах, сколько в литературе, которая впоследствии была произведена тёрнеровским поворотом. Дискуссия о тёрнеровском наследии проходила в двух направлениях: национальном (американском) и компаративном (мировом)». (Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический под-

ход // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 214).

Вопросы к обсуждению:

1. В чём заключается основная заслуга Тёрнера?

«Пересмотр тезиса Тёрнера в американской историографии развивался вокруг двух концептуальных полюсов: методологической инновации, в частности, с точки зрения антропологии и экологии, и новых интерпретаций значения тёрнеровской гипотезы, которые отражали меняющиеся приоритеты общества, находящегося в постоянном поиске собственной идентичности. В настоящее время изучение дискуссии о Тёрнере стало самостоятельной исследовательской областью.⁴³ Положение о границе как о продвигающейся линии было отвергнуто благодаря работам регионалистов, которые указали на множественность пространственных измерений границы. Но тёрнеровское смещение значения границы как линии и как целого региона «Великого Запада» не перестает служить источником теоретической инновации. В американской историографии также наметилась тенденция к отказу от пространственного определения границы и замены его на культурное, хотя Тёрнер и сам заложил в свои работы возможность такого подхода - в тезисе о границе как о месте и процессе. Тёрнеровское понимание границы как разделительной линии между «дикостью» и «цивилизацией» или как поступательного движения в «пустые земли» под воздействием антропологии превратилось в концепцию границы как зоны взаимодействия, которое вовлекает два или более ранее замкнутых общества в разнообразные культурные и торговые «пограничные обмены». Примером такого взаимодействия могут служить контакты между коренным индейским населением и колонистами или переселенцами». (Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 214).

Вопросы к обсуждению: Вокруг каких ключевых вопросов происходил пересмотр теории Тёрнера?

Сравните также описание колонизации, представленное историком т.н. консенсусного направления в американской историографии (Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт / под ред. В.Т. Олейника. М.: Изд. Группа «Прогресс» – «Литера», 1993. 480 с.).

«Америка зачиналась как отрезвляющий опыт. Колонии были поч-

вой, опровергавшей осуществимость утопий. В последующих главах мы постараемся показать, как реальность Америки растворяла в себе или преображала радужные мечты, возникшие под небом Европы, были ли те грезы плодом пылкого воображения творцов нового Сиона или перфекционистов, филантропов или переселенцев. Новая цивилизация рождалась не столько из планов и проектов, сколько из того отрицания, какое Новый Свет привносил в обыкновения Старого». (Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт / под ред. В.Т. Олейника. М.: Изд. Группа «Прогресс» – «Литера», 1993. С. 10).

Ничто так не способствовало готовности американца к восприятию самых невероятных открытий и счастливых случайностей, как безграничные просторы, на которых он жил. Конечно, он был готов к неожиданностям. И, тем не менее, в американском опыте было столько непредсказуемого что трудно было даже вообразить. Никогда прежде такая многочисленная современная нация не жила на столь неясно обозначенной территории. Континент был едва исследован, тем не менее поселенцы опережали исследователей. Они располагали небольшим количеством карт, да и те были никуда не годными. Нанесенные на них воображаемые цепи гор, реки, озера, пустыни оказывались порождением оптимизма или отчаяния: рай или ад – Великий Американский сад или Великая Американская пустыня.

В первое столетие своего национального существования американцы жили, не имея границ, на бесчисленных островах неопределённых очертаний. Продвижению на Запад не было предела. Вся американская жизнь, как и сама нация, отличалась отсутствием четких границ. Континент был покрыт полутенями, состоящими из знакомого и неизвестного, факта и мифа, настоящего и будущего, местного и чужеродного, добра и зла.

Они жили на малознакомом материке, даже не подозревая, как мало они о нем знают. Однако если бы они знали больше, то, вероятно, отважились бы на меньшее. Их предприимчивость подогревалась выдумкой, небывлицами, дикими надеждами и безосновательной уверенностью». (Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт / под ред. В.Т. Олейника. М.: Изд. Группа «Прогресс» – «Литера», 1993. С. 284-285).

Вопросы к обсуждению:

1. В чем отличия интерпретации начальной истории США у Тёрнера и Бурстина?

Тема 2. Теория фронта в исторических исследованиях

1. Фронт в древности

«Задолго до появления термина «фронт» существовали обозначения границы: укрепленные на месте военные объекты или стены, означавшие пределы распространения государственного суверенитета. Древнейшие исторические свидетельства существования границ отражают потребность государства в определении пределов своей публичной власти, в том её виде, как она существовала в империях древней Месопотамии или Египта. С другой стороны, границы свидетельствуют о потребности маркирования пределов частной собственности, как это было в греческих городах-государствах. В обоих случаях обозначения границ надеялись сакральным характером, а их уничтожение означало победу завоевателя. «Афинская и Римская империи, а также независимо от них Китайская империя и империя Сасанидов» ввели две дополнительные характеристики границы: возведение стен или оборонительных линий и определение народов по другую сторону границы как культурно неразвитых, т.е. «варваров». Появление понятия «варвары» стало, возможно, первым в истории примером символической границы. Попытки римских и китайских императоров и правителей-Сасанидов зафиксировать границы постоянно проваливались под воздействием миграций и налётов кочевников. Но древние империи также поощряли развитие взаимовыгодных культурных и экономических обменов с «варварами» на территории обширных и нечетко определенных пограничных зон. Однако внешняя оборона трех рассматриваемых империй различалась в одном важном пункте. Китайская стена ограничила две очень разные культуры: оседлое земледельческое население и животноводов-кочевников. В отличие от китайской стены, по ту и другую стороны границы Римской империи с «варварами» жило население с одинаковой социальной организацией и бытом. Сасаниды столкнулись с двумя типами границы. К северу они держали оборону против кочевников, которых воспринимали как варваров, пришедших с Кавказских гор. На западе располагались враждебные Римская и Византийская империи, которые они считали равными себе» (Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова и др. Казань, 2004. С.199-223).

Вопросы к обсуждению:

1. Значение границ в древности.
2. Представления о варварах.

2. Границы исламского мира

«Государственные границы исламского мира представляют собой переходный тип между границами древних империй и современных европейских государств. Османская концепция границы возникла в результате смешения трех традиций, которые лежали в основе самовосприятия османского государства, традиции кочевого военного быта, исламского религиозного уклада и византийской имперской модели. В X веке тюркские племена переселились из Центральной Азии в Месопотамию, где они приняли ислам и заняли малоконтролируемую территорию по всей протяженности границ Византии. В XIII веке возникло сословие духовных воинов (*gazhis*), которое имело свой аналог в Византии (акриты). В Византии ряды духовных воинов вначале пополнялись греками, но затем на смену им пришли турки из племен, живших по ту сторону границы. В этой смежной зоне война и торговля сменяли друг друга так же, как это происходило на римской или китайской границе. Пористая граница способствовала проникновению османских турков в Византийскую империю и последующему завоеванию ими империи. Следуя основным положениям ислама, османские турки разделяли мир на две культурные части: Дар ал-Ислам – обитель ислама, и Дар ал-Харб – удел войны. Эта формула содержала оправдание расширения границ во всех направлениях.

Однако на практике было невозможно жестко следовать дуальности мира, заданной исламской теологией. Эрозия традиции воинов ислама протекала на протяжении последовавших столетий, привнося изменения в концепцию границы. Первой вехой в этом процессе стало завоевание Константинополя в 1453 году, которое «положило конец существованию Османского государства в качестве пограничного княжества и отняло у пограничных территорий (акаг) характер опоры нового политического порядка». Второй вехой стал Карловицкий мир 1699 года, положивший конец долгой войне с Габсбургами. Этот договор обозначил переход от политики джихада как основания для постоянного расширения границы к более оборонительной диспозиции, которая опиралась на пограничные военные укрепления, посредничество и стабильные границы, зафиксированные в международных договорах с христианскими государствами. Третьей вехой стал Кючук-Кайнарджинский мирный договор 1774 года, в котором было зафиксиро-

ровано право христианского государства, Российской империи, представлять на дипломатическом уровне интересы христианского населения Османской империи. Это положение договора стало фактором, повлиявшим на стирание различия между внешними и внутренними границами Османской империи. В этот процесс были также вовлечены и внутренние силы, которые ослабили османскую оборону границ, как только были поставлены пределы завоевательному движению османской армии. После XVI века центральное правительство более не могло использовать традиционную политику «Сюрджуна», т.е. насильственного перемещения турецких крестьян из Анатолии в приграничные территории (что было причиной тюркизации некоторых частей юго-восточной Европы).

Благодаря различию в специфике репродуктивных культур мусульманского и христианского населения мусульмане постепенно уступали позиции христианам в юго-восточной Европе. Османской империи сопутствовал большой успех на границах с исламским миром. Она была способна контролировать передвижения племенных обществ в пустынях северной Аравии, верхнего Египта и южных регионов Северной Африки. В других пограничных территориях, таких как Трансиордания, реформистский импульс эпохи танзимата середины XIX века привел к земельной реформе, появлению общественной сферы и рыночной экономики, которые усилили связи между периферией и центром. На Кавказе османская политика границы с большим Успехом проводилась в районе черноморского побережья, чем в горной Армении и Курдистане. Черкесское и грузинское население было вовлечено в торговую жизнь Причерноморья, в которой доминировали турки Черкесы и грузины поставляли высоко ценившихся рабов для армий и гаремов султана. Но как только Османская империя попыталась вытеснить иранцев из горных районов, она столкнулась с упорным сопротивлением горских племен. Это же сопротивление выпало на долю Российской империи, которая унаследовала его вместе с приобретенной территорией на своем южном рубеже.

Иранский случай показывает, что все правящие династии, от сельджуков до последней правящей династии Каджаров, происходили из племенных конфедераций, располагавшихся на периферии. Как заметил один видный эксперт по иранской истории, «племенные группы занимали приграничные территории на протяжении веков, так как именно на государственной периферии сохранился и процветал племенной уклад». С одной стороны, это означало, что иранские границы были самыми нечеткими, пористыми и колеблющимися относительно границ других исламских государств и всего Евразийского простран-

ства. С другой стороны, в истории Ирана существовала вполне определенная концепция «кираншахр», которая сохраняла свое значение со времен Упадка империи Сасанидов и до сегодняшних дней. Как и Китай, Иран на протяжении своего существования всегда сталкивался с кочевым фактором на всех трех направлениях своего пограничья: на северо-западе (т.е. на Кавказе), на севере (в лице туркмен) и на северо-востоке (в лице афганцев). Расширение границы Ирана зависело от способностей таких харизматических фигур, как шах Измаил, шах Аббас и Надиршах, к завоеванию внешних земель при помощи сочетания военного Умения и Универсалистских исламских претензий, выведенных из шиитского мессианизма. Кроме племенных границ, в иранской истории также существовали несколько религиозных границ суннитско-шиитская граница на западе с османами и в Центральной Азии с Узбеками, а также исламско-христианская граница на Кавказе с Грузией.

Дополнительную сложность иранским религиозным границам придавало существование мессианских суфийских сект среди племен пограничной зоны. Мистическая доктрина суфизма являлась идеологической основой частых восстаний против власти централизованного государства. Как и Китай, Иран на протяжении своей истории сталкивался с проблемой нестабильности границ, которая порой выливалась в завоевания государства кочевниками и основание последними собственных правящих династий. Как и в случае с Османской империей, отказ Ирана от завоевательной политики по отношению к сопредельным территориям и застывание границ в XVIII и XIX веках сопровождалось возрастающей секуляризацией государства и исчезновением последних следов влияния мессианизма. В обоих случаях «нельзя недооценивать психологическое воздействие утраты «постоянно расширяющейся границы» ислама». Под давлением со стороны западноевропейских колониальных держав и Российской империи были изменены и консолидированы границы Османской и Иранской империй с тем, чтобы отдаленно соответствовать границам обычного национального государства» (С.205-209)» (Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова и др. Казань, 2004. С.199-223).

Вопросы к обсуждению:

1. Какова роль религиозного фактора на фронтире?
2. Представления о границах жителей исламского мира.

3. Римско-иранское пограничье

«Римско-иранское пограничье – одна из самых длительно существовавших приграничных территорий в мировой истории. Она существовала с I в. до н.э. по VII в. н.э. В его орбиту с течением времени втягивалось все большее количество государств, племен, народов. Но, римско-иранское пограничье, в свою очередь, не являлось исключительно буферным пространством между двумя «Великими державами» Древнего мира и Раннего Средневековья (последовательно сменявшимися Античными государствами: Римской республикой, Империей и Византией; в противовес Иранским государствам: Парфии Аршакидов и Персидской империи Сасанидов). Помимо чисто политического пространства в римско-иранском пограничье складывалось сложное культурное, этническое и конфессиональное пространство.

Арабский фактор, как частный вариант этноконфессионального, в развитии римско-иранского пограничья отчетливо начинает проявляться еще с момента его формирования. Арабы первоначально располагались в центральной части Аравийского полуострова. Начиная с IV в. до н.э. начинается миграция арабских племен в области Сиро-Палестинского и Месопотамского регионов. Часть, которую контролировал Рим, называлась Arabia Petrae, зависимая от Парфии - Arabia Deserta. Но была и Arabia Felix «Счастливая Аравия», независимая зона между двумя великими державами. К ней относились, например, Хатра, Пальмира и Эдесса (Руссо, 2015). Таким образом, необходимо констатировать, что арабы представляли собой органическую часть римско-иранского пограничья, играя роли буферного, лимитрофного пространства. На территории современного Синайского полуострова, Заиордания, Восточной Сирии, западной и северной части Месопотамии арабы закрепляются на рубеже II-I вв. до н.э., они постепенно меняют этнический ландшафт на территории римско-иранского пограничья. Еще в III в. до н.э. образовалось арабское государство Набатейское царство. Ими основываются также ряд арабских государств: Осроена, Пальмира, Хатра, Харакена и др. (с.59-60)». (Камышев К.Д. «Арабский фактор» в развитии римско-иранского пограничья // Журнал Фронтальных Исследований. 2017. No 2. С.59-72)

Вопросы к обсуждению:

1. Какова роль арабов в развитии римско-иранского пограничья?

4. Лимес и фронтир: роль пограничных рубежей в противостоянии цивилизации и варварства

«Варварство – это относительное понятие, а сам термин употребляется цивилизованными писателями и исследователями применительно к менее развитым соседям. Можно сказать, что сами варвары не знают о том, что они варвары, и поэтому не противопоставляют себя цивилизации, равно как не замечают своего культурного единства на фоне цивилизованных соседей. Юлий Цезарь, воюя с кельтами и германцами, преподносил в своих мемуарах военную кампанию как завершение векового противостояния античной цивилизации абстрактным варварам, но сами кельты и германцы видели эту войну лишь как конфронтацию племени гелльветов или свебов римлянам, воспринимаемым как еще одно племя, только не кельтское и не германское.

Поскольку в цивилизованном обществе благодаря рационализации труда военное дело быстро становится профессиональным и обретает сложную технику, то варвары раз за разом терпят поражение на поле боя. Однако это продолжается недолго: рационализация военного дела приводит к его отделению от гражданского общества, превращению воинов в замкнутую касту профессионалов, оплачиваемых из казны, и с этого момента цивилизация может победить варваров, но не может их завоевать. Захваченные земли попросту некому заселить: воины сражаются и живут в военных лагерях, а гражданское население больше не участвует в сражениях и наблюдает за исходом кампаний из дома, исключительно со спортивным интересом. Поэтому войны становятся невыгодны цивилизованному обществу: содержание войск и проведение походов стоят дорого и ничего не приносят, потому что варварское общество не имеет богатств, которые можно было бы захватить в качестве трофеев. Между тем варвары постоянно беспокоят границы цивилизованных государств своими набегами и вмешательством в междоусобицы. Поэтому все цивилизованные монархи рано или поздно приходят к желанию отгородить цивилизованный мир от *Barbaricum Solum*.

В такой момент цивилизационного развития начинается строительство пограничных укреплений, которые римляне называли *limes*, то есть предел распространения цивилизации и одновременно граница, за которую варварам хода нет. Сначала лимес носит символический характер, но по мере старения цивилизации войска ее становятся все менее надежными, и полководцы предпочитают доверять крепостям, а не мечам... Средиземноморский опыт отгораживания от варваров не

является уникальным: похожим путем шла китайская цивилизация в своих отношениях с кочевниками евразийской степи...

Но всегда ли пограничные укрепленные рубежи бесполезны для цивилизации? Примеры римского лимеса и Великой китайской стены показывают, что нет более надежного способа швырнуть на ветер половину государственной казны, чем превратить границу в сплошной укрепрайон. Однако есть и пример лимеса, вопреки выявленной нами закономерности сыгравшего в истории своих создателей благотворную роль. Речь идет о Белгородской засечной черте – линии укреплений, возводимой русскими монархами на южных рубежах Московского царства с 1586 по 1677 г. Здесь были те же фортификационные сооружения, что на римском лимесе и Великой китайской стене: форты, наблюдательные башни, валы, сигнальные костры, конные патрули, а также тактическая новинка XVII в. – огнестрельное оружие. И содержание русского лимеса легло на царскую казну таким же неподъемным грузом, как и обслуживание британских, рейнских и дунайских укрепрайонов – на казну императорского Рима. Русские пограничные крепости предназначались исключительно для военных нужд и не просто не окупались, но даже в принципе не могли содержать себя сами. Их жители были в основном воинами, а торговцы и ремесленники представляли собой незначительное меньшинство... Недалек был тот час, когда государство оставило бы крепости без боя, как это нередко делали римляне на закате империи. Но татары Дикого поля находились под сильным османским влиянием и не годились на роль московских «федератов». Поэтому русские цари в отличие от римских императоров с самого XVI в. не питали иллюзий касательно варваров, которые якобы защитят границы страны. Проблему южных границ пришлось решать оригинальным способом. Россия подарила миру уникальный опыт создания собственных внешних варваров, которые получали боеприпасы за счет казны, жили за пределами границ царства и атаковали в степи врагов московской короны. Именно так зародилось казачество, которое базировалось на территории кочевников, но в котором преобладал славянский элемент благодаря происходившим в России социально-экономическим процессам. Донским атаманам, имевшим чаще всего русское происхождение, было проще сотрудничать с Москвой, чем с протурецким Крымом.

Активная внешняя политика Петра I превратила лимес во фронт, стремительно наступающий на степь и базирующихся за ней врагов русской короны... Однако, говоря о казачестве, важно отметить, что это ни в коем случае не аналог римских или китайских императорских войск. Это внешние варвары, которые играли на Белгородской черте

роль «союзников» и вели себя так же, как и германские и гуннские федераты на лимесах Рима и Китая... Вторжение донских казаков в Поволжье было сродни варварскому нашествию эпохи темных веков: произошла ликвидация государственного аппарата, отмена даже самых необходимых бюрократических процедур, а главное – бесконечные расправы и грабежи... То есть казаки были по отношению к Московскому царству аналогом германских и степных варваров, терзавших увядающие Римскую и Китайскую империи. Однако в отличие от своих древних и средневековых «двойников» казаки все-таки были производны от культуры метрополии, а их старшины даже жили за царский счет... В отличие от готов казачество принципиально не допускало истребительной войны с русской цивилизацией. Именно поэтому в дальнейшем Россия много раз обращалась к услугам казаков при расширении своих владений на Северном Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке, не опасаясь, что «рукотворные» варвары повернут оружие против метрополии.

Обобщая оборонительный опыт античной, китайской и русской цивилизации, можно сделать вывод: системы укреплений и пограничных заграждений не могут переломить политическую ситуацию сами по себе. Эти меры лишь временно ослабляют варварский напор на рубежи цивилизованного общества, которые затем все равно будут прованы. Русский исторический опыт отличается от римского и китайского лишь тем, что государство использовало лимес не в качестве раз и навсегда установленной границы, а как временную преграду, под защитой которой можно было вести медленную и планомерную экспансию в степь. Именно благодаря созданию и финансированию казачества, варваров, всесторонне зависящих от Москвы, русская цивилизация смогла повернуть ход истории и не только пресечь набеги кочевников, но впоследствии аннексировать все кочевья Дикого поля вместе с их обитателями. Прочность стен и мощь пушек Белгородской черты если и сыграли какую-нибудь роль в этом процессе, то лишь самую второстепенную». (Сулимов С.И., Черных В.Д. Лимес и фронт: о роли пограничных рубежей в противостоянии цивилизации и варварства // Этнодиалоги. 2022. №1 (67))

Вопросы к обсуждению:

1. Выявите роль пограничных рубежей в противостоянии цивилизации и варварства.
2. Чем русский исторический опыт использования лимеса отличается от римского и китайского?

5. Японский фронтир

«Большой специалист по японскому фронтиру уже упомянутая австралийская исследовательница Т. Моррис-Судзуки, анализируя японский фронтир, постоянно подчеркивает, что восприятие японцами фронта в значительной мере перемещалось в сторону темпоральных характеристик, т.е. от категорий пространства к категории времени. Но как только мы совершаем этот переход от пространства к темпоральным характеристикам (современный, прогрессивный/отсталый, архаичный и т.д.), фронтальные параметры ускользают от нас. В этой дихотомии мы уходим не в сторону «времени», а в сторону аксиологических оценок. Вообще, если мы начинаем рассматривать фронтальные системы на Японских островах, то мы неизбежно приходим к нескольким моделям: архаичной, модернистской и современной. Архаичная модель, как и деление населения на японцев и варваров, восходит к китайской картине мира, в которой, как и подобает мифопоэтической картине, большую роль играли пространственные характеристики: деление на четыре стороны мира, деление на верх/низ и т.д. Отсюда все народы, живущие по разным сторонам света, маркировались в соответствии с этими сторонами (северные варвары, южные варвары и т.д.). Место проживания этнических групп (горы, равнины, моря) также накладывали свой отпечаток.

Эпоха модернизации коренным образом изменила отношение к иноэтническим группам на Японских островах. Именно в этот период к традиционным оценкам добавились новые маркеры, отводившие этим народам место уже не только на периферии, но и ставящие их на ступень ниже по сравнению с японцами. В этом плане японский подход ничем не отличался от общеевропейского. Своеобразным подтверждением этому могут быть различные выставки и экспозиции, особенно так называемая «Колониальная выставка» (Takushoku hakurankai), проводимая в Токио в октябре-ноябре 1912 г. Среди «экспонатов» выставки устроители демонстрировали посетителям и айную «деревню». Нет нужды пояснять, что в выставке приняли участие и настоящие айны с Хоккайдо и Сахалина. Были там и несколько нивхов с Сахалина. Правда, первая японская выставка, на которой «выставляли» айнов была организована в Осаке в 1903 г. (Пятая промышленная выставка). Предыдущий период предубеждений и страхов, а также ненависти к Чужому сменяется колониальной политикой, направленной на покорение новых народов и получение максимальной выгоды с новых территорий. В этот период к позиции силы, с которой метрополия разговаривала со своей периферией, добавился закон, согласно которому ко-

ренное население лишалось всех своих прав. Параллельно происходила активная ассимиляция, выразившаяся в уничтожении айнской идентичности, о чем говорилось уже ранее. Им запрещали татуировку лиц, ношение серег, и ритуалы сжигания жилища умершего. Одновременно делаются попытки приобщения айнов к земледелию и распространению японской культуры. В силу необходимости получения новых территорий центральные власти проводят политику насильственного переселения. Все это сводит все старания по ассимиляции на нет, так как с одной стороны айны объявляются равноправными с японцами, но с другой, они автоматически превращались в изгоев, «переселяемых» в еще более отдаленные земли». (Павленко Н. В. Фронтир с японским лицом // Журнал Фронтирных Исследований. 2017. No 4. С.127-140).

Вопросы к обсуждению:

1. В чём специфика японского фронта?

6. Границы в средневековой Европе

«В средневековой Испании понятие границы появилось рано и стало культуро- и государствообразующим фактором. Столкновение с иноцивилизационными формами политико-правовой жизни ускорило процесс идентификации народов Полуострова и появление феномена нации (напр., Castro, 1948). Само полуостровное положение создало ситуацию, в которой ни одна из противоборствующих сил (христиане и мусульмане) не могла ни уступить своего места, ни доминировать. Сложившиеся в процессе столкновения импульсы не могли рассеяться в окружающем пространстве в течение длительного времени. Испания впервые оказалась перед лицом подобной ситуации: ранее на её территории происходило огромное количество столкновений локальных культур в рамках одной – средиземноморской – цивилизации, которые в той или иной мере находились в зоне влияния Рима. В любом случае они были либо христианскими, либо языческими, но расположенными на орбите притяжения Империи. Столкновение цивилизаций, вероятно, впервые в истории Испании жёстко поставило вопрос о границе и идентификации, хотя ранее уже сложились предпосылки для разделения на «своё-чужое», «я и другие»: античные колонизаторы устанавливали пределы во взаимодействиях с автохтонным населением. Карфагеняне и римляне создавали аристократические группы, которые мало смешивались с местными, хотя с течением времени испанцы входили в состав элиты и даже получили возможность заключать браки с колонизаторами. Чуть сложнее ситуация сложилась между германцами и рим-

лянами. Как и везде в Европе, освободившись из-под опеки Рима, варвары создавали законодательство, основанное на римских правовых формах, но по содержанию стремившееся к унижению бывших хозяев. Как бы остро ни складывалась борьба между римлянами и варварами, испанцев она затрагивала лишь частично. Столкнувшись с арабами, испанцы пришли к пониманию того, что только выстраивание границ, как физических (крепости, приграничные столбы и т.п.), так и ментальных может спасти их от уничтожения как самодостаточной общности на пути к государственности с собственной политико-правовой системой. Становление испанской нации, возможно, было, защитной реакцией, отторжением исламизации, выразившейся в альянсе разных народов, объединённых общей историей и культурой. Однако в истории становления испанской нации можно увидеть не только отталкивание, которое неизбежно в процессе встречи цивилизаций, но и взаимопроникновение с формированием пограничной зоны, характеризующейся наличием новых культурных элементов. Т. Глик утверждал, что «контакт между культурами, несомненно, креативен, хотя всегда конфликтен», и на примере средневековой Испании это видно особенно ясно.

Усилия, которые необходимо было прилагать для сохранения целостности испанского общества, позволили сформировать на перекрёстке культур уникальную нацию, о чём писал Х.П. Фуси и многие другие авторы. Необходимость создать и закрепить цивилизационную границу приводит к формированию государственно-правовой системы, которая характеризуется наличием рубежей, внутри которых происходят идентификационные процессы. Внутреннее строение этой системы со временем усложняется, что приводит к формированию подсистем – социальных групп. При анализе основного вопроса настоящего исследования мы не будем включаться в дискуссию по поводу разграничения социальных общностей, групп, категорий и т.п. Для удобства общности, организованные разными способами, будут именоваться социальными группами, которые будут различаться по степени организованности (например, мы считаем, что существуют группы, члены которой могут даже не осознавать, что они являются таковыми, но будут ощущать определённую идентичность, например, паломники или лжепаломники) и внутреннему основанию разделения (например, этнокультурные основания или правовой статус).

Социальные группы формировались внутри единого социального пространства; при этом одни из них попадали в сферу ядра официальной правовой культуры, другие – профессиональной, а третьи – обыденной. Официальная правовая культура формируется в зоне бытова-

ния публичной власти. Она не может противоречить общей культуре, но определяет текущие правила и выстраивает общественные отношения, исходя из нынешнего вектора развития. В Средневековье многие выпадали из этого деления, оказываясь на социальной периферии, в маргинальных и пограничных группах...

Полуостровное положение Испании, ограниченное, к тому же, от материка труднопроходимыми в Средневековье горами, создало любопытную ситуацию взаимодействия двух цивилизаций, встретившихся в этом пространстве. Культурные и географические границы не были жёстко привязаны друг к другу, а культурные пространства могли пересекаться, создавая причудливые сочетания, не будучи привязанными к географическим. Нередко представители разных цивилизационных групп не вполне осознавали наличие границ внутри полуостровного пространства. В одном случае эти границы проявлялись очень чётко, а в другом их как будто не существовало вовсе. Так, например, впоследствии в христианской культуре пограничная линия в рамках единого пространства между еретиками и христианами была более жёсткая, чем в ряде случаев между христианами и мусульманами или между идалго и простолюдином.

Испания рано сформировалась как единое ментальное пространство, даже раньше, чем сложилось государство в современном понимании. Это пространство ещё с римских времён определялось как *Hispania*. При отсутствии единства, системности во всех типах общественных отношений этот феномен представлял собой объединительный фактор в правосознании складывающейся испанской нации. Как и в других случаях, когда в средневековом мире «речь шла о единстве мира в восприятии людей средневековья, то не следует забывать, что единство это существовало лишь на метафизическом уровне», по меткому замечанию А. Я. Гуревича. Понятие «Испания» употреблялось как в единственном, так и во множественном числе, что демонстрировало разделение в правосознании ментального и географического пространства. Испании – это локальные политические сообщества, привязанные к географической локации в рамках единого ментального пространства. Например, Исидор Севильский (начало VII в.) не просто говорит об Испании в единственном числе – *Hispania*, но добавляет *mater*, формируя концепт родины, то есть не географического, а ментального пространства (*Sancti Isidori Hispalensis*). Как заметил Ф. Мартинес, «напряжение между универсальным и локальным постоянно и никогда не разрешается удовлетворительным образом, потому что в Средневековье индивид живёт между феодальным уделом или поместьем и деревней, замком, монастырём, с одной стороны, но, несо-

менно, является частью превосходящей политической общности, Империи или Папством, или даже более глобальной, Христианства или Христианской Республики как кульминации». Игру и взаимодействие политических пространств можно показать на примере средневековой монархии и империи в Испании. Король мог управлять в одном королевстве или присоединять какие-то территории и править в двух или трёх королевствах, а император существовал в рамках единого пространства, которое было больше ментальным, чем географическим, включая в себя несколько королевств, но потенциально оно готово было включить ещё неограниченное их количество.

В какой-то момент испанская империя вышла за пределы полуостровного пространства и приобрела черты известной нам империи. Ещё один интересный факт – именование короля одного из локальных королевств императором или правителем «всёя Испании», которая включала в себя не только другие королевства, но и арабские территории, то есть весь полуостров. Похожая ситуация сложилась с хрониками, которые нередко назывались История Испании, хотя писались в локальном королевстве. Тем не менее, История Испании встречается чаще, чем, скажем, История Галисии или Наварры. Водораздел между исламской и христианской цивилизациями был ещё более своеобразным. Он не был чисто географическим, но он не всегда был и культурным (религиозным). Религиозные обычаи не мешали христианским королям и мусульманским правителям взаимодействовать, заключать союзы, в том числе, против тех, кого они считали «своими». Христианские и мусульманские правители в интересах войны или торговли могли объединяться против единоверцев, и принадлежность к одной религии, шире – культуре, не останавливала их. Один из наиболее ярких примеров содержится в эпическом средневековом произведении – предании об инфантах Лара. Сюжет основан на том, что родственники поссорились на свадьбе, и одна из сторон, посчитавшая себя обиженной, обратилась к соседнему исламскому правителю с предложением подстроить ловушку и погубить семерых братьев-обидчиков. Заканчивается история тем, что брат по отцу этим семерым инфантам, полумавро-полухристианин, воспитывающийся на мусульманской территории и не знавший ни своего отца, ни происхождения, мстит вероломному родственнику за братьев христиан. В испанском фольклоре тема пограничных взаимоотношений раскрыта достаточно полно. Существует даже целый пласт фольклорной, так называемой «пограничной» литературы». (Калинина Е.Ю. Маргинальные и пограничные социальные группы средневековой Испании // Журнал Фронтальных Исследований. 2021. No 1. С.20-40).

Вопросы к обсуждению:

1. Какова роль границы в средневековой Испании?

7. Проблема «границы» в Европе Нового времени

Государственные границы в Западной Европе складывались в контексте перехода от феодальной фрагментации к централизованной абсолютистской монархии. Во Франции, установившей принцип совпадения государственного суверенитета с пределами государственной территории, феномен границы прошел развитие от линии крепостей и гарнизонных укреплений до фиксированной линии, отражающей идеологическую, финансовую и языковую однородность заключенной в ее пределы территории. В 1815 году научно обоснованная картография составила основу точного территориального межования. Французское правительстве создало первую в мире карту, основанную на геодезической триангуляции. Триумфу картографов предшествовали декларации пропагандистов «старого режима» и деятелей революции о наличии у Франции «естественных границ», которые представлялись вначале в виде четырех рек (Рона, Сона, Мез и Шельда), а затем, со ссылкой на Страбона и Цезаря, в виде четырехугольных пределов территории древних галлов, Рейна, Альпийских гор и Атлантического океана. К этим границам, освященным древней традицией, французские революционеры добавили значение «национальных» границ, которые отнюдь не случайно оказались совпадающим с «естественными» границами Франции. Политико-территориальное определение нации было совершено до того, как стало ясным, кто принадлежит этой нации и что является ее основанием. Потребовалось еще одно столетие, прежде чем окрепли административные, таможенные и юридические инструменты для претворения в жизнь этого проекта нации на данной территории. На формирование границы национальной территории оказывали влияние как централизованное государство, так и местное пограничное общество. В результате население пограничных зон сохранило особое ощущение местного пространства, хотя и стало идентифицировать себя с французской нацией.

Построенная на основании совпадения государственной территории с естественными и национальными границами и пределами распространения общего языка и культуры, французская, или, точнее, якобинская модель границы по иронии судьбы вернулась во Францию в виде международной нормы, фиксирующей французские границы в соответствии с соглашениями Венского Конгресса. Но после неудачной попытки Наполеона вернуться к власти мстящая Европа отняла у

Франции «естественную» границу по Рейну, которая так никогда и не была ей возвращена Тем не менее идеал границы францужско-якобинского типа получил широкое распространение в Европе. Например, он лежал в основе отделения Бельгии от Голландии в 1832 году, отпадения Норвегии от Швеции в 1902 году и, с небольшими изменениями, служил ориентиром в процессе объединения Италии, Германии и Греции. Влияние данной концепции границы не ограничивалось Европой, она проникла в Латинскую Америку, а также в Африку и на Ближний Восток, где её произвольное применение Британской империей привело к менее Утешительным результатам.

Если границы в колониальном мире представляют собой один подтип французской модели, то границы малых государств Центральной и Юго-Восточной Европы являются другим производным подтипом от этой же модели. Переход от исторических к этнолингвистическим (национальным) границам в этом регионе был запоздалым и привел к ужасным последствиям в силу длительного существования многонациональных империй (Габсбургской, Османской и Российской), основанных на династических интересах. К моменту этого перехода в результате миграций, колонизации и насильственного переселения на данных территориях разные народы распределялись калейдоскопически, их четкий раздел путем проведения линейных границ был невозможен. К этому же времени французскую модель существенно скорректировали Соединенные Штаты Америки. Обоснование целей войны, так называемые 14 пунктов президента Вудро Вильсона, было *reductio ad absurdum* французской концепции национальных границ. В итоге французский государственный деятель Жорж Клемансо вынужден был отказаться от концепции, порожденной Францией, во имя обеспечения безопасности. Послевоенные границы в Европе в большинстве случаев остались пограничными зонами, которые проходили сквозь массу населения без всякого учета этнолингвистического единства представленных групп.

Сходная логика развития привела к картографической катастрофе в Юго-Восточной Европе, где изменение границ происходило на фоне постепенного Упадка влияния Османской империи, которая, в конце концов, прекратила свое существование вместе с Габсбургской империей в котле войны и революции. Начиная с возникновения автономных государственных образований Сербии и Греции, исторический процесс в этом регионе протекал в форме сменяющих друг друга неудачных компромиссов между противоречивыми интересами великих держав и желаниями подвластных народов. Эти народы стремились не только к достижению независимости, но также к утверждению соб-

ственных границ на основании исторических притязаний. Другими словами, национально-освободительные войны были чем-то большим, нежели борьбой за национальное освобождение. В большинстве случаев подавленные национальности пытались следовать примеру тех самых империй, разрушение которых было их основной задачей. На протяжении всего XIX и первой половины XX века развивались бескомпромиссные проекты создания Великой Сербии (осуществленные первоначально в форме Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев), Великой Хорватии, Великой Румынии, Великой Венгрии, Великой Болгарии и Великой Греции.

Границы немецкого мира представляют собой другой подтип феномена европейской границы. Он заключал в себе характеристики, как границы консолидированного европейского государства, так и динамичной подвижной границы. На севере, западе и юге германские границы развивались по французскому сценарию. Но на обширной, географически размытой и этнически смешанной территории немецко-славянского соприкосновения на протяжении тысячи лет сохранялось противоречие между национальным суверенитетом и ареалом немецкого заселения. Для немецких государственных деятелей, а также для публицистов и интеллектуалов XVIII, XIX и первой половины XX века задача консолидации государственной границы со славянским Востоком стала кардинальной и насущной социально-психологической и политической проблемой, которая внесла свой вклад в создание исторических мифов.

Древняя проблема границы между «тевтонами» и «славянами», выраженная в формуле «натиск на Восток» (*Drang nach Osten*), исторически представляла собой сложный процесс колонизации и завоевания. Однако было бы ошибкой описывать взаимодействие между германским и славянским элементами в виде антагонизма, пропитанного осознанными и бескомпромиссными этническими или протонациональными противоречиями. Историки недавно заметили, что колонизация европейского Востока, которая продолжалась на протяжении многих веков, была многонациональной, а не исключительно немецкой. Часто она протекала мирно, а не с помощью завоевания, в ее основе лежало приглашение, а не право завоевателя. Вслед за колонизацией следовала интеграция, а иногда и ассимиляция колонистов в местные политические структуры. В то же время необходимо помнить о важности длительного политического пограничного конфликта между восточными немецкими марками (Бранденбургом и Померанией) и рыцарями тевтонского ордена в Прибалтике, с одной стороны, и польским элементом – с другой.

Искушенный для своего времени политический пропагандист Фридрих II был одним из первых, кто высказал идею о том, что восточные границы Пруссии являются границей между цивилизацией и варварством. Накануне разделов Польши он послал Вольтеру свою оскорбительную сатирическую поэму о Польше. В этой поэме Фридрих II ловко выставил поляков «последним народом в Европе». Надо отметить, что со времен Контрреформации поляки также были заняты изобретением собственного видения границы цивилизации, которая в их варианте проходила на Востоке и отделяла цивилизацию от русских варваров. Данный миф укрепился после завершения разделов Польши.

На протяжении всего XIX века проблема проведения действительных или воображаемых границ с Востоком являлась частью общей проблемы немецкого нациестроительства, которая также включала в себя определение культурной идентичности и построение единого государства. Немцы оказались перед дилеммой построения национального государства по французской (якобинской) модели, либо построения многонациональной империи с включением чуждых национальностей, таких как поляки и датчане. Во время Франкфуртской ассамблеи 1848 года стало ясно, что построение классического национального государства в немецком случае было невозможно, так как малый немецкий путь (Kleindeutsch) оставлял слишком много немцев за пределами искомого государства, в то время как большой немецкий путь (Grossdeutsch) включал слишком большое количество представителей иных национальностей в «национальное государство». Таким образом, последствия «натиска на Восток» преследовали немцев на протяжении еще одной сотни лет. Хотя восточная граница Пруссии-Германии не изменилась в результате бурных перемен периода создания единого немецкого государства и оставалась прежней на протяжении существования второго рейха (Kaiserreich) росла озабоченность в связи с опасностью потери национального немецкого превосходства на пограничных территориях. Данная озабоченность была высказана заметным меньшинством германской политической и культурной элиты. Демографические тенденции работали против немцев. Страх перед данной опасностью нашел свое выражение в развитии антиеврейского и антипольского законодательства вплоть до 1914 года, которое было направлено на ассимиляцию ненемецкого населения.

Первая мировая война открыла новую радикальную фазу в процессе определения восточных границ Германии. Задача приобретения прилегающей полосы польской территории и изгнания из нее польского населения была самой неизменной и общепризнанной из всех целей войны, обсуждавшихся обществом Германии на протяжении военного

конфликта. Немецкое общественное мнение разделилось в оценке желаемых пределов проникновения на Восток и методов экспансии. Наиболее грандиозный план предложили представители армейских кругов, в частности, фельдмаршал Эрик Людендорф. Фельдмаршал разработал военную утопию для «земли войны», которая явилась предшественницей гитлеровской политики «жизненного пространства» (Lebensraum). Немецкие страхи перед опасностью «славянского потока», надвигающегося из-за границ, оказались самосбывающимся пророчеством, воплотившимся в 1945 году, когда тысячелетие «натиска на восток» кануло в лету. Восточные границы Германии были окончательно определены. Новые границы подчинялись логике французской модели. Однако, и на протяжении следующей половины века сохраняла свою актуальность более общая проблема – проблема расположения границ Европы, – и терзал умы вопрос о том, не стоят ли по-прежнему у ворот «варвары».

Динамическая граница может быть охарактеризована как продвигающаяся линия поселений, жители которых занимаются преимущественно сельским хозяйством или задействованы в смешанной экономике, сосуществуя с окружающим кочевым населением и/или населением, менее развитым в технологическом смысле. Применительно к Новому времени три примера могут проиллюстрировать подтипы этого вида границы Соединенные Штаты Америки, бывшие британские доминионы и Российская и Китайская империи США были единственной британской колонией, в которой сразу после достижения независимости граница стала одновременно национальным мифом и главенствующей темой национальной историографии.

В других британских доминионах идея границы оказалась помещенной в иной контекст в силу наличных географических и политических факторов. Континентальная экспансия России и Китая отличалась от обоих «англосаксонских» подтипов в двух важных аспектах. Российская и Китайская империи демонстрировали, скорее, тенденцию к ассимиляции или сосуществованию с завоеванными народами и их культурами, нежели к изгнанию или уничтожению населения приобретенных территорий, как это произошло в случае США, Канады, Австралии и Новой Зеландии (Южная Африка представляет собой специфический случай, которые будет рассмотрен ниже). Эти империи также были вынуждены конкурировать с другими великими державами (в том числе и между собой) за оспариваемое пространство, на котором происходила экспансия границы.

В американском случае ни историки ревизионисты, ни компаративисты, изучающие мировое измерение исторических процессов, не бы-

ли способны полностью освободиться от тернеровской концепции границы даже после того, как они, один за другим, низвергли основания этой концепции. Заслуга Тернера заключается в формулировании проблемы границы в исторической перспективе и предложенной интерпретации феномена границы как конституирующей основы американской цивилизации. Многомерность тернеровского подхода обеспечила ему продолжительную интеллектуальную жизнь даже тогда, когда от Тернера в нем остался лишь общий каркас. Тернер использовал сочетание экономической географии, социально-структурного анализа и идеологии, хотя и не всегда отношения между этими элементами были логически последовательно выстроены. Его замечательные эссе не оформились в полностью завершённую теорию, они оставляли возможность для множественных интерпретаций, глубокой ревизии и критического переосмысления. Как и в случае с другими центральными темами исторической мысли, важность тернеровского тезиса заключается не столько в первоначальных постулатах, сколько в литературе, которая впоследствии была произведена тернеровским поворотом. Дискуссия о тернеровском наследии проходила в двух направлениях: национальном (американском) и компаративном (мировом).

Пересмотр тезиса Тернера в американской историографии развивался вокруг двух концептуальных полюсов методологической инновации, в частности, с точки зрения антропологии и экологии, и новых интерпретаций значения тернеровской гипотезы, которые отражали меняющиеся приоритеты общества, находящегося в постоянном поиске собственной идентичности. В настоящее время изучение дискуссии о Тернере стало самостоятельной исследовательской областью. Положение о границе как о продвигающейся линии было отвергнуто благодаря работам регионалистов, которые указали на множественность пространственных измерений границы. Но тернеровское смещение значения границы как линии и как целого региона «Великого Запада» не перестаёт служить источником теоретической инновации. В американской историографии также наметилась тенденция к отказу от пространственного определения границы и замены его на культурное, хотя Тернер и сам заложил в свои работы возможность такого подхода – в тезисе о границе как о месте и процессе.

Тернеровское понимание границы как разделительной линии между «дикостью» и «цивилизацией» или как поступательного движения в "пустые земли" под воздействием антропологии превратилось в концепцию границы как зоны взаимодействия, которое вовлекает два или более ранее замкнутых общества в разнообразные культурные и торговые «пограничные обмены». Примером такого взаимодействия могут

служить контакты между коренным индейским населением и колонистами или переселенцами. Тёрнеровское видение Запада как среды, прививающей махровый индивидуализм и привычку полагаться только на самого себя, также было подвергнуто критике историков и социологов, которые обнаружили на Западе не менее важное значение социального коллектива. Совсем недавно критики столкнулись с темной стороной исторического наследия пограничной культуры, которая нашла свое выражение в сохраняющемся культе личного оружия и насилия.

Историки экологии подорвали нарисованный Тернером идиллический образ гармонии с природой в жизни на границе. Они указали на последствия практики хищничества, вторжения и «переноса видов животных», которые сопровождали продвижение границы на запад. Центральный тезис Тернера об основополагающей роли пограничной жизни в складывании американских демократических институтов опровергается исследованиями социологов, которые продемонстрировали вклад городов в демократизацию американской жизни, а также роль культуры и ценностей, принесенных с собой первопроходцами с восточного побережья или из Европы. С одной стороны, в дискуссии о Тернере провозглашается полный коллапс его теории, а некоторые историки заходят так далеко, что подвергают понятие границы уничтожающей критике или вовсе отказываются от него. С другой стороны, предпринимаются попытки создать синтез из новейших интерпретаций расы, класса, гендера и религии для того, чтобы спасти концепцию границы как инструмента для понимания американской истории. Но мультикультурное видение границы требует радикального пересмотра первоначального мифа

Продвигающаяся граница не только положила начало почти полному уничтожению коренного индейского населения, но имела разные значения для разных этнических групп. Границы для этих этнических групп создавались и расширялись после официального закрытия фронта в 1892 году, по поводу чего сетовал Тернер, видя в этом утрату уникальной черты американской жизни. В XX веке для испаноязычных, афро- и азиатско-американских элементов территориальная и социальная мобильность стала таким же основополагающим опытом, каким была движущаяся граница для первопроходцев в XIX веке.

В то время как происходит открытие и изобретение новых этнических границ, дискуссия о тернеровском тезисе переместилась в область изучения развития и функционирования массовой культуры. Выход на широкий рынок работ по американской истории стал возможен благодаря превосходно действующему мифу о фронтире. Образы фронтира, воспринятые в разных видах поп-культуры, проникли в массовую ин-

дустрию развлечения, рекламы и журналистики. «Вестерны», как жанр, продолжают оставаться популярными в силу того, что они оказались способными адаптироваться к переменам в системе социальных ценностей, сохраняя в своей основе первоначальный миф. Озабоченность новыми социальными и экологическими проблемами существенно изменила тернеровские стереотипы о «старом Западе». Кино и телевидение предлагают менее однозначный образ героической ковбоя в белой шляпе, бесстрашного первопроходца, отбивающегося от индейцев и спасаемого в последний момент скачущей американской кавалерией. Господствовавшему образу белого мужчины-ковбоя были противопоставлены чернокожие ковбои и солдаты, американские индейцы, заботящиеся об окружающей среде, и даже умеющие обращаться с огнестрельным оружием женщины. Былой образ выжил только в виде ковбоя Мальборо, в прощальном приветствии появляющегося на рекламных плакатах, которые обязаны сообщать о вреде курения для здоровья». (Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова и др. Казань, 2004. С.199-223).

Вопросы к обсуждению:

1. Как складывались и менялись границы в Европе Нового времени?
2. Охарактеризуйте на конкретных примерах подтипы феномена европейской границы.
3. Специфика европейского «фронта» в отличие от американского.

8. Развитие концепта фронта в современной гуманитаристике

Историю современных колониальных государств, таких как Канада, Австралия и Израиль, часто рассказывали через призму фронтальных паттернов. История Израиля также была представлена в терминах фронтального нарратива Тернера, хотя здесь различия выделяются также часто, как сходства. В кратком обзоре С. Илана Троена, например, говорится, что и Соединенные Штаты, и Израиль были колонизированы европейскими эмигрантами, которые мало учитывали благополучие предыдущих жителей, но израильский опыт «колонизации был высоко централизованным и направленным опытом, который часто поддерживал социалистические формы урегулирования. Он поощрял... самопожертвование, а не «индивидуальное улучшение», которое было доминирующим в США».

нирующим духом и целью американской модели колонизации». Одним из самых поразительных примеров применения тернеровской теории произошел за пределами исторической науки. В 1978 году социолог Мюррей Мелбин выдвинул предположение, что Время, как и Пространство, колонизируется людьми. Мелбин предположил, что по мере того, как жизнь все чаще проходит круглосуточно, американская ночь должна демонстрировать характеристики, подобные тем, которые описаны Тернером для фронта. К тому времени, как Мелбин написал «Ночь как фронт», теория Тернера давно была дискредитирована как нарративная история американского Запада, но ее описательный потенциал и яркость все еще активно использовались. Мелбин, следуя Тернеру, заимствовал демографическое определение фронта. К этому он добавил несколько качественных характеристик, полученных из научной литературы, в том числе: снижение социальных ограничений, децентрализованность и ограниченность роли правительства и, казалось бы, противоречивое сочетание повышенного градуса насилия и повышенной пользы. Статистические и полевые исследования Мелбина привели его к выводу, что, хотя Тернер заявил, что фронт закончился, «он никуда не исчез. В ту эпоху, когда завершалось формирование нашего территориального фронта, началось крупномасштабное перемещение в ночь бодрствующей активности, которое продолжает распространяться по всему миру».

Несмотря на утверждения, что космос и Аляска являются, соответственно, «окончательными» и «последними» фронтами, новые фронты появляются с поразительной регулярностью. В последние годы возможности Интернета как «электронного фронта» привели к тому, что многие ученые начали сравнивать онлайн-мир с американским Диким Западом Тернера и рассматривать индустрию коммуникационных технологий как постмодернистский Дикий Запад. В то время как Интернет меняется с умопомрачительной скоростью, идея «электронного фронта» на данный момент жива не в последнюю очередь в форме некоммерческой организации, борющейся за гражданские права в интернете, Electronic Frontier Foundation. Сегодня заголовки говорят нам, что инвесторы борются с новыми фронтами, столкнувшись со значительным риском на «фронтных рынках». Только за последние три года в журнале «Science» появилось более десятка статей с названием «frontier». Мы не потеряли интереса к фронту, и большая часть наших как претензий, так и благодарностей за непреходящую силу этой идеи адресованы Тернеру (С.175-177). (Хопсон Н. Хенкё Такахаси Томио: восточные восток и западные запады // Журнал Фронтальных Исследований. 2018. № 4. С. 169-207).

Тема 3. Теория фронта в отечественной историографии и истории

1. Проблемы и теоретические основы изучения фронта в отечественной историографии.

«В самой типологизации фронта сегодня нет единого мнения, а типов (видов) фронта выделено несколько десятков. Один из последователей Ф. Дж. Тёрнера Р.А. Биллингтон выделил до 20 типов (траперский, торговый, шахтерский и т.д.), которые в основном носят хозяйственный характер... Российские ученые также пытались выделить его виды, например, внешний, внутренний, внутрицивилизационный.

Современные отечественные исследователи О.С. Якушенкова, С.Н. Якушенков, А.П. Романова на примере сравнительного анализа американского фронта в Северной Америке и российского на Кавказе выделили четыре этапа фронта: ранний фронт, фронт, постфронт, рефронт.» (Крупенкин Е.Н. Концепция фронта в современной отечественной литературе: эвристические возможности и пределы применения // Вестник БГУ. 2018. №1 (35).)

Вопросы к обсуждению:

1. Какие типы фронта выделяют российские учёные? Приведите конкретные примеры.
2. На примере одного из российских фронтов проследите этапы фронта, основываясь на исследованиях О.С. Якушенковой, С.Н. Якушенкова, А.П. Романовой.

Конкретно-исторические («объективные») черты фронта.

(См.: Басалаева И.П. Критерии фронта: К постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49).

1. Этнокультурная неоднородность групп.
2. Неравная численность фронтирующих групп
3. Амбивалентно-конфликтное взаимодействие фронтирующих групп.
4. Изначальная гендерная диспропорция в доминантной фронтирующей группе.
5. Дальнейшая социокультурная и этническая ассимиляция фронтирных групп.
6. Маргинальное («окраинное», «украинное») геополитическое расположение фронтирной территории.
7. Отсутствие четких границ – как государственных, так и внут-

ренных.

8. Квазиграничность (наличие «естественных пограничных рубежей», зонизирующих пространство фронта).

9. Центрирование фронтальной зоны очагами «городской жизни».

10. Де-факто колониальный статус территории.

11. Отсутствие теоретически осмысленной целенаправленной региональной политики.

12. Номинальный характер государственной власти.

13. Отличие системы управления от таковой в метрополии, рыхлость административно-управленческой структуры.

14. Компрадорская по своей сути «местная» элита-нерезидент.

15. «Административное бесправие» и произвол.

16. Более высокая, чем в метрополии, степень горизонтальной и вертикальной мобильности, несформированность постоянного (местного) населения.

Вопросы к обсуждению:

1. Согласны ли вы с приведённой классификацией критериев фронта?

2. Выделите наиболее важные критерии фронта из перечисленных выше.

3. На примере любого русского фронта покажите наличие или отсутствие критериев фронта.

«Фронт - зона особых социальных условий, а не граница территории, находящейся под юрисдикцией государства, и уж тем более не граница территории, разведанной его жителями (несмотря на этимологию происхождения самого термина и квазилинейность этой зоны в США). Такие зоны в России легко выделяются: современный Центральный район (Залеская Русь) осваивался русскими в XI-XIV веках, так называемый Русский Север – в XV-XVII веках, современный Черноземный Центр – в XVI-XVII веках. Дон и Северный Кавказ – в XVII – начале XIX века, Урал и Сибирь – в XVII-XVIII веках. Дальний Восток - во второй половине XIX – начале XX века... Каждую из этих «порций», пусть и чрезвычайно обширную, в соответствующее время можно было считать зоной фронта, или, по-русски, порубежья». (Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 75–88.)

Вопросы к обсуждению:

1. Согласны ли вы с этим определением фронта?
2. Какие зоны освоения (фронтиры) в Российской истории выделяет автор?

«Конечно, фронт – комплексное, многогранное явление, и ему можно было бы дать развернутую «многоэтажную» характеристику, где были бы упомянуты многочисленные экономические, социальные и политические аспекты. Однако я считаю более предпочтительным комплексный подход к проблеме, а именно поиск ответа на вопрос: «Почему здесь так?». Наиболее подходящий, на мой взгляд, ответ уже дан: «Здесь все неустойчиво». Отсюда следует определение: **фронт – это зона неустойчивого равновесия.**

Попытки организовать, упорядочить фронт, поставить его под контроль, как правило, оканчивались крахом. В США, например, провалилась попытка организовать на границе Пенсильвании цепь поселений «воинственных фермеров», которые в обмен на налоговые льготы обязались бы охранять внутренние территории от индейцев (т.е. создать своеобразный аналог казачества). «Воинственные фермеры», однако, не пожелали охранять кого-либо, кроме самих себя. Не только в США, но и в России, «задавленной» самодержавным гнетом, «фронт-ирмены» – казаки безнаказанно позволяли себе неслыханные дерзости в отношении государства. Например, в XVII веке донские казаки отказались «целовать крест» московскому царю, отписав, что «целование на Дону не повелось», достаточно и того, что «ни к Турскому, ни к Крымскому, ни к Литовскому, ни к иному которому царю и королю служить не ходим, кроме вас, великих государей».

В более поздние времена, в XIX веке правительствам как США, так и России не удавалось полностью поставить под свой контроль заселение окраин. Вспомним американских скваттеров (самовольных захватчиков земли); аналогичное явление имело место и в российском порубежье.

Фронт существует только по своим собственным зыбким, неписанным законам, иначе это уже не фронт. У него своя логика, свои правила. Как перегретый газ нельзя описать по законам, верным для обычного газа, так нельзя понять фронт, основываясь на стереотипах жизни «большого» общества». (Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 75–88.)

Вопросы к обсуждению:

1. Почему автор считает фронтир зоной неустойчивого развития? Согласны ли вы с этими утверждениями?
2. Приведите примеры из истории русских фронтиров, подтверждающие или опровергающие эту точку зрения.

Типы фронтиров в зависимости от их природы, происхождения, характера и др.:

«Цивилизационной фронтир – территория подвижной границы между народами «цивилизации» и «дикости» («варварства») (в терминологии Моргана-Энгельса) – то есть народов, стоящих на различных стадиях развития материальной жизни, связанной со стремлением к заселению новых земель, «окультуриванием» исконного населения или его вытеснением (вплоть до истребления). Примером этому выступает «классический» фронтир, описанный Ф. Дж. Тёрнером, область между белыми переселенцами из Европы и краснокожими индейцами Америки. Особый вид цивилизационного фронта можно назвать переселенческим, специфику которого описывают исследователи по истории заселения Сибири...

Межкультурный фронтир – пограничье между культурами разного типа, связанное с их смещением, взаимопроникновением, взаимовлиянием друг на друга. Примерами этому могут выступать проникновения европейцев в Китай, Индию, повлекшие за собой как вестернизацию традиционной культуры Востока, так и истернизацию культуры Западного или евразийского типа (Европы, России, США). Отличием этого типа фронта от цивилизационного является то, что культуры здесь находятся в относительно равном положении по уровню развития, достижениям, потенциалу и ресурсам. В современном мире этот тип фронта играет наиболее заметную роль, будучи связанный с глобальным взаимодействием, в том числе и в попытке мультикультурализма, интеграции значительных по численности групп мигрантов в пространство принимающей их культуры.

Конфессиональный фронтир – область проникновения той или иной религиозной системы на новые для нее территории, что может быть связано со столкновением или взаимопересечением различных конфессий (религиозных представлений) между собой. Примерами таких фронтиров можно считать территории проникновения буддизма из Индии в Китай, Японию, Калмыкию и т. д.; христианизации германских земель Древней Руси, в раннем средневековье, исламизацию арабского мира, Испании и др. В современном социуме этот тип фронта представляет особый интерес, так как он связан с форсированным про-

никновением ислама в европейскую культуру, что проявляется как в странах Западной Европы, так и в России, особенно ее пограничных территориях Южного и Кавказского федерального округов. Результатом конфессионального «диалога» или столкновения может оказаться полное доминирование одной религиозной системы взглядов над другой, ассимиляция одной системы в составе другой, синкретический «союз» двух систем, эклектическое смешение двух традиций в культуре повседневности народов, проживающих в условиях такого типа фронта.

Этнический (антропологический) фронт – связан с областями взаимодействия двух или нескольких этносов (этнических групп) между собой, влекущего за собой изменения их образа жизни, обычаев, традиций и т. д. Примером может выступать российско-кавказский фронт, развитие которого начинается еще XVII в. и продолжается в тех или иных аспектах по настоящее время.

Языковой (лингвистический) фронт – связан с проникновением нового языка в ту или иную сложившуюся лингвистическую систему. Такой фронт может быть обусловлен активными миграционными процессами, а также появлением новых искусственных форм языка, которые вытесняют сложившиеся традиционные значения и конструкции, образуя различные варианты «новояза».

Ментальный, теоретический, парадигмальный фронт – граница между различными духовными (иррациональными и рациональными) традициями, стереотипами мышления, научными подходами, восприятием истории, идентичности с той или иной целостностью. Примером ментального фронта могут выступать процесс секуляризации мировоззрения, проникновение политических идей и идеалов, столкновение научных парадигм (Т. Кун), научно-исследовательских программ (И. Лакатос), область междисциплинарных исследований и др. Примером применения понятия «фронт» в этом контексте может быть исследование в области диалога и столкновения различных парадигм исторической науки в работе И.М. Савельевой.

Военно-политический фронт характеризуется продвижением зоны влияния или расположения военных сил в тех или иных направлениях. Так фронтом называют продвижение североатлантического альянса (НАТО) на Восток, к границам Российской Федерации.

Фронтом можно считать и противостояние США и СССР в период холодной войны, и современные противодействия системы ПРО России и Соединенных Штатов.

Если перейти к расширенному трактованию понятия «фронт», то можно указать и такие его типы, как технологический, информационный, ценностный и др. Приведем лишь несколько примеров:

Технологический фронт – область перехода из одного технологического уклада в другой, которая темпорально может иметь различную длительность. Примерами «длительных циклов» выступают эпохи перехода от мезолита к неолиту, а затем к эпохам обработки бронзы, железа и т. д., а также переходные фазы экономического развития в период зарождения мануфактур и т. д. В современную эпоху фронтальной является область между индустриальной и информационной технологическими стадиями, с обозначившимся вектором смещения в наиболее развитых странах.

Информационный фронт – область проникновения новой значимой информации (в том числе и фальсификаций, искажений), вызывающей изменение устремлений больших групп людей.

Ценностный фронт – встреча двух и более систем ценностей с их последующей трансформацией в каком-либо направлении». (Баева Л.В. Типология и проблемы изучения южно-российского фронта // Logos et Praxis. 2014. №2).

Вопросы к обсуждению:

1. Какие типы фронтов выделяет автор?
2. В чём особенность данной классификации?
3. Существуют ли эти фронты на практике, или это теоретические модели?
4. По мнению автора, указанные виды фронтов проявляются одиночно на практике или они встречаются в совокупности, налагаясь один на другой?

2. Теория фронта и внутренняя колонизация в России.

«В России термину «фронт» существовала альтернатива – «колонизация», если понимать фронт именно как продвижение, а не как некую сеть поселений, которую мы называем фронтальной линией. Так, например, претерпело изменения понятие «колонизация». Помимо традиционного заселения и хозяйственного освоения в него стали включать на равноправных началах с экономическими и политическими составляющими этнополитические и культурные аспекты.

Несмотря на эту пестроту терминологии, имеющиеся источники последней трети XVI в. (к сожалению, весьма немногочисленные) оставляют стойкое впечатление, что современники (или, по крайней мере, составители соответствующих документов) воспринимали южные приграничные уезды как некое единое целое, обладающее спецификой в сравнении с остальной территорией государства. Особенно это заметно в тех случаях, когда решались проблемы противостояния та-

тарской и ногайской угрозе. Однако единого термина для обозначения этой территории не было». Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. «Теория фронта и юг России в XVI - первой половине XVIII в.» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, №. 10 (150), 2015. С. 7-15)

Вопросы к обсуждению:

1. Какие в российской науке существуют альтернативы понятию фронт?

3. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии.

«В отечественной исторической науке сложилось два подхода к трактовке фронта. Первый подход концентрируется на территориальном аспекте, т. е. фронт – это «определенная линия укреплений, установленная зафиксированная граница между русскими и коренными жителями Сибири или соседними государствами». Фронт, по мнению Д.Я. Резуна, – это «создание цепи или отдельных относительно быстро сооружаемых и легковооруженных военных пунктов (остроги, слободы, форпосты, пасы, погосты, укрепленные деревни и заимки), которые всегда выдвинуты в пограничные земли и отдалены от основных административно-хозяйственных центров (городов) относительно большим расстоянием». Так, например, Д.Я. Резун дал свое определение термина «фронт», адаптировав тем самым идею порубежья к «фронту» сибирскому.

Фронт, по мнению Д.Я. Резуна, – область взаимодействия между русским и местным населением Сибири. Это взаимодействие не ограничивалось только военно-политическими контактами, оно также предполагало культурные и хозяйственные точки соприкосновения. Это «создание цепи или отдельных относительно быстро сооружаемых и легковооруженных военных пунктов (остроги, слободы, форпосты, пасы, погосты, укрепленные деревни и заимки), которые всегда выдвинуты в пограничные земли и отдалены от основных административно-хозяйственных центров (городов) относительно большим расстоянием». «Фронт, – писал он, – возможен только при встрече двух культур разного уровня цивилизационного развития».

Кроме этого, Д.Я. Резун предложил другую трактовку термина «фронт», который применялся именно к сибирскому порубежью.

Для понимания сути теории сибирского фронта важны положения, выдвинутые М.В. Шиловским. Ученый считает, что «необходимо говорить о трех видах фронта: внешнего – по отношению к террито-

риям и этносам, не вошедшим в «огораживающие поле» колонизации; внутреннего – по отношению к народам, оказавшимся внутри него; и внутрицивилизационного – между старожилами и переселенцами». Сущность второго подхода первоначально была выражена Н.Ю. Замятиной, которая считала, что фронтир – это «зона особых социальных условий, а не граница территории, находящейся под юрисдикцией государства, и уж тем более не граница территории, разведанной ее жителями». По мнению А.С. Хромых, «целесообразнее говорить не о видах, а о стадиях фронта, т. к. они последовательно сменяли друг друга. И тогда внешний фронтир – это места и моменты первой встречи пришлых людей с автохтонным населением, которые предполагают начальные и неустойчивые экономические, социальные, политические и культурные контакты. Внутренний фронтир – это сложившиеся контактные зоны, где постоянные русские поселения вкрапляются в места проживания местных народов внутри колонизируемой территории, а вся территория уже входит в административное и правовое поле государства. Исследователь замечает, что современное представление о фронтире значительно отличается от выдвинутого Ф. Тёрнером определения, согласно которому фронтир – это точка встречи дикости и цивилизации, где происходит взаимодействие между колонизаторами и местным населением, результатом которого является формирование основания нового общества. А.С. Хромых считает, что «эта интерпретация сужает содержание основных идей Ф. Тёрнера», и «можно определить фронтир как некоторую зону особых социальных условий, возникающих в результате контактов разноуровневых цивилизаций, приводящих к формированию нового общества или сообщества». (Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. «Теория фронта и юг России в XVI - первой половине XVIII в.» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, № 10 (150), 2015. С. 7-15).

Вопросы к обсуждению:

1. В чём, по мнению авторов, суть сибирского фронта?
2. Назовите характерные черты сибирского фронта.

4. Особенности южнорусского фронта.

«Что касается особенностей южного фронта России второй половины XVI – первой половины XVIII в., то к ним можно отнести следующие:

– в основе массового переселения людей на новую территорию лежала государственная политика, которая дополнялась вольной, мона-

стырской и в какой-то мере помещичьей колонизацией. Государство, в лице воевод, на протяжении всего периода способствовало заселению и освоению новых территорий;

– присоединяемой к России и колонизуемой территорией было Поле, где не было оседлого аборигенного населения, однако через эту территорию пролегли пути нападений на Российское государство крымских и ногайских татар и черкас. Татары, будучи кочевниками, не могли освоить и надежно закрепить за собой территории, которые мы обозначили как южный фронт России, но рассматривали эти земли как часть своих земель, постоянно они здесь не обитали, а использовали указанный район как место летних кочевий;

– южный фронт был объектом постоянных нападений крымских и ногайских татар, а также калмыков и (до середины XVII в.) – черкас;

– на территории фронта существовала особая система сторожевой и станичной службы; участие в ней принимало служилое население, а иногда и другие категории населения;

– базой для заселения и освоения фронта служила система укреплений, защищающая пограничную территорию, создававшаяся государством;

– на новых землях практически не было местного оседлого населения, за исключением периода второй половины XVI – первой трети XVII в., когда шло заселение территории между Цной и Волгой, где проживали угоро-финские народы;

– в отличие от Сибири, угрофины уже длительное время совместно проживали с русскими переселенцами, восприняв от них более высокий уровень земледельческих занятий и ремесел, имея общие интересы по защите пограничных земель от набегов кочевников;

– служилое население преобладало над прочими категориями населения;

– среди служилого населения абсолютно преобладали люди низших чинов;

– среди владельцев поместий и вотчин преобладали мелкопоместные и беспоместные служилые люди; вотчинников было крайне мало, а размеры вотчинных владений были невелики, и почти до конца XVII в. существовала система «заповедных городов» с запретом на дворянское землевладение;

– существовала нехватка крестьянского населения, в силу чего большинство помещиков не являлись дворовладельцами;

– имела место социальная мобильность, невозможная или крайне ограниченная на основной территории государства;

– район южного фронта являлся местом ссылки за различные

правонарушения, в силу чего можно говорить о наличии среди населения (главным образом, служилого) большей доли лиц, склонных к девиантному поведению, нежели на остальной территории страны (характерно и для сибирского фронта).

На протяжении истории южного фронта значимость указанных признаков была неодинаковой: в какие-то периоды наиболее значимыми были одни признаки, в какие-то периоды – другие».

«В отличие от Сибирского фронта южное пограничье практически не имело постоянного населения после ухода отсюда в середине XVI в. Большой орды. Борьба за лесостепь и степное пограничье продолжалась на протяжении почти всего периода существования южного фронта. Наличие буферной зоны между Российским государством и Крымским ханством и Ногаями на определенный период времени устраивало все стороны и позволяло избегать прямых крупных военных конфликтов.» (Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. «Теория фронта и юг России в XVI - первой половине XVIII в.» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, №. 10 (150), 2015. С. 7-15).

«Масштабная колонизация южного и юго-восточного пограничья Европейской России, по мнению большинства историков, развернулась только с середины XVI века. На начальном этапе в этом процессе важнейшую роль сыграли как государство, так и отдельные группы российского социума. Если государство, присоединяя новые территории, создавая оборонительные системы и заселяя их служилыми людьми, обеспечивало безопасность начального освоения и формировало свободные зоны для хозяйственной деятельности, то общество «выплескивало» в эти анклавы беглых, «гулящих» людей, вступавших в конфликт с административно-крепостнической системой. Эпоха Смуты надолго задержала развитие государственной колонизации, но вместе с тем создала благоприятные условия для складывания областей казачьей вольницы – на Дону, Яике, Тереке и отчасти на Нижней и Средней Волге.

Только с середины 1630-х гг., когда Москва после неудачного завершения Смоленской войны приступила к созданию единой системы засечных линий, процесс правительственного освоения вновь становится важнейшим фактором дальнейшего развития российской государственности. Вывод Л.В. Милова о «необычайной активности Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства» является, на наш взгляд, основополагающим

для всего периода позднего Средневековья и начального Нового времени.

Новая линия обороны, возведенная в лесостепном порубежье Европейской России, защитила население страны от постоянных нападений кочевников и создала условия для последующего освоения широкого пояса плодородных земель. На всем ее протяжении в основу фортификационных сооружений и формирования гарнизонов закладывались единые принципы, но очевидно, что на восточном фланге (в Среднем Поволжье) имелись свои особенности. Присоединив территории Казанского и Астраханского ханств и установив «отношения васалитета с элементами протектората» с Большой Ногайской Ордой, правительство, на первых порах, могло только закрепить и начать хозяйственное освоение Казанского края (в рамках бывшей основной территории ханства), Астрахани с дельтой Волги и северным побережьем Каспия между устьями Яика и Терека, а также волжской акватории с ее торговым путем и промысловыми ресурсами. На все остальное у государства просто не хватало сил.

На первом этапе сооружения единой оборонительной системы, вплоть до середины 1640-х гг., крайним ее пунктом на востоке являлся Саранск. В начале царствования Алексея Михайловича правительство Б.И. Морозова внесло коррективы в осуществление проекта. Были изменены подходы к фортификации засечных черт, более мощными стали их укрепления. Значительно увеличили количество ратных людей в гарнизонах крепостей и острогов. Оборонительную линию продлили до Волги, а позднее, уже в начале 1650-х гг., довели ее в Заволжье до впадения р. Ик в Каму.

В основе этих новаций (прежде всего, продолжения системы укреплений далее на Юго-Восток) обнаруживается острая необходимость создания на южных окраинах бывшего Казанского ханства хорошо защищенного и освоенного района с крупным контингентом служилых людей. Тем самым этнически и конфессионально неоднородные территории беспокойного региона были бы надежно прикрыты от контактов с кочевыми сообществами, а также сделан еще один решительный шаг по освоению богатейших природных ресурсов Южного Средневожья и Заволжья. Именно в середине XVII – начале XVIII века вновь заселенные территории по Саранской, Карсунской, Симбирской и Закамской линиям являлись частью пространства своеобразного «фронта», наряду с непосредственно соприкасавшимися с ними зонами кочевий степняков и башкирских угодий, волжской акватории с беспокойной массой сезонных работников, областями казачьей вольницы.

Еще раз повторим, что по своим базовым характеристикам юго-восточные рубежи были сходны с аналогичными военизированными южными районами Московского государства. На всем огромном пространстве европейской лесостепи действовало единое законодательство о «казазных городах», а контингента служилых людей, расселенных на территории новых уездов, должны были противостоять близким по своим военным навыкам и вооружению кочевым сообществам...

Для переселенцев на земли Юго-Востока ментальность, психология и даже, в некоторой степени, идеология жителей фронта вырабатывались не только в среде казачьей вольницы и других подобных обществ. В значительной степени они проникали в сознание и поведение служилых людей по прибору, работных людей волжских промыслов и судоходства и даже тяглого населения, всех тех, кто заселял опасное приграничье и находился в постоянном контакте с казачеством, «гулящими людьми», «всяким сбродом и наволокою», каждый год приходившими на Волгу...

Зона постоянных контактов способствовала «облегченной» диффузии, взаимопроникновению элементов различных культур, их аккумуляции. Переселенцы становились носителями психологии нового социокультурного фронта; они создавали особые региональные культурные и ценностные традиции. Вместе с тем уже следующая волна новоселов размывала эти слабо закрепленные региональные особенности «поселенческого фронта» и, напротив, все более закрепляла традиционные для основного населения Европейской России нормы поведения и восприятия действительности.

Несомненно, что в осваиваемом регионе удобнее использовать понятие фронт не как «зону постоянной конфронтации» и не как «неотъемлемую часть *mission civilisatrice* превосходящей оседлой христианской цивилизации», а как опыт «зоны коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с разной спецификой».

Несколько смущает также и то, что в утверждениях некоторых зарубежных исследователей постоянно рефреном звучит формула о противостоянии леса и степи... Понятно, что под этим противостоянием подразумевается столкновение различных культур и этнических обществ, что совершенно справедливо. Но неясно, почему из этой амбивалентности выпадает понятие «лесостепи», занимавшей многие сотни километров между зонами лесов и степей и которую можно как раз назвать динамически меняющейся во второй половине XVI – середине XVIII века «областью фронта». Тем более что освоение самих степ-

ных пространств произошло намного быстрее, без значительных экономических и людских затрат уже и потому, что к середине XVIII века кочевые народы просто не могли оказывать серьезного сопротивления натиску с севера. Между тем юго-восточную лесостепь пришлось преодолевать не менее полутора веков, в течение как минимум 3-х колониционных этапов-волн» (Дубман Э.Л. Юго-восточный «фронт» Европейской России в середине XVII – начале XVIII в // Вестник ТГУ. 2019. №182).

Вопросы к обсуждению:

1. В чём авторы статьи видят особенности южнорусского фронта?
2. В чём, по мнению авторов, отличия между сибирским и южнорусским фронтами?
3. Выявите специфику колонизации Юго-Востока Европейской России в середине XVII начале XVIII века.

5. Дикое поле. Казачество.

«Казачество возникло на стыке «древней Руси» и «великой степи» и, по мнению большинства исследователей, представляет собой синтез культур «леса» и «степи», некое соединение русичей и степняков.

«Степное», «не славянское» влияние прослеживается у казаков даже в языке. Так, например, слова «атаман» («ата» – отец), и «ман» – темен, тьма (10 тысячный отряд) или род, племя или человек), «есаул» (распорядитель, исполнитель повелений). «торба» (мешок) имеют тюркское происхождение. Слово «станция» имеет санскритский корень «стха», обозначающий остановку, местопребывание. Станция первоначально обозначала небольшой передвижной отряд, который на отдых разбивал лагерь (стан).

В числе разнообразных определений понятия «казак» наиболее верно отражает его смысл «вольный человек»... Вокруг отдельных смельчаков собирались группы таких же искателей счастливой жизни. Собиравшиеся группы отдельных лиц превращались в боевые дружины и устраивали свою жизнь на основе дружбы, равенства и свободных бытовых отношений, и среди других народов получили название «казаки», или «свободные люди».

Поскольку степными соседями славян являлись и хазары, и печенеги, и половцы, и татары, то существует множество самых различных версий, объясняющих происхождение казачества.

Сегодня выделяются две основные трактовки вопроса о происхождении казаков: миграционно-колонизационная теория зарождения казачества и гипотеза об автохтонном, или коренном, происхождении казачества.

Миграционно-колонизационная теория формирования казачества сводится к тому, что казачьими предками были свободолюбивые выходцы из Русского и Польско-Литовского государств, те, кто не мирился с усиливающейся феодальной кабалой. Накапливаясь на российском порубежье, эти беглецы «растеклись» по рекам – Днепру, Дону, Хопру, Волге, Тереку, Кубани, а потом и по водным магистралям Сибири и Средней Азии. Там они образовали известные вольные общины, а затем и соответствующие казачьи войска. Этот подход прослеживается в трудах В.О. Ключевского, Д.И. Иловайского, В. Броневского. Последний из которых, например, категорично утверждал, что «донские казаки суть люди прямо русские, а не смесь народов».

Автохтонная гипотеза базируется на признании двух начал в формировании казачества – славянско-русского и тюркского. В.Н. Татищев и А.И. Ригельман относили казачество к числу древнейших народов, а появление его связывают с Тмутараканским княжеством, население которого в XI в. состояло из русичей, хазар, косоогов-черкесов, ясов-осетин и представителей прочих народов.

Вместе с тем, большинство исследователей, как в дореволюционный, так и в советский период, пытались синтезировать автохтонную и миграционно-колонизационную теории» (Тутин Д.А. К вопросу о происхождении казачества // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2004. №1 (21). С. 175-185).

Вопросы к обсуждению:

1. Объясните понятия «Дикое поле», засечные черты.
2. Какие есть гипотезы происхождения казачества?
3. Назовите виды казачества и охарактеризуйте их.

6. Русский Север.

«Отношения центра и периферии (пограничья) всегда были определяющими факторами развития старого Русского Севера (особенно его сельской местности). Меняющийся статус старого Русского Севера как пограничной зоны цивилизации создавал пульсирующее пространство самореализации. Оно либо притягивало, либо выталкивало. При этом энергия миграции обеспечивалась двумя принципиально разными

процессами. Во-первых, это стремление индивидов к социальной самореализации в географическом пространстве. Во-вторых, это политика государства, направленная на свою самореализацию. Соотношение этих процессов в ходе истории менялось, регулярно переплетаясь в тех или иных пропорциях.

На протяжении истории роль северного пограничья в жизни государства и людей, населяющих его территорию, существенно менялась. В основе определения роли региона лежало понимание социальными субъектами (государством, бизнесом и индивидами) данного региона как зоны размещения ресурсов, важных для социальной самореализации индивидов и / или политического самоутверждения государства. Эти роли можно свести к следующему перечню.

1. Зона относительной личной социальной свободы и безопасности.
2. Зона наказания.
3. Геополитически важная зона.
4. Зона добычи ценных природных ресурсов.
5. Зона социальной самореализации.

На протяжении многовековой истории иерархия этих зон изменялась, а сами зоны переплетались в разных причудливых конфигурациях...

Старый Русский Север издавна был границей цивилизации, для которой нет общепринятого имени. Для одних – это пограничье европейской цивилизации, для других – русской, для третьих – евразийской. Однако в данном случае важным является не название цивилизации, а то, что здесь в силу исторической логики ее развития сформировалась зона пограничья, переходившая в другую зону – тундру, слабо заселенную народами, жившими в рамках совершенно иного уклада. Старый Русский Север сложился как окраина русских земель. При этом ключ к его пониманию во многом лежит в процессах, проходивших в основной части этих земель. Эта же система отношений центр – периферия определяет и современное состояние региона». (Ильин В.И. Старый русский север как пространство жизненных шансов: история и современность // Журнал Фронтальных Исследований . 2019. №4-2 (16)).

Вопросы к обсуждению:

1. Что такое Русский Север? Каковы его границы?
2. В чём специфика северного фронта?

«Русский Север» – устойчивое геокультурное понятие, которое нередко используется как название одной из исторических провинций страны, не имеющей и не имевшей четких административных границ. Однако значимость данного понятия далеко не ограничивается территориальностью, а имеет, прежде всего, символический и исторический смысл. Этот смысл определяется восприятием региона в интеллектуальных и научных кругах. Но используя понятие «Русский Север», исследователи редко задумываются над его возникновением и значением, ибо, как заметила культуролог А.Н. Соловьева, «географическое название русский Север ... «превратилось» в макрорегиональный топоним, который воспринимается как «естественный» – за ним стоит мощный культурно-ландшафтный регион Русский Север...

Славянская колонизация европейского Севера привела к изменению восприятия данной территории и к изменению характера ее культурного маркирования. Эта колонизация началась уже в XI в., но в указанную эпоху «этнический состав Русского севера не исчерпывается компонентами славянского происхождения. К моменту твердо зафиксированного расселения русских на Севере (Устав 1137) там жили угро-финские племена. Колонизация шла двумя потоками: из Новгорода и из Ростова Великого (верховая и низовая). Она была масштабной и быстрой, но главное ее следствие состояло в том, что переселения на север славянского населения позволили не только окончательно подчинить регион русскому влиянию, но и культурно интегрировать его. Процессы культурной интеграции протекали довольно интенсивно, о чем свидетельствует появление еще в «новгородскую эпоху» общего наименования территории... Общий географический термин «Поморье» впервые упоминается в новгородской купчей грамоте 1459 г., а название «поморцы» в Новгородской четвертой летописи в 1526 г. За несколько столетий произошло превращение северных территорий из Заволочья в новгородское владение Поморье, а затем и во владение Московского государства. Но речь идет не просто о смене названия и изменении характера вассальной зависимости: кардинально изменился культурный облик территории и этнический состав ее населения. Место чуди, веси, двинян и других территориальных и этнических определителей прочно заняли поморцы, поморяне, т.е. некое новое сообщество, имевшее обобщенное название, которое тем не менее подразумевало и этнический подтекст...

В результате из пинежан, мезенцев и т.д. к XVIII столетию сформировалось некое культурное сообщество, а термин «поморье» превра-

тился в этноним. Прежнее название жителей «поморцы» было, вероятно, не столько этническим определителем, сколько региональным. Название же «поморы» обозначало уже собственно русское население европейского Севера, ибо остальные этнические группы в официальных документах именовались иначе.

С XVIII в. начался имперский период в истории России, и для ее правящих кругов задача учета и идентификации своих подданных стала значимой, поскольку важно было подчеркнуть имперское величие не только обширностью территории, но и числом присягнувших на верность народов. Этот период совпал по времени не только с формированием поморов как специфической культурной группы русского населения Севера, а также и постепенным падением торгового значения Архангельска, переориентацией торговых путей, связывающих Россию с Европой, с северных морей на Балтику. Но к началу названного периода связи региона с Европой были более интенсивны, нежели в какой-либо иной части империи. Эти связи способствовали экономическому процветанию Архангельска». (Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.С. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. 2012. № 4. С. 134-153).

Вопросы к обсуждению:

1. Определите смысл понятия «Русский Север» и изменения в его понимании.
2. Почему монастырскую и крестьянскую колонизацию Русского Севера в XVI-XVII вв. рассматриваю как исторический пример динамичного фронта?

7. Дальневосточный фронт

«Понятие «российский Дальний Восток», учитывая временное пространство, сложное территориальное образование, не было статично: менялись его административные границы и управление. Еще более неоднозначным по своему содержанию является понятие «дальневосточный фронт». Под «фронтиром» понимается периферийная территория, подавляющая часть которой является пограничной. Важнейшей характеристикой дальневосточного фронта на протяжении XIX–XX вв. являлась его специфическая роль в российском и советском цивилизационном комплексе: прежде всего – быть территорией, обеспечивавшей военную безопасность государства, и предоставлять стране природные ресурсы. В конце XX – начале XXI в. регион был и остается не только территорией контактов разных народов и культур,

но и площадкой, где «встречаются» разные хозяйственные и социальные системы». (Ващук А.С., Воронцов Н.С. Дальневосточный фронтир 1990-х годов: от «территории-крепости» к новым формам развития региона // Журнал Фронтирных Исследований . 2022. №4 (28)).

«Освоение Приморья и Дальнего Востока началось в XVIII и активно продолжалось в XIX в. К середине XIX в. назрела необходимость фиксации российско-китайской границы. 2(14) ноября 1860 г. в Пекине был подписан Пекинский трактат – Договор о границах и торговле, согласно которому весь левый берег от р. Аргуни до устья р. Амур, а также от р. Уссури к востоку объявлялась территорией Российской Империи. К 1895 г. на территории России проживало уже 15511 человек.

Российское население также планомерно увеличивалось: к 1882 г. в Южно-Уссурийском крае было зафиксировано уже 3849 человек. Отметим, что с 1858 по 1884 год на российско-корейской границе формируется особая пограничная зона с фактически нерегулируемой границей, которую свободно пересекали и с одной, и с другой стороны. Существование гражданского русского и корейского населения при отсутствии закреплённой государственной границы между Российской Империей и Королевством Корея даёт основание говорить о том, что в рассматриваемый период складывался российско-корейский фронтир. Спецификой российско-корейского фронта может служить низкая плотность населения, вследствие чего возникают сложности в определении границы той самой «свободной» к освоению земли.

Важной частью проблемы становления фронта является история миграции корейского населения во второй половине XIX в. Мигрирующие корейские переселенцы из корейской провинции Хамгён (Хамгёndo) мирно сосуществовали с российским населением, образовывались деловые и культурные контакты. Вследствие этого становится возможным исследовать антропологический аспект фронта в рамках культурного взаимодействия российского и корейского населения, которое появлялось в ходе заселения территории Южно-Уссурийского края, и расширения торговли, дипломатические отношения России и Кореи в период их становления, а также история миграции корейского населения в Южно-Уссурийский край являются наиболее исследованными темами, которые входят в комплекс вопросов, связанных со становлением российско-корейского фронта. Наилучшим образом изучен политико-географический аспект фронта как научного понятия, а также миграционно-демографический аспект: формирование уникальной общности корейцев – подданных Российской империи со своим самосознанием и культурной средой. В меньшей степени изучены эт-

ноантропологические вопросы взаимоотношений русского и корейского населения в «порубежной» зоне, в условиях незакрепленной межгосударственной границы. Пока не исследовался экономический и гендерный аспекты российско-корейского фронта» (Ким С.П. Формирование российско-корейского фронта с 1858 по 1884 год в отечественной историографии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. №2 (847)).

«Важной характеристикой фронтальных территорий является миграционная составляющая, высокая мобильность больших групп людей, несущих новые формы культурных и социальных практик, поэтому фронт – это всегда «контактная зона, где происходит обмен разного рода социального опыта»...

Ярким образцом фронтальной территории является Дальний Восток России – зона активного взаимодействия российской и восточноазиатских цивилизаций (Китай, Корея, Япония). Особое место в рамках данного взаимодействия занимает о. Сахалин, где столкнулись движения российского и японского фронтов. Борьба за расширение сфер влияния между Россией и Японией сопровождалась неоднократными изменениями государственной границы, проходящей по Сахалину, и, как следствие, большими миграционными волнами. Говоря о миграциях, мы имеем в виду весь их широкий спектр: добровольные, поощряемые, насильственные, а также так называемые обратные миграции – репатриации. Все они в полной мере присутствовали на Сахалине, оказывая ощутимое влияние на формирование сложной полиэтничной реальности...

Таким образом, Сахалин как фронтальная территория является прекрасным полем для исследования проблем колониальной политики, миграции, репатриации, исторической памяти, этничности и идентичности... На разных исторических этапах на о. Сахалин исполнители ролей «колонизаторов» и «местного населения» менялись, и сегодня там сформировалось самобытное сообщество с ярко выраженной региональной идентичностью – «сахалинцы». (Баженова Ж.М., Ермак Г.Г. К вопросу об этничности населения фронтальных территорий (на материалах о-ва Сахалин) // Россия и АТР. 2018. №4 (102)).

Вопросы к обсуждению:

1. Почему понятие «Дальний Восток» неоднозначно?
2. Чем характеризуется дальневосточный фронт?
3. Выявите особенности пограничной зоны на российско-

корейской границе.

4. Что представляет о. Сахалин с точки зрения теории фронта?ра?

8. Фронтирный подход к феномену Русской Америки

«Память о самом восточном фронтире Российской империи (фронтирный подход к феномену Русской Америки применяется более трех десятилетий) колоритно и многосторонне отражена в разных категориях источников – как визуальных, так и вербальных. Часть из них создавалась непосредственно в период освоения американских территорий русскими во второй половине XVIII в. – 1867 г. Они представлены изображениями (акварелями, рисунками), артефактами и многочисленными описаниями Русской Америки в донесениях, записках, морских журналах, дневниках, трудах мореплавателей и деятелей Российско-Американской компании (Г. Шелихова, В. Головина, Н. Резанова, К. Хлебникова, Ю. Лисянского, Д. Завалишина, И. Вениаминова, Л. Загоскина, П. Тихменева и многих других). Поскольку коммуникативная память поколения с уходом ее носителей слабеет и исчезает, на ее основе генерируется и передается новая память – результат осмысления феномена Русской Америки потомками: историками, музейными работниками, художниками, скульпторами, писателями, поэтами, режиссерами, другими творческими личностями уже после продажи российских колоний (с.94-95)».

«История русского фронта в Америке отражена в живописных и графических изображениях, сделанных как в исторический период с натуры в разных техниках (акварели, карандашные рисунки И. Вознесенского, Ю. Лисянского, Ф. Уимпера и др.), так и профессиональными художниками в XX – XXI вв. (живописные полотна Г.А. Булгакова, В.Н. Латынцева, др.). Монументальное искусство представлено памятниками: В. Берингу в Петропавловске-Камчатском, А.А. Баранову в Ситке и в Каргополе, Г.И. Шелихову в Рыльске, И.А. Кускову в Тотеме, Н.П. Резанову в Красноярске. Памятные знаки поставлены А.И. Чирикову на Камчатке, участникам Камчатской экспедиции в г. Оса. Большого количества памятников удостоился Иннокентий Вениаминов: два памятника святителю возведены в Благовещенске (бронзовый бюст на гранитном пьедестале поставлен в 1998 г., совместный памятник основателям Благовещенска Н.Н. Муравьеву-Амурскому и Св. Иннокентию (Вениаминову) - возле Кафедрального собора Благовещения Пресвятой Богородицы в 2009 г.). Также памятники святителю Иннокентию установлены в г. Ленске (2001 г.), Якутске (2010 г.), Магадане (2015 г.), у собора Богоявления Господня в Иркутске (2017 г.). Шесть

памятников свт. Иннокентию, созданные за без малого двадцать лет, свидетельствуют о заметном участии Русской Православной церкви в формировании городской культурной среды в современной России, широком географическом охвате увековечивания подвигов «апостола Аляски и Сибири». Даже из беглого перечисления памятников следует, что в культурной памяти остаются прежде всего выдающиеся личности. Между тем, не меньшим героем исторической эпопеи колонизации новых земель является народ – тащивший по сибирскому бездорожью экспедиционные припасы, бороздивший на утлых суденышках океан, обживавший американские земли. Едва ли не единственный монумент такого рода – «Памятник российским землепроходцам и мореходам» – открыли в 2005 г. на главной площади г. Тотьма как признание заслуг тотемского купечества в развитии города в результате освоения новых пространств. Тотемскими купцами для добычи пушнины во второй половине XVIII в. было снаряжено порядка двадцати экспедиций к побережью Тихого океана, Аляске, Алеутским островам. Их занятия нашли отражение и в геральдике. Императрица Екатерина Великая в 1780 г. утвердила герб уездного города Тотьмы Вологодской губернии «с чёрной лисой на золотом поле – в знак того, что жители того города в ловле тех зверей упражняются», который с некоторыми модификациями существует и поныне. (Алексеева Е.В. Русская Америка: акторы, места и формы культурной памяти // Журнал Фронтирных Исследований. 2020. № 2. С.92-121).

«Первые лица Государства Российского понимали, что России тогда было трудно одновременно осваивать Приамурье с Уссурийским краем и удерживать во владении России малонаселённую русскими Русскую Америку. Этому мешало, помимо нарастающего давления Великобритании и Североамериканских Соединённых Штатов, существование обширных географических пространств, столь удалённых от основных центров империи и отделённых от неё водными пространствами Тихого океана, где было незначительно российское военно-морское присутствие. Тем более что после поражения в Крымской войне Россия в целом, а её военно-морской флот в частности, были сильно ослаблены. Перед российскими политиками вставал вопрос: что важнее для империи - Камчатка с Сахалином, Приамурьем и Уссурийским краем или Русская Америка? Поэтому в этой ситуации в высшем эшелоне власти Российской империи возобладало мнение о концентрации усилий государства на одном приоритетном направлении, на присоединении и освоении Приамурья и Уссурийского края, Сахалина, укрепления позиций на Камчатке. Это, вероятно, и явилось одной из

главных причин, обусловивших сдачу Россией позднее, в 1860-х годах, её позиций на Американском континенте». (Кадырбаев А.Ш. Русская Америка или русский Дальний Восток? // Восточный архив. 2015. №2 (32)).

Вопросы к обсуждению:

1. Какие возможности даёт исследователю фронтирный подход к феномену Русской Америки?

8. Использование концепта «фронтир» в кавказоведческой литературе.

«Большинство исследователей не рассматривают ранний период заселения русскими Кавказа с позиции фронта. Даже признающий факт существования кавказского фронта и дающий собственную его периодизацию А.Т. Урушадзе начинает вести его отсчет со второй половины XVIII века. Мы же попытаемся показать, что период XVI–XVII веков можно назвать этапом раннего фронта как с позиции базовых характеристик данных Тернером, так и с точки зрения протекания там межкультурных коммуникаций. Мы попытаемся выделить основные закономерности, которые позволят нам обозначить этот процесс как «ранний фронт» на Кавказе.

Термин «ранний фронт» предложен молодой отечественной исследовательницей О.С. Якушанковой, которая положила в основу своей типологизации не просто классический линейный цивилизационный подход, а характер коммуникационных процессов, происходящих на территориях фронта. На основе исследования американского материала она выделяет три разных типа фронта: ранний фронт, собственно фронт и постфронт, каждый из которых характеризуется своим типом культурного диалога. Надо заметить, что по отношению к фронту процесс типологизации не является чем-то законченным. Не существует единой общепринятой типологии...

Точка отсчета Кавказского фронта в отечественной науке определяется А.Т. Урушадзе с момента создания Азово-Моздокской укрепленной линии (1777 г.). Однако с нашей точки зрения, как фронт, этот процесс на Кавказе начинается гораздо раньше, с середины XVI в. Первыми «фронтирными» можно считать новгородских ушкуйников и выходцев из Рязанского княжества, казаков Червленого Яра, бежавших оттуда после присоединения Рязани к Москве. В «Хрониках гвардейских казачьих частей, помещённых в книге Императорской гвар-

дии», даже указывается дата этого побега – 1520 г. Именно из числа беглецов и начинает формироваться гребенское и терское казачество.

О появлении первых фронтальных линий можно говорить с момента построения укрепленного городка на Тереке, по одной версии, казаками или разбойниками во второй половине XVI в. [17], по другой, Иваном Грозным в 1563 г. [18], по третьей в устье Сунжи в 1567 г. В любом случае ранний Кавказский фронт как минимум на полвека старше американского». (Романова А.П. Специфика раннего фронта на Кавказе // Научный журнал КубГАУ. 2014. №102).

Вопросы к обсуждению:

1. Когда, по мнению автора, начинается история кавказского фронта?

2. На чём основывается данная датировка раннего фронта на Кавказе?

«На материале Северного Кавказа концепт «фронт» может быть эффективным исследовательским инструментом для описания пространства, в котором взаимодействовали представители горской и европейской культур, для комплексного исследования пограничных обществ. Возможность применения этого концепта к реалиям российско-северокавказских отношений достаточно убедительно доказана в зарубежной и отечественной историографии...

Применение концепта фронта при изучении процесса расширения границ Российского государства на Северном Кавказе позволяет показать многоаспектные контакты, взаимовлияния, конфликты и практики их разрешения между участниками пограничья, при этом не ограничиваясь только политической историей...

Э.А. Шеуджен выступает против применения теории фронта к Кавказу в его классическом понимании. Она отмечает, что «утверждение о северокавказском фронте как «рубеже», «границе», где встречаются «цивилизация» и «дикость», не имеет научных оснований» (с. 83). Здесь мы абсолютно согласны с мнением автора; выше нами было отмечено, что тернеровское определение идеи фронта не может быть применено к реалиям Северного Кавказа.

Что касается фронта как контактной зоны, процесса межкультурного диалога, – это вполне возможно...

Проблема периодизации северокавказского фронта становилась предметом исследований ряда кавказоведов. Одним из первых попытку определить этапы северокавказского фронта предпринял Т. А. Урушадзе, выделив три этапа. Первым этапом автор считает период от воз-

никновения Азово-Моздокской укрепленной линии (1777 г.) до начала Кавказской войны, когда в условиях формирования российского фронта на Северном Кавказе параллельно существовали в регионе и другие пограничные зоны: персидский, турецкий, крымский. Вторым периодом стал период Кавказской войны, а третьим – время наместничества на Кавказе М. С. Воронцова (1844-1854 гг.), который политику культурной экспансии эффективно дополнил военно-силовыми методами инкорпорации региона в состав Российской империи. Исследователи А. П. Романова и М. С. Топчиев в истории северокавказского фронта выделяют четыре этапа: ранний фронт, фронт, пост-фронт и рефронт. Данная периодизация относит Северный Кавказ к пространству вечного фронта, с чем, на наш взгляд, нельзя согласиться.

Мы предлагаем собственную концепцию периодизации истории российского фронта на Северном Кавказе, за основу которой взяты особенности и специфика процесса этнокультурного взаимодействия представителей Северного Кавказа и Московского государства/Российской империи...

Итак, процесс продвижения границ Российской империи на Северный Кавказ, поэтапное присоединение империей северокавказских территорий перспективнее рассматривать с точки зрения фронтальной теории. Применение этого инструмента к уже изучаемым проблемам ставит новые вопросы, открывая прежде неизведанные области. Исходя из этого, нами предложена целостная периодизация истории российского фронта на Северном Кавказе, согласно которой выделены четыре периода, каждый из которых имеет конкретные хронологические рамки и особенности развития: «терский» (вторая половина XVI в. – 1721 г.), «персидский» (1722–1735 гг.), «кизлярско-моздокский» (1735–1817 гг.) и период «Кавказской войны» (1817-1864 г.). Окончание войны привело к «закрытию» фронта и инкорпорации региона в российское имперское пространство». (Магарамов Ш.А. Российский фронт на Северном Кавказе: проблемы периодизации // Журнал Фронтальных Исследований . 2023. №4 (32)).

«Что касается особенностей и специфики северокавказского фронта России второй половины XVI – середины XIX века, то здесь можно выделить следующее:

– заселение территории северокавказского фронта казаками (терскими и гребенскими) происходило на официальном государственном уровне, которое успешно дополнялось переселением христианского населения (армян и грузин) из Южного Кавказа, а также крестьян-

ской колонизацией из центральных губерний страны с последующим обращением крестьян в казаков;

– значительная часть кавказского казачества привлекалась к несению государственной службы на приграничной линии, что уменьшало государственные расходы на содержание армии; связано было это с традиционной репутацией казаков как людей пограничья, призванных нести службу на окраинах страны. Таким образом, российские власти использовали военно-колонизационный потенциал казачества в полной мере;

– базой для укрепления позиций жителей пограничья служили русские укрепленные крепости, гарнизоны, воеводы которых выступали проводниками российской политики в регионе;

– чаще всего на фронтирной линии (реже в Астрахани, Москве и Петербурге) содержались аманаты-заложники от северокавказских владельцев в качестве гаранта соблюдения верноподданнических обязательств «белому царю»; воспитывая их в духе русской культуры и этикета, российская военная администрация рассчитывала на их устойчивую пророссийскую ориентацию;

– северокавказский фронтир был местом постоянных нападений войск иранских шахов, османо-крымских отрядов и горцев, в ответ совершались подобные набеги казачьих отрядов на земли горцев;

– северокавказский фронтир России был далеко не единственным в пространстве Кавказского региона, параллельно на юге и юго-западе региона существовали еще фронтиры мусульманского мира – шахского Ирана и Османской империи;

– район кавказского фронта, особенно в первой половине XIX века, служил местом для ссылки преступников, негодных лиц (эта черта характерна также и для южнороссийского и сибирского фронтиров)». (Магарамов Ш.А. Северокавказский фронтир российской империи // АСТА HISTORICA: труды по историческим и обществоведческим наукам. 2019. №2).

Вопросы к обсуждению:

1. Назовите основные спорные моменты в изучении Кавказского фронта.
2. В чём специфика Кавказского фронта?

4. ТЕМАТИКА ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ

1. Отражение социальных представлений о фронтире в художественной литературе (Фенимор Купер и т.п.)
2. Героизированные образы как отражение социальных представлений о фронтире в художественной литературе (Майн Рид и т.п.).
3. Отражение социальных представлений о фронтире в американском кино («Сокровища Сьерра-Мадре», Джон Хьюстон, 1948; «Золото Маккены», Дж. Ли Томпсон, 1969; «Танцующий с волками», Кевин Костнер, 1990; «Джанго освобождённый», Квентин Тарантино, 2012).
4. Отражение социальных представлений о фронтире в кино (спагетти-вестерн 60-х гг. XX в.: «За пригоршню долларов», «На несколько долларов больше», «Хороший, плохой, злой», «Однажды на Диком Западе»).
5. Отражение социальных представлений о фронтире в пародийном и комедийном кино («Лимонадный Джо», Олдржих Липский, Чехословакия, 1964; «Человек с бульвара Капуцинов», Алла Сурикова, 1987).
6. Эллинский мир и варварская периферия с точки зрения теории фронта (Северное Причерноморье в античности).
7. Эллинистический мир – зона межцивилизационных контактов.
8. Лимитрофы Римской и Византийской империй.
9. Границы России и азиатских государств в раннее Новое время с точки зрения теории фронта (Россия–Китай).
10. Хора как синтезная контактная зона Византийской империи на Востоке.
11. Контактные зоны на Иберийском полуострове в Древности и Средневековье.
12. Крестовые походы в рамках теории фронта.
13. «Дранг нах Остен» и проблема фронта
14. Казачество в колонизационных процессах конца XIX – начала XX в.
15. Использование концепта «фронт» в кавказоведческой литературе.
16. Проблема «сибирского фронта»

17. Монастырская и крестьянская колонизация Русского Севера в XVI-XVII вв. – исторический пример динамичного фронта.
18. Границы европейских государств в эпоху наполеоновских войн с точки зрения теории фронта.
19. Лимнология как отрасль истории международных отношений.
20. Итоги Первой мировой войны с точки зрения теории фронта.
21. Предпосылки Второй мировой войны с точки зрения теории фронта.
22. Итоги Второй мировой войны с точки зрения теории фронта.
23. Новая имперская история о фронтах империи.
24. Фронт как инструмент имперского строительства.
25. Израильско-палестинский фронт.
26. США–Мексика – граница или фронт?
27. Постколониальные исследования и теория фронта
28. Сравнительная характеристика политического и поселенческого фронтов
29. Фронт и концепция диалога культур
30. Свобода и контроль на фронте
31. Традиционные формы этнокультурной идентичности и фронт в современных условиях
32. Фронт как «творческая лаборатория» истории
33. Теория зон культурного отчуждения

5. ВОПРОСЫ К ЭКЗАМЕНУ

1. Теория фронта Ф. Тёрнера.
2. Фронт как конкретно-историческое явление в истории США.
3. Теория фронта как выражение базовых ценностей американской нации.
4. «Пространственный поворот» в историографии и теория фронта.
5. Теория фронта: синтез географического и исторического пространства.
6. Политико-географическое содержание понятия фронт.
7. Внешние и внутренние фронты.
8. Граница и фронт как историко-культурный процесс.
9. Проблема «сибирского фронта».
10. Теория фронта и внутренняя колонизация в России
11. Использование концепта «фронт» в изучении истории Кавказа.
12. Казачество в колонизационных процессах конца XIX - начала XX века.
13. Образы фронта в вестернах.
14. Образы фронта в художественной литературе.
15. Фронт как «пограничье».
16. Типы образования границ.
17. Новая имперская история о фронтах империи.
18. Фронт как инструмент имперского строительства.
19. Теория фронта и глобальные реалии в новое время.
20. Теория фронта и глобальные реалии в новейшее время.
21. Постколониальные исследования и теория фронта
22. Концепция ментальной географии в исторической и культурной антропологии и теория фронта.
23. Сравнительная характеристика политического и поселенческого фронтов
24. Фронт и концепция диалога культур

6. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева А.А. «Калмыцкий фронтир»: к типологии фронтирной теории // Вестник КалмГУ. 2016. №4 (32).
2. Баева Л.В. Типология и проблемы изучения южно-российского фронта // Logos et Praxis. 2014. №2.
3. Баженова Ж.М., Ермак Г.Г. К вопросу об этничности населения фронтирных территорий (на материалах о-ва Сахалин) // Россия и АТР. 2018. №4 (102)
4. Басалаева И.П. Критерии фронта: К постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.
5. Басалаева И.П. Социально-философские основания концепции фронта Ф. Дж. Тернера // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. №21.
6. Бостан К.А., Кузнецов А.М. Идея «фронта»: выгодное приобретение или опасный «фантом»? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. №1 (44).
7. Буканова Р.Г., Шарипов А.А. Концепция фронта как познавательный инструмент в изучении истории российско-казахстанских отношений в XVIII-XIX вв // Via in tempore. История. Политология. 2018. №2.
8. Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт / под ред. В.Т. Олейника. М.: Изд. Группа «Прогресс» «Литера», 1993. 480 с.
9. Вашук А.С., Воронцов Н.С. Дальневосточный фронтир 1990-х годов: от «территории-крепости» к новым формам развития региона // Журнал Фронтирных Исследований . 2022. №4 (28).
10. Винклер, 1900, стр. 154). (С.102-103). (Алексеева Е.В. Русская Америка: акторы, места и формы культурной памяти // Журнал Фронтирных Исследований. 2020. No 2. С.92-121.
11. Голованова С.А., Шнайдер В.Г. Концепция «Фронта» в современной кавказоведческой литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012.

12. Горечкий П. Двойственность фронта: анализ двух кейсов из средневековой Силезии // Журнал Фронтирных Исследований . 2019. №2 (14).

13. Границы империи: в поисках пределов применимости исторических метанарративов: От редакции // *Ab imperio*. 2003. № 1. С. 9-23.

14. Дубман Э.Л. Юго-восточный «фронт» Европейской России в середине XVII – начале XVIII в // Вестник ТГУ. 2019. №182.

15. Есаулова О.М. Южноафриканский фронт // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2008. №2-II.

16. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 75-88.

17. Захаров В.Ю., Суздалева Т.Р. В преддверии «Большой игры»: особенности политики Российской империи в Центральной Азии в XVIII – первой половине XIX вв. // Журнал Фронтирных Исследований. 2023. №3 (31).

18. Зберовская Е.Л. Социокультурные аспекты освоения Сибири в контексте теории фронта // Вестник КрасГАУ. 2013. №12.

19. Иванеско А.Е. Кавказские пленники на имперском фронте // НП/НР. 2018. №3.

20. Иванова Л.М. Сибирский фронт: изучение вопроса в отечественной исторической науке // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. №410.

21. Ильин В.И. Старый русский север как пространство жизненных шансов: история и современность // Журнал Фронтирных Исследований . 2019. №4-2 (16).

22. Ильиных В.А. Аграрное освоение Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: от постфронта к хартленду // Журнал Фронтирных Исследований . 2022. №4 (28).

23. Кадырбаев А.Ш. Русская Америка или русский Дальний Восток? // Восточный архив. 2015. №2 (32).

24. Как сегодня изучать фронты? Дискуссия по статье Д.В. Сеня / Басалаева И.П., Дубман Э.Л., Мизис Ю.А., Мильчев В.И., Сень Д.В., Урушадзе А.Т., Ходарковский М. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. С. 81-105.

25. Калинина Е.Ю. Маргинальные и пограничные социальные

группы средневековой Испании // Журнал Фронтирных Исследований. 2021. № 1. С.20-40.

26. Камышев К.Д. «Арабский фактор» в развитии римско-иранского пограничья // Журнал Фронтирных Исследований. 2017. № 2. С.59-72.

27. Карабушенко П.Л. Элита и фронтир // Журнал Фронтирных Исследований . 2016. №2.

28. Ким С.П. Формирование российско-корейского фронта с 1858 по 1884 год в отечественной историографии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. №2 (847)

29. Коломейцева М.А., Команджаев А.Н. Образ человека фронта на примере иногороднего крестьянства Дона // Журнал Фронтирных Исследований. 2022. №3 (27).

30. Крупенкин Е.Н. Концепция фронта в современной отечественной литературе: эвристические возможности и пределы применения // Вестник БГУ. 2018. №1 (35).

31. Магарамов Ш.А. Российский фронтир на Северном Кавказе: проблемы периодизации // Журнал Фронтирных Исследований . 2023. №4 (32).

32. Магарамов Ш.А. Северокавказский фронтир российской империи // АСТА HISTORICA: труды по историческим и обществоведческим наукам. 2019. №2.

33. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. «Теория фронта и юг России в XVI - первой половине XVIII в.» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, №. 10 (150), 2015. С. 7-15.

34. Павленко Н.В. Фронтир с японским лицом // Журнал Фронтирных Исследований . 2017. №4 (8).

35. Панарина Д.С. Фронтир как один из факторов и мифов американской истории // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №4.

36. Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова и др. Казань, 2004.

37. Романова А.П., Топчиев М.С. Кавказ как вечный фронтир // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 3 (40). С. 284-291.
38. Романова А.П. Специфика раннего фронта на Кавказе // Научный журнал КубГАУ. 2014. №102.
39. Романова А.П. Фронтирмэн, охотник, воин // Журнал Фронтирных Исследований . 2016. №1.
40. Румянцев В.П. К вопросу об американском фронтире: Дж. Ф. Кеннеди и программа «Новый фронтир» (теоретический и внешнеполитический аспекты) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. №1 (21).
41. Саракоева А.А. Туземные вожди и китайские судьи. Борьба за власть и собственность на южнокитайском фронтире XVIII века // Журнал Фронтирных Исследований . 2022. №3 (27).
42. Сентябова М.В., Рябов Ю.В. Историческая наука о пространствах сибирского фронта // Журнал Фронтирных Исследований . 2022. №4 (28).
43. Сень Д.В. Фронтирные исследования в современной России: Зыбкие границы академического диалога // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1. С. 66-80.
44. Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронта // Известия АлтГУ. 2011. №4-1.
45. Сулимов С.И., Черных В.Д. Лимес и фронтир: о роли пограничных рубежей в противостоянии цивилизации и варварства // Этнодиалоги. 2022. №1 (67).
46. Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. – 304 с.
47. Тутин Д.А. К вопросу о происхождении казачества // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2004. №1 (21). С. 175-185.
48. Хромых А.С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // Вестник ЧелГУ. 2008. №5.
49. Цыганова А.А. Теория «Секций» в трудах американского учёного и педагога Ф.Дж. Тёрнера // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. №1 (4).

50. Шабает Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.С. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. 2012. № 4. С. 134-153.

51. Шеуджен Э.А. К вопросу о северокавказском фронтире // Научная мысль Кавказа. 2006. №3.

52. Якушенко С.Н. На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят // Журнал Фронтальных Исследований . 2016. №4.

53. Якушенко С.Н., Якушенко О.С. Отражение постфронтальных процессов в американском кинематографе // Журнал Фронтальных Исследований . 2016. №1.

54. Якушенко С.Н., Якушенко О.С. Трансформация образа Чужого в условиях постфронтальной культурной парадигмы // Научный журнал КубГАУ. 2015. №114.

55. Якушенко О.С. От войны к дипломатии: роли индейских женщин на американском фронтире // Журнал Фронтальных Исследований . 2017. №2 (6).

56. Limerick P. N. The Legacy of Conquest. The Unbroken Past of the American West. New York: W. W. Norton, 1987. 396 p.

57. Slotkin R. Gunfighter nation: the myth of the frontier in twentieth-century America. Norman: University of Oklahoma Press, 1998. 864 p.

58. Slotkin R. Regeneration through violence: the mythology of the American frontier, 1600–1860. Norman: University of Oklahoma Press, 2000. 670 p.

59. White R. Middle Ground: Indians, Empire, and Republics in the Great Lakes Region. 1650–1815. New York: Cambridge University Press, 1991. XVI + 544 p.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

<https://jfs.today/index.php/jfs> (Сайт журнала фронтальных исследований)

7. «ФРОНТИРНАЯ ТЕМА» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Американский фронт в художественной литературе

1. Ирвинг В. Рип ван Винкль (1819).
2. Ирвинг В. Путешествие по прериям (1835).
3. Ирвинг В. Астория (1936).
4. Купер Ф. Пионеры (1823).
5. Купер Ф. Последний из могижан (1826).
6. Купер Ф. Прерия (1827).
7. Купер Ф. Следопыт (1840).
8. Купер Ф. Зверобой (1841).
9. Рид М. Всадник без головы (1865).
10. Рид М. Оцеола – вождь семинолов (1858).
11. Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу (1854).
12. Торо Г. Леса Мэна. (1864).
13. Твен М. Закалённые (1872). Русс. перевод под названием «Налегке».
14. Гарт Б. Габриэль Конрой (1875).
15. Крейн С. Голубой отель (1895).
16. Эллис Э. Понтиак, вождь оттавов. Лагерь в горах (1897).
17. Лондон Дж. Северная Одиссея (1900-1911).
18. Уистер О. Виргинец (1902).
19. Лондон Дж. Лига стариков (1902).
20. Генри О. Последний трубадур (1908).
21. Шефер Дж. Шейн (1949).

Русский фронт в художественной литературе

1. Пушкин А.С. Кавказский пленник (1820-1821).
2. Бестужев (Марлинский) А. Аммалат-бек (1832).
3. Гоголь Н. Тарас Бульба (1835).
4. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени (1840).
5. Толстой Л.Н. Казаки (1862).
6. Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы (1883).
7. Пришвин М.М. В краю непуганых птиц (1907).
8. Грин А. Остров Рено (1909).
9. Грин А. Колония Ланфиер (1910).
10. Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат (1912).
11. Байков Н.А. в горах и лесах Маньчжурии (1915).
12. Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь (1921).
13. Арсеньев В.К. Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 году (1923).
14. Шолохов М.А. Тихий Дон (1928-1932, 1940).
15. Шишков В.Я. Угрюм-река (1932).
16. Комаров П. С. Таежные жители. (1947).
17. Герман Ю.П. Россия молодая (1952).
18. Пришвин М.М. Корабельная чаша (1955).
19. Алматинская А. В степных просторах (1958).
20. Ильина-Лаиль О. Восточная нить (2004).
21. Петров В.П. Сага Форты Росс. Роман в 2-х кн. (1961-1963).
22. Черкасов А.Т. Хмель (1963).
23. Астафьев В.П. Царь-рыба (1976).
24. Петров В.П. Город на Сунгари (1984).
25. Личутин В.В. Скитальцы (1988).
26. Гемп К. Сказ о Беломорье (2004).
27. Прилепин З. Обитель (2014).

8. ФРОНТИРНАЯ ТЕМА В КИНО

Вестерн. Список фильмов

1. Большое ограбление поезда (1903).
2. Дилижанс (1939).
3. Красная река (1948).
4. Рио-Гранде (1950).
5. Ровно в полдень (1952).
6. Шейн (1953).
7. Река, не текущая вспять (1954).
8. Джонни Гитара (1954).
9. Искатели (1956).
10. Рио Браво (1958).
11. Великолепная семёрка (1960).
12. Человек, который застрелил Либерти Вэленса (1962).
13. Как был завоёван Запад (1962).
14. За пригоршню долларов (1964).
15. Хороший, плохой, злой (1966).
16. Однажды на Диком Западе (1968).
17. Бутч Кэссиди и Санденс Кид (1969).
18. Дикая банда» (1969).
19. Настоящее мужество (1969).
20. Золото Маккенны (1969).
21. Меня зовут Троица (1970).
22. Человек по имени Лошадь (1970).
23. Солдат в голубом (1970).
24. Молодые стрелки (1988).
25. Непрощённый (1992).
26. Тумстоун: Легенда Дикого Запада (1993)
27. Уайетт Эрп (1994).
28. Открытый простор (2003).
29. Поезд на Юму (2007).
30. Аппалуза (2008).
31. Джанго освобождённый (2012).
32. Выживший (2015).
33. Убийцы цветочной луны (2023).

«Истерн». Список фильмов

1. Деловые люди (1962).
2. Джура (1964).
3. Неуловимые мстители (1966).
4. Новые приключения неуловимых (1968).
5. Белое солнце пустыни (1969).
6. Корона Российской империи, или Снова неуловимые (1971).
7. В чёрных песках (1972).
8. Седьмая пуля (1972).
9. Всадник без головы (1973).
10. Свой среди чужих, чужой среди своих (1974).
11. Пропавшая экспедиция (1975).
12. Золотая речка (1976).
13. Вооружён и очень опасен (1977).
14. Шестой (1981).
15. Заложник (1983).
16. Непобедимый (1983).
17. Зелёный фургон (1983).
18. Человек с бульвара Капуцинов (1987).

***

19. Виннету – вождь апачей (1963).
20. Лимонадный Джо (1964).
21. Верная Рука – друг индейцев (1965).
22. Сыновья Большой Медведицы (1966).
23. Чингачгук – Большой Змей (1967).
24. След Сокола (1968).
25. Белые волки (1969).
26. Смертельная ошибка (1970).
27. Оцеола (1971).
28. Текумзе (1972).
29. Апачи (1973).
30. Ульзана (1974).
31. Братья по крови (1975).
32. Пророк, золото и трансильванцы (1978).
33. Трансильванцы на Диком Западе (1981).
34. Вождь Белое Перо (1983).
35. Аткинс (1985).
36. Охотники в прериях Мексики (1988).

9. ТЕСТ

1. Что такое фронтир (укажите лишнее)?

- 1) политическая и географическая область вблизи или за пределами нечёткой границы различающегося населения
- 2) место встречи разных рас, различных религий, непохожих языков, противоположных образов жизни
- 3) наука о современных тенденциях развития медиа
- 4) историческая зона освоения западных территорий США

2. Как называлась область, изначально включавшая зону освоения – фронтир, расположенная на территории современных штатов Северная Дакота, Южная Дакота, Монтана, Вайоминг, Колорадо, Канзас, Небраска, Оклахома и Техас, которая постепенно расширялась и перемещалась на запад вплоть до Тихоокеанского побережья, в исторический период между Гражданской войной в США и концом XIX века?

- 1) Соединенные штаты
- 2) Южная конфедерация
- 3) Дикое поле
- 4) Дикий Запад

3. Где появилась теория фронтира?

- 1) В Западной Европе
- 2) В США
- 3) В России
- 4) В Китае

4. Кто автор теории фронтира?

- 1) Ф. Тёрнер
- 2) С. Клеменс
- 3) Р. Киплинг
- 4) А. де Токвиль

5. Чем был фронтир для автора статьи «Значение фронта для американской истории»?

- 1) фактором формирования американской нации
- 2) причиной Гражданской войны в США
- 3) причиной победы Северных штатов над Южными в Гражданской войне
- 4) явлением, тормозившем развитие США

6. Когда появилась теория фронта?

- 1) в XVIII в.
- 2) в первой половине XIX в.
- 3) в конце XIX в.
- 4) в середине XX в.

7. Когда слово *frontier* впервые появилось в английском языке?

- 1) в 1623 г.
- 2) в 1765 г.
- 3) в 1812 г.
- 4) в 1848 г.

8. Когда стали различать термины «фронтир» и «граница»?

- 1) в средние века
- 2) в эпоху Великих географических открытий
- 3) при Людовике XIV
- 4) в XIX в.

9. Американское восприятие фронта первоначально совпадало с европейским, но затем изменилось. Вследствие чего это произошло?

- 1) в период борьбы за независимость
- 2) в ходе опыта освоения Североамериканского континента
- 3) после отмены рабства
- 4) перед Первой мировой войной

10. По мнению Фр. Тёрнера, фронтир это...

- 1) естественная граница
- 2) символическая граница
- 3) государственная граница
- 4) подвижная граница

11. Чему способствовала концепция Ф. Тёрнера?

- 1) отрицанию фронта
- 2) мифологизации фронта
- 3) рецепции фронта
- 4) типизации фронта

12. Кто из представителей школы «Анналов» разработал самостоятельную концепцию фронта, получившую в исторической литературе название «граница как пространство»?

- 1) Л. Февр
- 2) Ж. ле Гофф
- 3) М. Блок
- 4) Ф. Бродель

13. Идеи Ф. Тёрнера применительно к американскому региону Великих равнин в 1920-е годы продолжил разрабатывать...

- 1) Кейт У. Хэнкок
- 2) Уолтер П. Уэбб
- 3) Р. Биллингтон
- 4) М. Ридж

14. Какое название получила популярная программа внутренней политики президента Джона Кеннеди?

- 1) «новые ценности»
- 2) «новые пути»
- 3) «новые рубежи»
- 4) «новые возможности»

15. В период правления какого президента США теория фронта вышла на пик популярности?

- 1) Дж. Кеннеди
- 2) Р. Никсон
- 3) Дж. Картер
- 4) Р. Рейган

16. Что, по мнению одного из самых известных критиков теории фронта Ричарда Slotkina, является сутью фронта?

- 1) культ личности
- 2) культ героя
- 3) культ разума
- 4) культ насилия

17. Когда был принят Гомстед-акт?

- 1) 1862 г.
- 2) 1893 г.
- 3) 1905 г.
- 4) 1918 г.

18. В каком жанре кино представлены героизированные и мифологизированные представления о фронтире?

- 1) боевик
- 2) триллер
- 3) вестерн
- 4) фэнтези

19. Какой роман, написанный в 1827 г., стал первым сюжетом классического вестерна, в котором описывается Дикий Запад по ту сторону реки Миссисипи?

- 1) «Всадник без головы» М. Рида
- 2) «Прерия» Ф. Купера
- 3) «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу
- 4) «Белый клык» Дж. Лондона

20. Режиссер, крупнейший мастер вестерна?

- 1) Джон Форд
- 2) Джордж Лукас
- 3) Питер Джексон
- 4) Кристофер Нолан

21. Главные герои вестернов?

1) пираты	3) рабы
2) ковбои	4) пуритане

22. Какой конфликт не типичен для вестерна?

- 1) закона и беззакония
- 2) цивилизации и дикости
- 3) отцов и детей
- 4) ковбоев и индейцев

23. Какой фильм принято считать первым вестерном?

- 1) «Большое ограбление поезда» Эдвина С. Портера
- 2) «Моя дорогая Клементина» Джона Форда
- 3) «Джонни Гитара» Николаса Рэя
- 4) «Ровно в полдень» Фреда Циннемана

24. Что такое спагетти-вестерн?

- 1) Захватывающие кулинарные видео.
- 2) Итальянский вестерн.
- 3) Вестерн с элементами комедии.
- 4) Вестерн, снятый в Мексике

25. Одна из важных точек русского фронта?

1) Прибалтика	3) Сибирь
2) Поволжье	4) Белоруссия

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. КАРТЫ

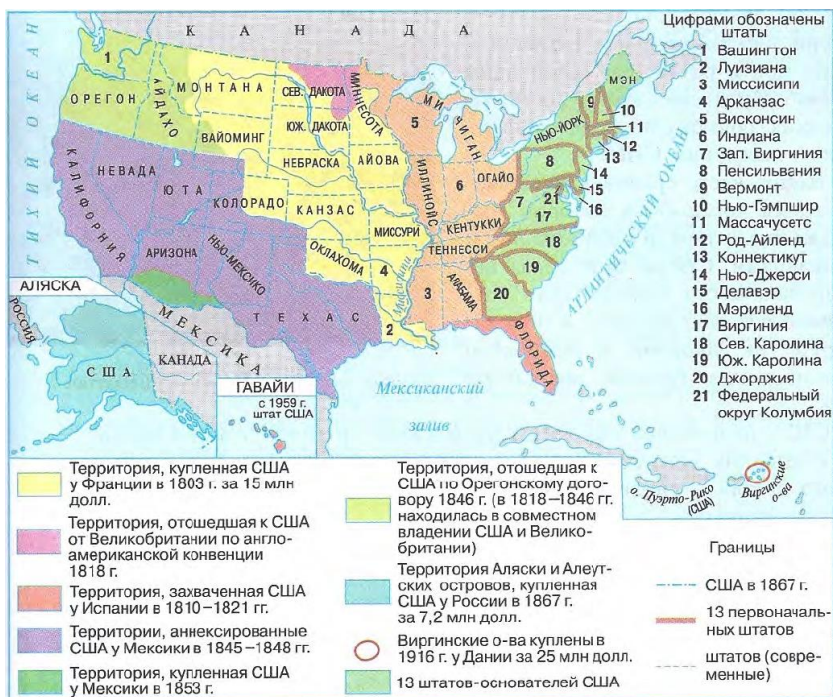
Территория США в конце XVIII в.

Расширение территории США с конца XVIII в. до середины XIX в.

Территория США в первой половине XIX в.

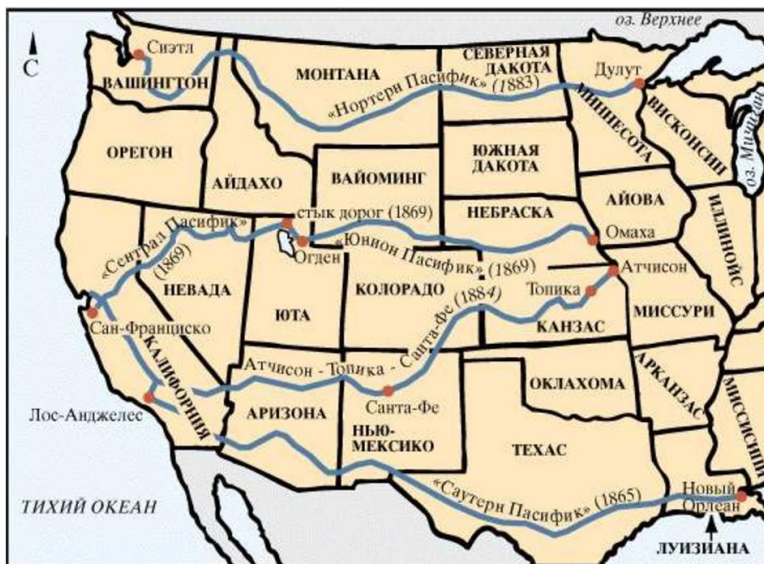
Транспортная сеть в США в первой половине XIX в. (6,5 тыс. км железных дорог)

— дороги и тропы

1 - Индианская	7 - Мэрилендская дорога
2 - Чикагская дорога	8 - Западная дорога
3 - Буффало	9 - Иллиноисская дорога
4 - Дженнингская дорога	10 - Джексоновская военная дорога
5 - Мичиганская дорога	11 - «Грибцы-мелиораторы» путь»
6 - Сент-Луис	

Первые Тихоокеанские железнодорожные линии

Расширение территории США в XIX в.

Первая трансконтинентальная железная дорога

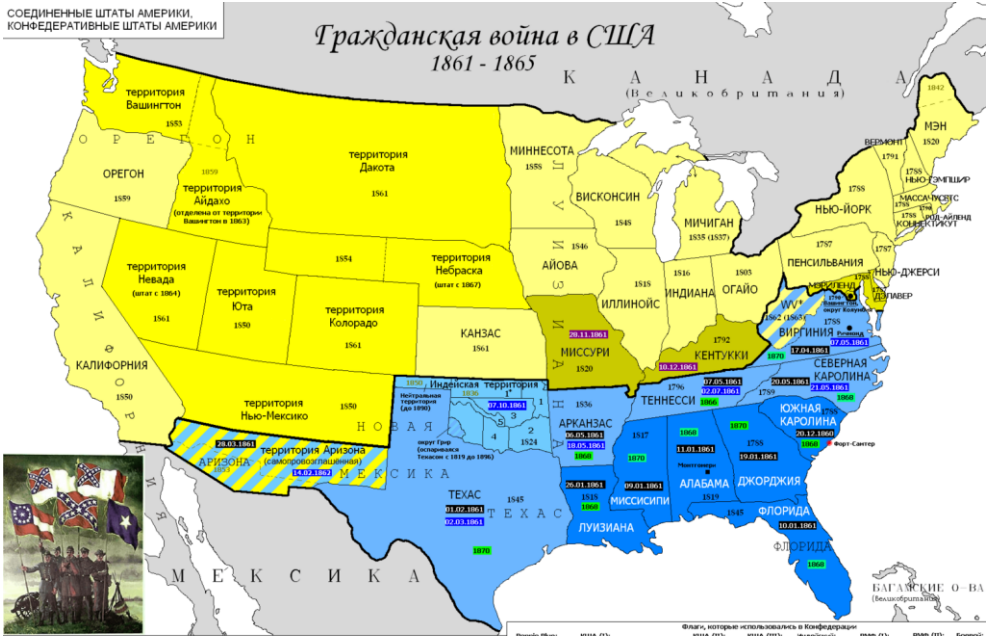

США в период гражданской войны 1861-1865 гг.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ,
КОНФЕДЕРАТИВНЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Гражданская война в США 1861 - 1865

К А Н А Д А
(Великобритания)

Флаг США:

Флаги, которые использовались в Конфедерации:

Войск США:

Государства, объявившие республику в составе федерации: 04.02.1861

Конфедеративные Штаты Америки: 20.02.1862

Территории (полностью или частично присоединены к США): 01.02.1862

Территории (полностью или частично присоединены к США): 01.02.1862

Западная Вирджиния, отделившаяся от работы, объявившая о составе Вирджинии в 1863, и вновь вошедшая в состав США 20 июня 1863 года: 20.06.1863

Штаты, оставшиеся в составе США: 01.02.1862

Территории (полностью или частично присоединены к США): 01.02.1862

Республиканские штаты, оставшиеся в составе США и объявившие о поддании Конфедерации и войне штата Миссури и Канзас, где установилась "террор правительств", которые включили эти штаты в Конфедерацию (незаконно): 01.02.1862

Даты вступления в состав США новых штатов и территорий: 01.02.1862

Даты присоединения и Конфедерации 5-ти штатов и территорий, вышедших из США: 01.02.1862

Даты образования территорий и штатов до войны (в скобках - даты присоединения к США): 01.02.1862

Даты присоединения депривативных земель и уже существующих территорий и штатов: 01.02.1862

Даты независимой присоединения Миссури и Канзас к Конфедерации: 01.02.1862

Историко-географические области: 01.02.1862

ГРАНИЦЫ: 01.02.1862

Государственные границы: 01.02.1862

Границы между штатами, территориями и индейскими республиками до войны: 01.02.1862

Новые территории, появившиеся во время войны: 01.02.1862

Земли, присоединенные в существующие территории и штаты: 01.02.1862

Цифры обозначают республику в составе федерации (США): 01.02.1862

1 - год утверждения черной

2 - территория левая

3 - территория правая

4 - территория западная

5 - территория северная

«Дикое поле» в XVI в.

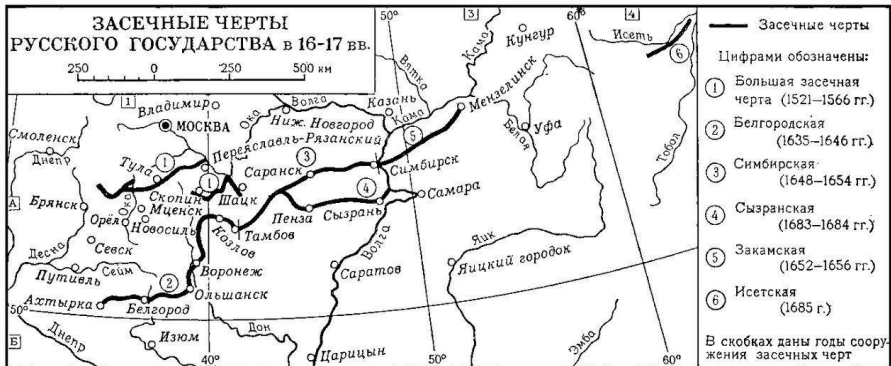

Карта расселения казаков в XVI в.

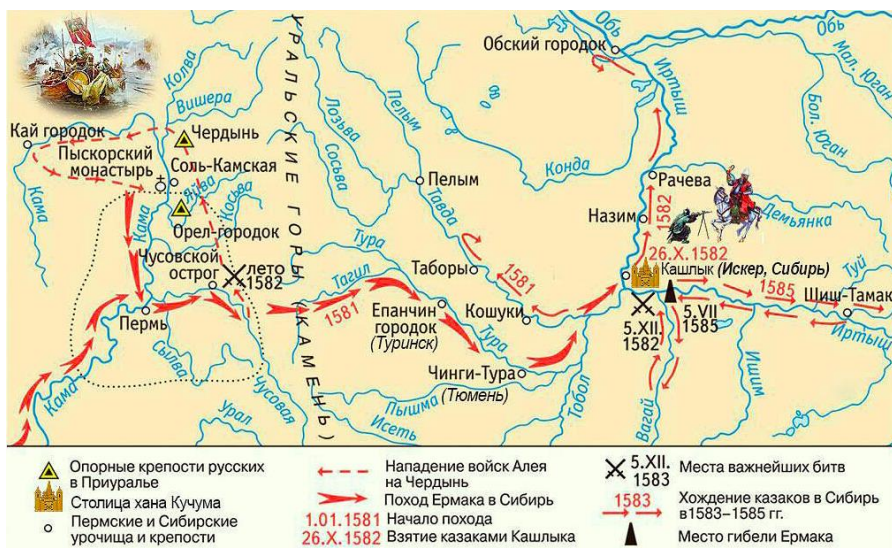
Засечные черты русского государства в XVI – XVII вв.

«Дикое поле». Карта XVIII века.

Поход Ермака в Сибирь 1581 – 1585 гг.

Расселение казачества с XVI – до начала XX века

Освоение Сибири в XVII веке

Отношения с Китаем в XVII веке

Отношения с Китаем

- 1643-1651 гг. – походы Василия Пояркова и Ерофея Хабарова в Приамурье
- 1649-1689 гг. - Албазинская война с Китаем (русско-цинский пограничный конфликт)
- 1689 г. – Нерчинский договор

Открытие и освоение дальневосточных земель

В 1639 г. русские казаки впервые вышли на берег Тихого океана,

в 1640 — достигли устья Амура и высадились на острове Сахалин,
в 1644 — состоялось первое плавание по Амуру от устья Зеи до Амурского лимана.

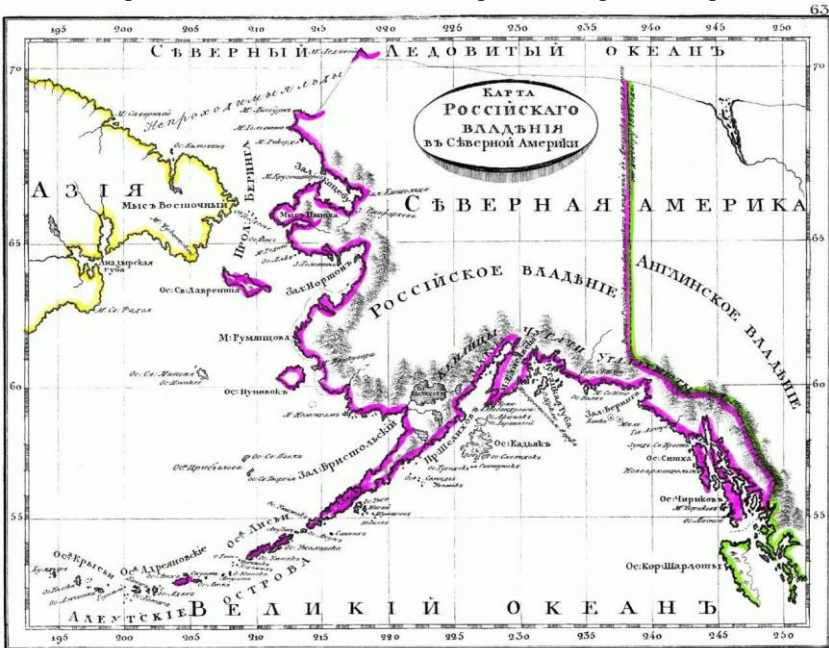
В 1651 г. русские мореходы высадились на Камчатке. Через 80 лет после этого, в 1732 г., они впервые достигли берегов Аляски.

Маршрут экспедиции В. Беринга и А. Чирикова

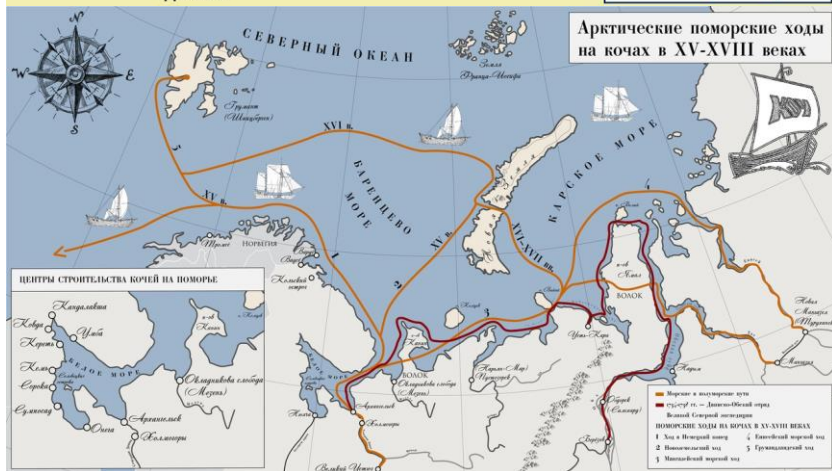

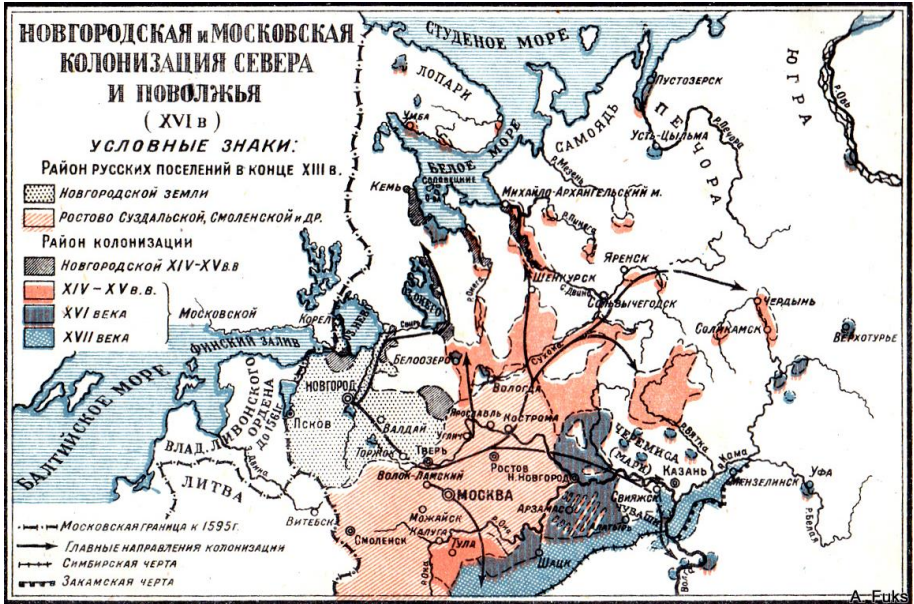
Карта владений Российской империи в Северной Америке

Освоение Русского Севера

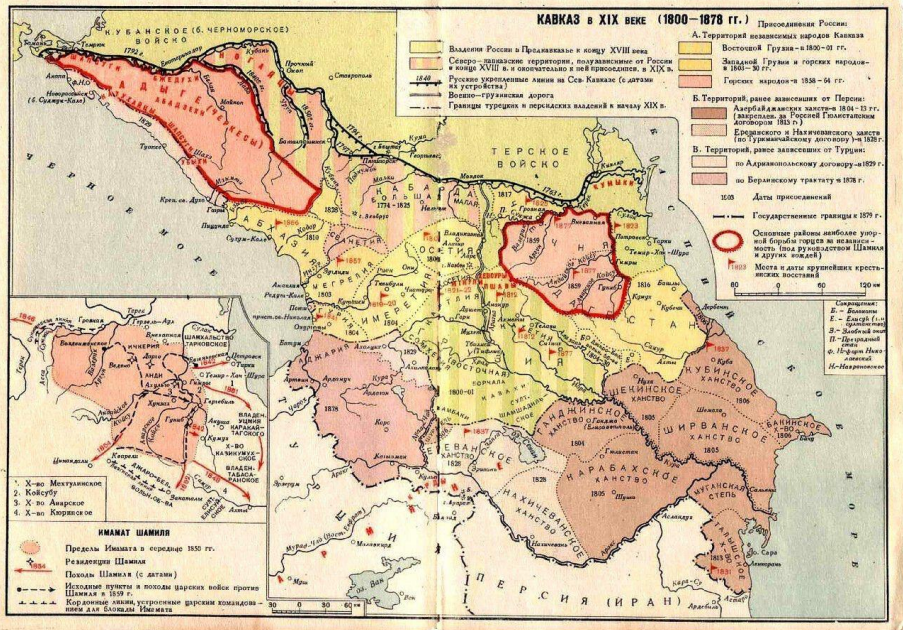
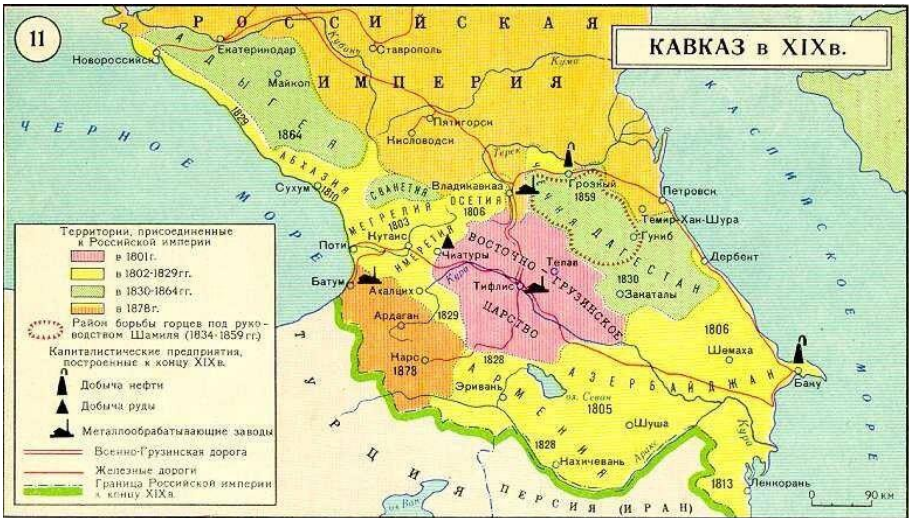

Монастыри русского Севера

Кавказ в XIX в.

Присоединение Средней Азии в XIX веке

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРОНТИРА

УДК 94; ББК 63.0; DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.105>

КАК СЕГОДНЯ ИЗУЧАТЬ ФРОНТИРЫ? ДИСКУССИЯ ПО СТАТЬЕ Д. В. СЕНЯ

Является ли концепция фронта убедительной сегодня? Какие в ней есть сильные и слабые стороны?

Майкл Ходарковский: Давайте начнем с начала. Известные библейские слова: «В начале было слово» можно было бы с таким же успехом заменить на: «В начале был фронтир». Ведь практически любое общество с самых ранних времен было обществом с размытыми, не точно установленными границами, которые в основном появляются только при возникновении империй и особенно национальных государств. Поэтому фронтир — это универсальная категория, ибо все государственные образования начинали с этого. Вопрос только в том, когда эти государства перестают быть фронтирными и закрепляются в четко обозначенных границах.

Ирина Петровна Басалаева: Идея начать дискуссию в журнальном формате об одном из, кажется, самых неоднозначных концептов современного социально-исторического знания мне представляется важной и своевременной. Важной — потому что фронтирная теория является существенным элементом конструкции постсоветской историографии, а своевременной — ибо, по моим наблюдениям, отечественная теоретизация фронта вошла в экстенсивную фазу.

Что я имею в виду? Острота постановки исследовательских вопросов стала уже достоянием прошлого — «нулевых» годов, когда фронтир еще выглядел новаторской методологией. Осторожно замечу, что, возможно, настоящих проблематизаций не случилось и тогда. Некоторое время фронтирную концепцию держали если не в центре внимания исторической корпорации, то уж явно в поле этого внимания три вещи: энергичный, в духе теоретической «интервенции» импорт модели в отечественный материал, эффектная рекомпозиция традиционных историографических сюжетов в фронтирной оптике и некоторое освежение цехового языка.

Однако к сегодняшнему дню фронтирная полемика рутинизировалась: позиции и персоны в целом определены, интеллектуальные ходы более-менее прогнозируемы, топосы взаимного цитирования тяготеют к цикличности. Реального движения не видно. Статью уважаемого Д. В. Сеня на этом фоне рассматриваю как жест, приглашающий исследователей к (условно) совместной работе, которая могла бы такое движение

© И. П. Басалаева, Э. Л. Дубман, В. П. Мильев, Ю. А. Мигис,
Д. В. Сеня, А. Т. Урушадзе, М. Ходарковский, 2020

2020. № 1 (27). Январь—Июнь

81

сделать возможным. Читая предложенный редколлегией материал, я думала о трех сюжетах, которые считаю перспективными для дальнейшего обсуждения.

В обоснование тезиса о неоднозначности статуса фронтальной концепции Д. В. Сень цитирует ряд высказываний, прямо свидетельствующих о ее «конфронтационности» и едва ли не агрессивности — так считают авторы этих высказываний. В этом (несколько невротичном) ракурсе фронталь как бы «вспарывает» поверхность постсоветского гуманитарного знания и провоцирует появление не только «пограничных разрывов» в прошлом, но и «фронтон» в настоящем — среди коллег по корпорации. То есть фронтальный дискурс задевает какие-то болевые точки исследователей, оппортунирующих этой теории, а значит — предстает как *политически* индуцированный конструкт. Речь не столько о «партиях» в науке и о попытке перераспределения диспозиций в поле знания как в поле власти, сколько вообще о политической заряженности фронтальной концепции. По крайней мере, она так воспринимается, — а значит, данная валидность понятия нуждается в продумывании — что это говорит нам о состоянии дел в самой исторической науке? Кроме того, фронтальная модель, если рассматривать ее на фоне прочих историографических вариантов сборки прошлого, выглядит политически небезопасно, поскольку имеет слишком явные «выходы» к современности и потому может продуктивно применяться для объяснения некоторых текущих процессов социально-исторической динамики. «Фронтальная» интерпретация сегодняшнего дня некоторых — в прошлом фронтальных — регионов не гарантирует лоялистских суждений.

Далее. Фронталь — видимо, самый пространственно фундированный термин в историографическом вокабуляре. При этом уровень его проработки именно как *пространственной* категории неудовлетворителен. Имеющиеся теоретические проекции фронтала (со словесным вырисовыванием «буферных зон», «передовых краев» и прочего) тяготеют в лучшем случае к картографичности, но не к пространственности. На фоне современного состояния обширного и тонко размеченного поля социальной географии, а также довольно давних уже открытий географии теоретической все это выглядит архаично и непродуктивно. Между тем опора на достижения в этих областях может существенно продвинуть фронтальные шпудли, более того — без нее содержательное развитие концепции просто невозможно.

И главное. На мой взгляд, в актуальной фронтальной теории еще не выполнена та работа, которая в традиционной историографии называлась «методологическим синтезом». Этот оборот не означает простого согласования наличных схем изучения границ и граничности в их применении к истории социальных, государственных, цивилизационных и иных феноменов, хотя и это — не такая уж простая работа. Методологическое измерение фронтальной концепции предугадывается как весьма емкое, поскольку фронталь — возможно, последний современный дискурс пространства, мобильности и аффекта. Ключевые слова — *модерный* и *последний*. Является ли фронтальная теория выходом за пределы новоевропейских метанарраций, как полагает Д. В. Сень, для меня остается вопросом, и в качестве рабочей гипотезы я бы предложила как раз обратный тезис: фронтальная модель истории и в конце XIX столетия, и в версиках начала ХХI в. являет собой скорее еще одну метеорологию со всеми базовыми допущениями науки Нового времени. Тем не менее фронтальное исследование гораздо

более чувствительно к обнаружению *Другого* и вообще *различий*, чем колонизационный контейнер, и поэтому предлагает достаточно гибкий инструментарий для конкретизации антропологических вариаций макроистории.

Но вместо этой — по сути эпистемологической — работы последние два десятилетия происходит дальнейшая онтологизация фронтира: он гипостазирован в статусе «исторического факта», обнаруживаемого едва ли не в каждой части тела нашей большой страны. История ее расширения за несколько столетий и в самом деле демонстрирует сплошные «порубежья» и «пограничья», позже седиментированные в границы государственные и административные. Количество их локальных версий понуждает «фронтироведов» к навязчивым калькуляциям этого множества. Выделение все новых таксонов в имеющихся классификациях фронтира и приращение количества самих этих классификаций — увлекательное занятие, однако продуманы ли их основания, действительно ли это *теоретические модели*, а не складирование локальных версий некоей «фронтирной универсалии»?

Фронтир не является инструментом протоколирования конкретно-исторических явлений. Это понятие вообще не операциональное, а методологическое. Фронтир следует рассматривать как новый способ сборки *исторического* как такового. Это один из форматов самопонимания истории и как науки, и как делящегося человеческого опыта.

Владимир Иванович Мильчев: По нашему убеждению, концепт фронтира за более чем вековую историю своего существования не только продемонстрировал изрядную «эластичность», но и вплотную приблизился к «всеобъяснимости», поскольку смысл понятия не просто расширился, но часто и изменялся до неузнаваемости. Переход его из плоскости собственно исторических исследований в более широкие поля гуманитаристики состоялся давно. Введя разговор о «фронтире» в наше время, трудно ограничить свое воображение событийной историей «Дикого Запада» или же «Дикого поля». Понимание фронтирного взаимодействия, в широком смысле слова, стало означать контакт (с последующими взаимными реакциями) носителей языков, идей (религий), технологий, типов хозяйствования. Многие исследования в области этнологии, социальной антропологии, культурологии, лингвистики построены именно на идее существования множественных «фронтиров».

Как пример, укажем на историю междисциплинарного изучения индоевропейской экспансии, растянувшейся на несколько тысячелетий и явившей беспрецедентный пример того, как небольшая группа, вооруженная передовыми технологиями в области металлургии, доместикации и транспорта, военного искусства смогла распространить свой генофонд и языки на пространствах от Каспия до Атлантики, Индостана и Гоби.

Более того, наметился отрыв от взгляда на фронтир как на социо-культурный феномен, возникающий исключительно при взаимодействии двух или нескольких человеческих коллективов. Можно ли считать фронтиром территорию сосуществования двух биологических видов высших приматов и наших ближайших генетических родственников — шимпанзе и горилл в бассейне Конго? Ревнителю чистоты понятия лишь саркастически улыбнутся, услышав подобный вопрос, и оставят его без ответа. Но как быть с тем фактом, что внутригрупповые иерархия и этос «пограничных» шимпанзе — ведущая роль самцов, более высокий уровень агрессии и беспримысленная для остальных популяций вида способность сплываться в «военные отряды» — были

скорректированы именно фактором соперничества с гориллами? А у их сородичей бонобо (еще до недавнего времени воспринимаемых лишь как подвид шимпанзе), отделенных от агрессивных соседей великой африканской рекой, эволюция социальных отношений пошла совсем другим путем?

Уместно ли и дальше трактовать данную ситуацию исключительно с позиций дарвиновского «естественного отбора», отказывая ей в чертах не только «фронтпрности», но и «человекоподобности»? Ведь в процессе собственно антропогенеза или же на заре истории наших предков-кроманьонцев подобных сюжетов было не меньше — вспомним о неандертальцах, денисовцах и прочих видах ранних людей... Чем это был не фронтпр эпохи палеолита?

Другой пример — расширение ранними людьми пределов ойкумены. Допустим, освоение предками циркумполярных народов просторов Арктики. Как известно, ставшее хрестоматийным определение американского фронта XIX в. гласит, что таковым является территория с населением меньше двух человек на квадратную милю. А если людей нет вообще, но вместо них в изобилии встречаются белые и бурые медведи, полярные волки и прочие представители местной фауны — следует ли тогда рассматривать процесс проникновения небольшой группы первооткрывателей в качестве фронтпрной ситуации? С точки зрения кабинетного ученого нашего времени, возможно, и нет, но первобытные охотники, жившие 12–14 тысяч лет назад, очевидно, воспринимали ее именно такой, хотя бы на уровне ощущений и повседневных практик: была враждебная человеку окружающая среда с опасными животными (которые часто воспринимались как равные людям и одухотворялись), с которой поколения первопроходцев взаимодействовали, наблюдали за ней, перенимали опыт от ее исконных обитателей и побеждали ее, научившись в ней существовать.

Уверен, что концепт фронта продолжит раздвигать границы первоначальных смыслов и будет также применяться для описания ситуаций, в которых неизбежно окажутся представители рода людского по мере своего развития и выхода за пределы родной планеты.

Эдуард Лейбович Дубман: Считаю, что использование концепта фронта для изучения исторических процессов, протекавших в пограничных, окраинных регионах, является необходимым. У нас в России он позволяет существенно расширить возможности традиционно широко применяемой теории колонизации; понять, что же происходило с социумами, складывающимися на пограничных территориях. Наиболее адекватные из применяемых многочисленными историками так называемых «фронтпрных исследований» дают возможность для углубленного анализа совокупности явлений, происходящих при освоении пограничного пространства и, прежде всего, ментальности и исторической психологии самого пограничного общества. Методики фронта становятся в какой-то степени «универсальным» инструментариум для изучения пограничных социумов, формирующихся и действующих в различных природно-климатических и геополитических условиях.

При этом, как нам кажется, вряд ли можно говорить о применении целостной, обладающей всеми необходимыми системными атрибутами, теории фронта. Таковой, очевидно, не создано к настоящему времени. Историки (прежде всего российские), как правило, используют только набор подходов, позволяющих «объяснить» развитие

и поведение тех или иных социоэтнических групп в условиях пограничья и постоянных контактов с другими, как правило, противостоящими им сообществами.

Использование концепта фронтира как определенного исследовательского подхода позволяет понять и объяснить своеобразие и некоторые сходные черты у социумов, относящихся, прежде всего, к одной и той же эпохе и формирующихся в пограничных, контактных зонах крупных государственных образований. На начальном этапе складывания таких зон государство не имело возможности создать жесткую систему контроля и управления процессами, происходящими на их территории. Возникла своеобразная, постепенно складывающаяся система вовлечения таких регионов в систему государственного управления. Тем более что эти регионы колонизации нередко смыкались с пространством формирования сообществ с крайне слабой зависимостью от центра, практически автономных.

Например, такими были области российского и украинского вольного казачества. На всякую попытку метрополии усилить контроль за своими окраинами они нередко отвечали жестким сопротивлением. Спорадически усиливающаяся борьба центра и периферии порождала в эпоху позднего Средневековья и начального Нового времени череду восстаний, гражданских (ранее их называли крестьянскими) войн, которые могли создавать угрозу самому существованию складывающегося российского государству — «империи». Эти войны-восстания охватывали обширную территорию, в том числе и уже давно включенную в состав метрополии, а их акторы предлагали альтернативные варианты устройства государства и взаимодействия самодержавной власти с обществом. Такие процессы ряд зарубежных и российских исследователей называли борьбой центра и окраин (Х.-Г. Нольте¹, Н. Я. Эйдельман² и другие).

Амиран Тариелович Урушадзе: Полагаю, что в случае с фронтиром правильнее говорить не о концепции, а о концепте. Фронтир — это способ описания пространства, на котором встречаются и взаимодействуют представители различных культур и социальных традиций. Популярность концепта во многом связана с его теоретической эластичностью, которая иногда близка к метафорическим значениям. Это качество «фронтира» отмечал и автор понятия — Ф. Дж. Тернер. Знаменитый американский историк признавал, что введенный им в широкий научный оборот концепт не требует строгой точности в определении³.

Отсутствие общего конвенционального определения следует отнести и к слабым сторонам концепта. Его теоретическая «размытость» привела к появлению в современной российской историографии случаев концептуального и этимологического отождествления «фронтира» с «фронтом». Примеры подобной путаницы приведены в статье Д. В. Сеня. Этот историографический казус можно объяснить субъективными особенностями, но, очевидно, не менее значимой причиной является «теоретическая недостаточность» самого обсуждаемого концепта.

¹ Нольте Х.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 31–38.

² Эйдельман Н. Я. 17 сентября 1773 г. // Эйдельман Н. Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 188.

³ Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009. С. 15.

За более чем столетнюю историю существования «фронтир» так и не стал полноценной концепцией с собственным терминологическим аппаратом, условиями формирования, критериями «открытия» и «закрытия». В многочисленных исследованиях ученые всегда заново изобретали «фронтир», подчеркивая качества и особенности, наиболее актуальные для изучаемого пространства. Именно поэтому «фронтиром» называли и называют и границу, и регион, и процесс. В связи с этим необходимо отметить, что в некоторых классических работах «фронтир» являлся одновременно во всех трех ипостасях⁴.

Явные теоретические провалы в содержании концепта не стали непреодолимой преградой на пути его использования для описания различных «фронтирных ситуаций». Фронтир успешно применяется для обобщения многообразных контактов, взаимодействий, конфликтов и практик их преодоления в условиях отсутствия институционализированных государственных границ, а также пограничного статуса территории — места встречи участников социокультурного диалога. Фронтир позволяет увидеть амбивалентность идентичностей, механизмы формирования региональных образов, гибридность форм адаптации к природно-климатическим условиям и многое другое. В этом смысле концепт вполне убедителен в современной историографической ситуации и является актуальным инструментом анализа исторического процесса.

Является ли концепция фронта эффе́ктивной для изучения всех стран? Для изучения истории каких стран она является полезной, а в каких не работает?

М. Ходарковский: Как я заметил выше, в определенный момент истории все общества были фронтирными. Фронтир, как маргинальная зона, сам по себе предполагает наличие центра. Поэтому то, что может быть центром для одних, может считаться фронтиром для других. Например, в какой-то степени Киевская Русь возникла как фронтир, на обочинах различных центров: цивилизаций католической Европы, Византии и ислама. Так же как, скажем, Восточная Европа оставалась фронтиром Западной — не только во времена Карла Великого, но и намного позднее. Мне кажется, тот факт, что и Восточная Европа, и Россия оставались фронтиром до сравнительно недавнего времени, объясняет наличие особенностей развития этих регионов и контраст с Западной Европой.

В. И. Мильчев: Говоря о спорах по поводу поиска аналогий концепту фронта, которые ведутся в национальных историографиях, позволим себе прибегнуть к примеру современной Украины, как наиболее близкому нам. Так, заметным событием пятилетней давности стало появление монографии львовского ученого Игоря Чорновола, посвященное исследованию процесса становления и развития теории фронтиров в мировой (главным образом англоязычной. — *В. М.*) историографии, а также ее применению в отношении истории различных регионов мира (преимущественно в зонах европейской колонизации Нового времени). Определенное внимание было уделено и реценциям фронтирного концепта, выполненным на местном материале украинскими историками, за предшествующую четверть века⁵.

⁴ *Lattimore O. Studies in Frontier History. Collected Papers, 1928–1958. London, 1962.*

⁵ *Чорновола І. Компаративні фронтіри: Світовий і вітчизняний вимір. Київ, 2015.*

Незамедлительной реакцией научного сообщества стало появление нескольких рецензий на книгу. Наиболее основательно к написанию подошел Владислав Грибовский, скрупулезно прочитавший работу и давший ее развернутый анализ⁶. Любезным шагом последнего в отношении И. Чорновола стало ознакомление его с текстом рецензии еще до публикации, вследствие чего и отзыв рецензента и ответ автора были напечатаны одновременно в выпуске историко-культурологического альманаха с красноречивым названием «*Фронтири міста*» (Фронтиры города) (sic)⁷.

Поскольку и сама рецензия и ответ на нее выложены в сети и доступны всем интересующимся, позволим себе высказать несколько третейских замечаний о сути спора. С одной стороны, это «классический» спор о терминах, способных адекватно описать суть процессов и явлений, а с другой — дискуссия историографа-компаративиста и историка, специализирующегося на изучении кочевников-ногайцев и запорожских казаков XVIII в. Наиболее ценной мыслью, высказанной В. Грибовским, мы считаем утверждение о том, что автор не вполне преуспел в построении классификационных рядов терминов, выявленных им в трудах по теме, и «понятие “граница” можно и должно рассматривать как родовое понятие, поглощающее понятие “фронтир”, поскольку любой фронтир является границей, но не всякая граница бывает фронтиром». Сюда же добавляется и определенная порция высокопрофессиональных замечаний по поводу удачных (и не совсем) попыток автора монографии применить фронтирную теорию к реалиям Северного Причерноморья XVI–XVIII вв.⁸ В свою очередь И. Чорновол отмечает, что подвергся критике со стороны историка-эмпирика, который, будучи несомненным и признанным специалистом в своей области, все же не желает (или не может?) взглянуть на проблему более широко и непредвзято⁹.

Проаннотированная нами дискуссия (советуем прочесть полные тексты) служит своеобразным индикатором тенденций, присущих не только современной украинской, но и многим другим национальным историографиям, в том числе и российской. Убежденность в необходимости подыскания неких, хотя и весьма схожих понятийных аналогий «фронтиру» проистекает из того, что: 1) классическая «фронтирная» ситуация в колонизируемых европейцами обеих Америках, Африке, Австралии и Океании не вполне точно подходит для объяснения схожих, но далеко не тождественных процессов на просторах Евразии; 2) широкая эмпирическая база, накопленная за несколько столетий процессов исторического и параллельного освоения базы исторических источников позволяет относительно легко перенести

⁶ *Грибовський В. В. Межа межі. Нотатки на полях книги Ігоря Чорновола «Компаративні фронтири: світовий і вітчизняний вимір»* (К.: Критика, 2015. 376 с.) // *Фронтири міста: історико-культурологічний альманах*. Дніпро, 2016. Вип. 5. С. 189–212. URL: www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1954-vladyslav-hrybovskyyi-mezha-mezhi-notatky-na-poliakh-knyhy-ihoria-chornovola-komparatyvni-frontyry-svitoviy-i-vitchyzniani-yvymir-k-krytyka-2015-376-s (дата посещения — 23.01.2020).

⁷ *Чорновол І. Межі порубіжжя: Пограниччя проблем. (Відповідь Владиславі Грибовському) // Фронтири міста: історико-культурологічний альманах*. Дніпро, 2016. Вип. 5. С. 213–218. URL: www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1958-ihor-chornovol-mezhi-porubizhzhia-rohhanychchia-problem-vidpovid-vladyslavovi-hrybovskomu (дата посещения — 23.01.2020).

⁸ *Грибовський В. В. Межа межі. Нотатки на полях книги Ігоря Чорновола...* С. 206, 210–211.

⁹ *Чорновол І. Межі порубіжжя...* С. 217–218.

заокеанский опыт на родную почву — отсюда такие концептуальные конструкторы как «*Великий Кордон*» (Большая Граница), «барьерные зоны» и прочие; 3) опыт исторического бытия собственной нации (государства) воспринимается как уникальный и не имеющий мировых аналогов, а потому и заслуживающий концептуально отличающегося описания.

А. Т. Урушадзе: Как исследовательский инструмент, фронтир эффективен для изучения так называемых многосоставных государств, которые в процессе своего развития интегрировали в общее политико-правовое пространство территории с иноэтничным населением. Кроме того, фронтир может стать удачной объяснительной моделью для истории стран, которые формировались в пограничном пространстве. Ярким примером здесь является Украина, о чем содержательно и в сравнительном контексте написал И. Чорновол¹⁰.

В истории многих стран возможно найти определенные обстоятельства или условия, которые позволяют говорить о наличии фронта как места контакта различных социокультурных традиций. Известный французский историк, представитель третьего поколения школы «Анналов» Ж. Дюби в книге «*Время соборов*» привел многочисленные примеры существования, в рамках относительно единой в культурно-цивилизационном плане Западной Европы, областей культурных взаимодействий, заимствований и столкновений¹¹. В Юго-Восточной Азии сложился уникальный пограничный регион, известный благодаря работе выдающегося американского антрополога Дж. С. Скотта как Зомбия¹². Вероятно, этот опыт бегства от государства и его институтов можно описать, используя концепт «фронтир», но сам Дж. С. Скотт предпочитает понятия «периферия» и «пограничье» (borderlands).

Колонизация Южной Африки в XVIII–XIX вв. также зачастую описывается как фронтир («бурский фронтир») в тернеровском исходном смысле концепта — место контакта дикости и цивилизации¹³. О разнообразии российских случаев фронта дает представление анализ содержания тематического сетевого издания «*Журнал фронтирных исследований*»¹⁴, выпускаемого учеными Астраханского государственного университета. Отметим, что отсутствие упоминания об этом издании и работах главного редактора журнала С. Н. Якушенкова в статье Д. В. Сеня является труднообъяснимым умолчанием. Особенно это заметно на фоне интересных размышлений Д. В. Сеня о перспективах «общенациональной научной дискуссии», которую могли бы инициировать региональные научно-образовательные центры.

В истории каких стран фронтир не работает? Мне трудно ответить на этот вопрос, но очевидно, что и здесь примеры можно приводить довольно долго. Полагаю, что дело не в составлении своеобразной классификации «фронтирных» и «антифронтирных» стран. Использование или не использование обсуждаемого концепта должно

¹⁰ Чорновол І. Компаративні фронтіри: світовий і вітчизняний вимір. Київ, 2015.

¹¹ Дюби Ж. *Время соборов*. М., 2002. С. 38.

¹² Скотт Дж. С. Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М., 2017.

¹³ См., например: *Есаулова О. М.* Южноафриканский фронтир // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 9. 2008. Вып. 2. Ч. II. С. 29–32.

¹⁴ URL: <https://jfs.today/index.php/jfs> (дата посещения — 28.05.2019).

определяться и/или ограничиваться задачами, которые ставит исследователь. Если речь идет об анализе событий политической истории, то фронтир мало поможет. Но в случае комплексного изучения пограничных обществ, в том числе казачьих социумов, «фронтир», безусловно, способен стать эффективным исследовательским инструментом.

Почему предпринимаются попытки поиска теорий, альтернативных теории фронтира?

А. Т. Урушадзе: В историографии стало принято предлагать фронтиру несколько альтернатив. Прежде всего необходимо отметить концепт «контактной зоны», который упоминается в статье Д. В. Сеня, но без указания его научной генеалогии. Концепт предложил в конце 1960-х гг. выдающийся советский славист В. Д. Королюк в контексте проблемы генезиса феодальной социально-экономической формации. В качестве контактной зоны ученый выделял обширную территорию на стыке Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы. В. Д. Королюк отметил: «Основанием для выделения особой контактной зоны... послужил не только тот факт, что темпы социально-экономического, политического и культурного развития здесь были относительно гораздо более высокими, чем на главных славянских территориях Центральной и Восточной Европы, но и наличие практически на всем пространстве контактного региона античной подосновы»¹⁵.

Используя сформулированный концепт, В. Д. Королюк показал процесс славянизации территории Юго-Восточной Европы и деформацию античного континуитета «как в области социально-экономического развития, так и в области этнического развития и развития материальной культуры»¹⁶. Как видно, контактная зона заметно отличается от фронтира по смыслу и содержанию, но сближает их субъектность взаимодействия между цивилизацией (античным наследием) и условным варварством.

В дальнейшем концепт контактной зоны получил расширительное толкование, превратившись в ареал этнокультурного взаимодействия. Результатом этого синтеза выступали пограничные сообщества, которые формировались на основе нескольких этнических субстратов. Примером может быть терское казачество и его этнокультурное развитие, описанное в фундаментальной работе выдающегося отечественного этнографа Л. Б. Заседателевой «Терские казаки»¹⁷.

Полноценного теоретического развития концепт контактной зоны в том виде, в котором он был предложен В. Д. Королюком, не получил. Скорее можно констатировать некоторое упрощение его аналитического содержания и прогрессирующую метафоризацию. При этом в историографии предпринимались попытки теоретического развития концепта «контактная зона». Известный российский медиевист Е. А. Мельникова предложила различать «зоны контактов» и «контактные зоны». Первоначально формируется «зона контактов», которая при условии интенсивного взаимодействия

¹⁵ Королюк В. Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. Политическая и этническая история. М., 1985. С. 48.

¹⁶ Там же. С. 52.

¹⁷ Заседателева Л. Б. Терские казаки: (Середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М., 1974.

различных этнокультурных общностей перерастает в «контактную зону»¹⁸. Концепт контактной зоны в современной историографической практике не имеет объективных преимуществ перед фронтиром. Его привлекательность заключается в отечественном происхождении и лексической прозрачности.

Еще одним понятием, которое выступает конкурентом фронтира, является термин древнеримского происхождения — лимес (*lat. Limes* — предел, граница). Лимес представлял собой укрепленную фортификационную линию, преграждавшую проникновение варварских орд на территорию римских провинций. Применительно к истории завоевания Кавказа Российской империей лимес представляется удачным аналитическим обозначением Кавказской линии — цепи фортов, редутов и казачьих станиц, опоясывавших весь Северный Кавказ в XIX столетии. Больших работ с использованием понятия «лимес» в изучении эпохи Кавказской войны пока не появилось, но в ходе обмена мнениями на научных мероприятиях эта альтернатива фронтиру почти регулярно упоминается.

Основной причиной использования альтернативных фронтиру концептов выступает уже отмеченная «теоретическая недостаточность» обсуждаемого понятия. Возможно, еще одним немаловажным обстоятельством является широкая популярность фронтира и фронтирной тематики, что воспринимается историками как признак «избитости» концепта. В этом отношении примечательно суждение Э. А. Шедужен: «Настойчивые поиски северокавказского фронтира все более свидетельствуют об ограниченности применения этой идеи к конкретным условиям региона»¹⁹.

Насколько перспективны компаративные исследования фронтира, в которыхравнивается история фронтира разных стран?

В. И. Мильчев: Вне всякого сомнения, компаративные исследования по истории фронтирных территорий не только перспективны, но и вполне возможны. В качестве примера можем указать на успешный опыт совместного австро-венгерско-хорватского исследовательского проекта, который стартовал в 1996–1997 гг. под руководством профессоров Карла Казера (Грац, Австрия) и Драго Роксандича (Загреб, Хорватия) и реализовывался более десяти лет. Объектом изучения исследовательского коллектива стала зона схождения границ Австрийской, Османской империй и Венецианской республики на восточном побережье Адриатики в XVI–XIX вв. — *Triplex Confinium*. В частности, были исследованы трансформации социальных структур пограничных сообществ региона — граничар, ускоков и морлаков²⁰, процессы формирования образа

---

¹⁸ Мельникова Е. А. К типологии контактных зон и зон контактов: Скандинавы в Западной и Восточной Европе // Восточная Европа в древности и Средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны: Материалы к конференции XI Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Папуто, Москва, 14–16 апреля 1999 года / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 1999. С. 19–27.

¹⁹ Шедужен Э. Ю. Путь в историю: в поисках методологии исследования. Майкоп, 2007. С. 171.

²⁰ Kaser K. Slobodan seljak i vojnik (1545–1881). Vol. I–II. Zagreb, 1997; Constructing Border Societies on the *Triplex Confinium* / Ed. by D. Rokсандić, N. Štefanec. Budapest, 2000.

«другого»²¹, специфика существования этносоциумов в регионе перманентного конфликта²².

В контексте исследованной фронтальной проблематики весьма интересными выглядят компаративные исследования венгерского участника проекта А. Рибера, вычленившего еще несколько «три-граничных» фронтиров в истории Евразии раннего Нового времени. Кроме исследуемого им и командой габсбургско-османско-венецианского *triplex*²³, такими были указаны: 1) габсбургско-венгерско-османский (Трансильвания); 2) польско-российско-османский (Северное Причерноморье); 3) российско-османско-иранский (Кавказ); 4) российско-монгольско-китайский (Центральная Азия)²³. Как видим, три из них имеют непосредственное отношение к фронтальной истории российских регионов. Исследование их истории, к тому же выполненное с усложняющимися задачами переменными «трех границ» и сравнительным анализом имеющихся наработок ученых других стран (ЕС, Украина), значительно расширило бы представление об алгоритмах возникновения, функционирования и затухания подобных зон в исторической ретроспективе.

А. Т. Урушадзе: Метод сравнения в исторической науке, как известно, не имеет смысла без постановки научной проблемы, которую такое сравнение (компаративное исследование) призвано решить. Поэтому простое параллельное сравнение истории различных фронтиров не приведет к качественно новым научным результатам. В этом отношении, безусловно, первична постановка исследовательской проблемы.

Перспективными видятся компаративные исследования, нацеленные на определение признаков «открытия» и «закрытия» фронтиров, выявление закономерностей появления гибридных («дрейфующих») идентичностей и стратегий присвоения/удержания территорий в пространстве фронта. Номотетическая повестка явно более актуальна по сравнению с выделением индивидуальных фронтальных характеристик. Тем более что идеографический подход в компаративном изучении фронтиров уже был отчасти реализован, в том числе в российской историографии²⁴.

Возможно ли применение концепции фронта к истории России?

А. Т. Урушадзе: Возможность применения концепта фронт к анализу российской истории убедительно доказана историографической практикой. Фронт результативно применяли и применяют для исследования расширения границ Российского государства и колониционных процессов как в масштабе национальной истории²⁵, так и для анализа прошлого отдельных регионов²⁶. Активнее всего фронт используют на

²¹ Tolerance and Intolerance on the *Triplex Confinium*. Approaching the «Other» on the Borderlands Eastern Adriatic and beyond, 1500–1800 / Ed. by E. Ivetić, D. Roksandić. Padova, 2007.

²² Roksandić D. *Triplex Confinium* ili o granicama i regijama hrvatske povijesti. 1500–1800. Zagreb, 2003.

²³ Rieber A. J. *Triplex Confinium in comparative context // Constructing Border Societies on the Triplex Confinium* / Ed. by D. Roksandić, N. Štefanec. Budapest, 2000. P. 13–28.

²⁴ См., например: Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005.

²⁵ Кателер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47–64.

²⁶ Ссылки на многие работы приведены в статье Д. В. Сеня.

материале Северного Кавказа, Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока, Поволжья и степной зоны. Развитие региональных исследований привело к появлению новых измерений специфики фронта. В 2010–2013 гг. И. В. Побережниковым была предложена концепция фронтальной модернизации, которая объясняет особенности и противоречия российской модернизации имперского периода «в условиях продолжавшегося расширения страны, присоединения новых земель и их освоения»²⁷. Отметим, что теоретическая новация была положительно встречена профессиональным сообществом, приступившим к рефлексии понятия²⁸.

М. Ходарковский: Фронт. на мой взгляд, слово несколько неуклюжее в русском языке. Я бы наверное предпочел слово «пограничье», хотя это скорее соответствует английскому (*borderland*). Вот английский, например, четко различает *borders* (границы), *borderland* (пограничье) и *frontier* (фронт, открытые границы). С XV до XVII в. пограничье в московских документах называлось «украина», «украинные земли». Где-то с середины XVII в., по мере возрастания амбиций Московских государей, акцент перемещается с географического на этнический, то есть с «украинных» земель на фиксирование подданства различных народов.

Как Московское государство, так и Российская империя были классическими фронтальными образованиями в своих восточных и южных пределах. В Кремле и в Петербурге огромные пространства Азии представлялись большей частью как пустые земли, или незаселенные, или населенные примитивными кочевыми, полукочевыми и в целом несuverенными племенными образованиями. По мере продвижения на восток, юго-восток и юг Россия оставалась фронтальным государством до столкновения с границами или пограничными претензиями подобных себе имперских образований (в частности, Османской, Персидской и Китайской империй).

Мне кажется невозможным понимание истории России без осознания того, что Московское государство основывалось как фронтальное, в то время как фронты уже давно перестали существовать в Западной Европе (сравните законченные к XII в. нашествия викингов, мажаров и мусульманского халифата Омейядов, а к XVI в. — внутренние европейские средневековые распри). Российская империя продолжала оставаться фронтальным государством практически до конца XIX в.

Рассмотрение истории России через историю фронта в ее восточных пределах создает важную исследовательскую перспективу. Поскольку больше всего письменных источников сохранилось от раннего Нового времени, поэтому, наверное, лучше всего сравнивать разные общества, начиная с этой эпохи. В XVI и XVII вв. колониальные империи — Испания и Португалия в Южной Америке, Англия и Франция в Северной Америке, Голландия в Южной Африке — были заняты своими новыми фронтами. Несомненно, это были несколько иные фронты, которые не представляли

²⁷ *Побережников И. В.* Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4. С. 73.

²⁸ *Почекаев Р. Ю.* Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтальной модернизации // Право: журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 174–190; *Тимошенко А. И.* Индустриальное строительство в Сибири во второй половине XX столетия как вариант фронтальной модернизации // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2012. С. 141–148.

непосредственной опасности центрам заморских империй, в отличие от Российского опыта.

Если не вдаваться в подробности, то, наверное, лучшее сравнение или, точнее, контраст с Российским опытом фронта представляет пример Великобритании и США в Северной Америке. Несмотря на поверхностную аналогию, продвижение США на Запад происходило относительно поздно, где преобладание современного огнестрельного оружия было неоспоримо. Кроме того, в общем и целом общества, с которыми столкнулась Великобритания, были на значительно более низком уровне развития, чем различные мусульманские, буддийские или языческие социумы, обитающие в степях и горах Азии.

Замечу, что известный тезис Тернера по ряду причин больше подходит к истории фронта России, нежели США — в том смысле, что фронтир оказывал огромное влияние на центр. Уже давно показано, что истоки американской демократии исходили из центра и не были влиянием фронта, как утверждал Тернер (конечно, любовь американцев к оружию и связанная с этим мифология индивидуальной свободы есть результат опыта фронта и в этом качестве влияла и влияет на политику, и чем-то похожа на историю и образы казачества до 1917 г.). Например, следуя британской правовой традиции, Вашингтон продолжал заключать мирные договоры с индейцами так, как будто это были две равные стороны. Конечно, по сути, как и в России, часто применялся обман, подкуп, неправильные переводы текста, но, тем не менее, в отличие от России, чисто с юридической точки зрения, это были мирные договоры между двумя равными сторонами до 1871 г.

В России, же несмотря на традицию самодержавия, заимствованную из Византии, влияние фронта было значительно выше. Сама Москва в большой степени была наследницей Золотой Орды и считала себя таковой. В отличие от западных рубежей России, на юге и востоке применялась совершенно иная терминология и политика по отношению к местному населению. В некоторых местах — как Северный Кавказ, например — это продолжалось вплоть до конца XIX в. На фронтире России народы, с которыми сталкивалась Москва, а затем Петербург, должны были немедленно признавать себе подданными царя (давать шерсть), представлять собой заложников (аманаты), выплачивать ясак, как в Сибири, либо поставлять военные отряды для войн против врагов России. Россия здесь следовала традициям и терминологии Золотой Орды и ее Чингисидских наследников.

Фронтир в России существовал намного дольше, чем в других империях, и играл куда более значительную роль. Сначала это был фронтир, который представлял огромную опасность для самого государства. Постоянные набеги и крупные военные походы из степей было тяжело предотвратить. Попытки Москвы называть дань и различные выкупы жалованьем и подарками не могли скрыть того, что фронтирное общество означало огромные финансовые затраты — как на дань, так и на создание засечных черт и укрепленных линий.

С другой стороны, начиная с XVIII в. фронтир постепенно превращался из защитного в наступательный. Отсутствие четких границ и подавляющее превосходство российского оружия являлось постоянным приглашением к экспансии. С этой точки зрения, пожалуй, самой ближайшей аналогией российского опыта является Китай с его оборонительными стенами, а затем — экспансии в Джунгарии в XVIII в.

Несомненно, что Российское государство было классическим фронтиром в его восточных и южных рубежах. Здесь, в азиатских частях будущей Российской империи, политика по отношению к местному, не христианскому населению и обширным ново-завоеванным землям мало отличалась от политики и методов западных колониальных держав. Несмотря на изначально разные цели (западные империи больше стремились извлечь из колоний прибыль, а Российская империя в первую очередь добивалась лояльности покоренных народов и утверждала престиж царского престола), и те другие империи рассматривали пространства, где обитали кочевые племена, как пустынные. Поэтому эти земли должны были быть заселены новоприсельцами, местное население цивилизовано и частично обращено в христианство, их законы со временем заменены общемперскими, их элиты ассимилированы, а их образ жизни изменен на образ жизни завоевателей. Приблизительно то же относилось к фронтиру в предгорьях и горах Северного Кавказа.

Следует подчеркнуть, что Россия использовала методы колониального управления раньше, чем большинство западных империй, которые вначале полагались на частные компании в управлении своими колониями, и только значительно позже, в XIX в., перешли на государственное управление. Мне кажется особенно важным понимание того, что на своих восточных и южных рубежах, начиная с середины XVI в., Московское государство и в дальнейшем Российская империя создавались как колониальные. Но, в отличие от европейских империй, Россия с самого начала представляла собой форму государственного колониализма. Это многое объясняет как в механизмах создания Российской империи, так и в причинах ее распада.

В известном смысле СССР был продолжением старой колониальной империи, и поэтому его развал был непредотвратим. Так же как и сегодняшняя Российская Федерация, которая, на мой взгляд, является федерацией только на бумаге, находится под угрозой тех же центробежных сил, корни которых уходят в колониальное прошлое империи. То, что большинство российских историков как и в империи XIX в., так и в советские послевоенные годы, так и в современной России отказываются применять понятие колониальности к российскому историческому прошлому, вряд ли способствует пониманию природы Российского государства и истории нехристианских народов России.

В. И. Мильчев: Фронтирная концепция, как никакая другая, подходит для трактовки событий, не только отстоящих от нас на 150–300 лет, но также и для изучения случаев повторения «фронтирных» обстоятельств не только в отдельных регионах России, но, более широко, и Украины в Новейшее время (1990-е; 2010-е гг.). Ослабление или полный вакуум государственного контроля в условиях столкновения конкурирующих идеологий или политических проектов, нередко, к тому же, осложненный фактором военных конфликтов, не только вызывает к жизни реанимацию архаичных форм самоорганизации населения в виде возрожденных (или сконструированных «с нуля») казачьих войск и прочих парамилитарных групп, выполняющих вполне реальные, а не опереточные роли, но и привносит во все стороны жизни населения позабытую давным-давно атмосферу пограничья. Изучение подобных ситуаций с позиций не только собственно истории, но и конфликтологии, политологии, этнологии и пр., несомненно, должно включать в себя и учитывать опыт «фронтирных штудий».

Э. Л. Дубман: Могу предположить, что в период интенсивной колонизации конца XVI – начала XVIII в. сложился ряд таких социальных образований, в работе с которыми вполне эффективными являются указанные выше подходы. С помощью концепта фронтира целесообразно изучать служилых людей гарнизонов засечных линий, обеспечивающих процесс колонизации новых, практически не имевших оседлых жителей территорий и защищающих пограничные рубежи. Вместе с тем, они, наряду с русским крестьянством и ясачными людьми Среднего Поволжья, являлись основными участниками массового хозяйственного освоения новых территорий. Все эти разнообразные группы переселенцев оказались включенными в процесс своеобразного «обретения родины», именно они явились основой для складывания нового поликонфессионального и этнокультурного сообщества. Следует согласиться с мнением ряда российских и зарубежных исследователей (Б. Э. Нольде, А. Каппелер, С. А. Воропанов и другие)²⁹, считающих, что статус таких «окраин», осваиваемых разнородным населением, почти не отличался от статуса центральных территорий, населенных «великороссами».

Данные «окраины» развивались под постоянным управлением и контролем как местной, так и центральной администрации, и говорить о наличии здесь каких-либо зачатков казачьей волиницы вряд ли возможно. Вместе с тем определенная часть этого вновь складывающегося населения пограничья имела тесные контакты с казачьей волиницей и готова была поддержать его выступления, как это произошло во время Разинщины. Тогда на сторону разинцев наряду с тяглым населением перешло подавляющее большинство служилых людей по прибору: русских, чувашей, мордвы и татар. Характерно, что такое массовое вооруженное выступление достигло своего апогея, когда на территории региона уже отсутствовали силы, приведшие к началу массового повстанческого движения.

Еще один вариант, практически не рассматривавшийся историками как фронтирный, — формирование на Средней (ниже устья Камы) и Нижней Волге в период навигации и промыслового сезона огромного количества рыбных и соляных промысловиков, рабочих людей на промыслах и судовом ходу, ярыг и прочих. Ежегодно, начиная с весны, здесь собиралась тысяча людей, кормившихся работой. Многие из них могли в этом отношении характерны описания волжыстро трансформироваться в вагаты вольного казачества, соседей и подсоседей в волжских городах на зимний период. Служилых людей по прибору. К тому же определенную часть среди них составляли представители вольного казачества. В кой волиницы и ее поведения в записках английских путешественников второй половины XVI в., дневника А. Олеария и других иностранных путешественников. Даже несмотря на расположенные по берегам Волги города-крепости, случаи нападений казачьих отрядов были обыденным явлением.

Юрий Александрович Мизис: Фронтир в России пережил несколько периодов своего существования. Первый этап связан с освоением новых территорий, переселенческим движением, формируемым правительственной политикой, или вольной колонизацией,

²⁹ Нольде Б. Э. История формирования Российской империи. СПб., 2013. С. 180–181; Каппелер А. 1) Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 28–29; 2) Южный и восточный фронтир России... С. 57–58; Воропанов В. А. Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI – первой половине XVII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири). М., 2017. С. 52–54; и др.

подхваченной государственными органами. Как правило, в Русском государстве этот процесс сопровождался созданием укрепленных линий или цепи городов-крепостей (сначала засечная черта, затем черта и потом — линия). Затем на протяжении определенного периода шел процесс образования особой пограничной зоны с постоянным динамичным перемещением границ (подвижной границы) без четко очерченных и зафиксированных официально границ, как это происходило на юге и юго-востоке России. Во время продвижения государственных границ фронтир перемещался на новые территории, а старая зона фронта как-то время имела особый переходный статус. Например, появилась обязанность выделять на южную границу своих служилых людей, частично следить за состоянием старых укреплений, сюда началось проникновение дворянского землевладения, появились крепостные крестьяне, возникали крупные посадские общины.

При изучении территории фронта важно значение имеет выявление основных маркеров превращения фронтальной территории в традиционную территорию страны и конкретное исследование этих процессов. Выводить только из теории русского фронта особенности формирования Русского государства, образования империи — значит сужать пространство исследований, как и при попытке вывести всю историю страны из колониальных процессов.

Дмитрий Владимирович Сень: Выражаю благодарность редакции авторитетного в научном мире издания «*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*» за прекрасную возможность высказаться на тему, звучание и содержание которой по-прежнему интересуют и заботит многих исследователей. Среди ученых, принявших участие в дискуссии, — известные специалисты из России, США и Украины. Сделаю оговорку: мои наблюдения о состоянии фронтальных исследований в России, в том числе об определенной «усталости» от использования соответствующего концепта даже среди его сторонников, изложены в открывающей дискуссию статье.

Концепт фронта все заметнее перестает служить символическим основанием, разделяющим (ранжирующим) исследователей по принципу «правильного / неправильного» отношения, например, к истории территориального расширения Российского государства. Конечно, подобное (маргинальное сегодня!) клиширование — «родимое пятно» российской историографии Новейшего времени, но дело также в другом. Изживание политизированного отношения к концепту фронта именно в России, как это ни парадоксально, добавляет оптимизма к перспективам его дальнейшего использования — в пространстве, однако, не только российского конкретно-исторического материала.

Историографическая ситуация характеризуется тем, что современные российские ученые уходят от концепции Ф. Тернера о фронтире как о двигателе прогресса³⁰ и представлений о нем, как о перманентном пространстве конфликтов. Тернеровское понимание уже не является доминирующим в исследовательском пространстве ни фронтального дискурса, ни *borderlands history*. Сегодня наблюдается, скорее, трансляция общемировых тенденций по изучению фронтиров как «зоны коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с различной спецификой»³¹.

³⁰ *Баррет Т. М.* Линии неопределенности: Северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 167–168.

³¹ *Каттелер А.* Южный и восточный фронтир России... С. 49.

Нельзя согласиться с мнением о том, что формированию пограничного контактного пространства должен предшествовать некий «фронт»³², после чего якобы и наступает время «взаимопользового» фронтира. Я по-прежнему полагаю неочевидной «политическую заряженность фронтирной концепции». Сегодня неактуальна тревога авторов, высказанная в недавнем прошлом, представивших версию *опасностей*, якобы кроющихся в теории фронтира³³. Сами по себе исследовательские «болевы точки» российской истории не могут служить достаточным основанием для проверки валидности указанного понятия и всей фронтирной теории. Соответствующая реакция значительной части противников данной теории, конечно, показательна, но в другом смысле. На мой взгляд, она демонстрирует архаичное и нетерпимое отношение к «чужой» по происхождению теории, системно «взорвавшей» в России пространство изучения и региональной истории, и, что более существенно, имперской тематики. Добавлю, что многие критики фронтирной теории вполне дояльны к концепту «прогрессивной роли» России в истории ее взаимодействия с народами присоединенных территорий.

Самого пристального внимания заслуживает фраза М. Ходарковского о том, что отказ многих российских историков «применять понятие колониальности к российскому историческому прошлому» не способствует пониманию природы Российского государства и истории нехристианских народов России. К слову, обращу внимание на причудливую трансформацию культурно-исторической среды, некогда породившей концепт «фронтир», а сегодня уверенно его использующей. В первом случае, безусловно, речь идет о колониализме в науке и его разновидностях³⁴, а также об ориентализме, во втором — о приоритете и направленности постколониальных исследований, деконструирующих всевозможные имперские нарративы. Представляется, что оценены далеко не все возможности концепта фронтира по деколонизации исторического знания, например, в соединении с методикой «новой имперской истории».

Критика теории фронтира сегодня опирается на различные основания и концепции. Известный кавказовед Ю. Д. Анчабадзе убежден в ущербности понятия «фронтир» и полагает, что оно «не задержится и не закрепится в нашей исследовательской литературе»³⁵. Возможно, такая оценка вызвана критическим отношением к конкретным трудам, авторы которых настаивают на трактовке кавказского фронтира как *промежуточного* пространства для России, на конфронтации передового социума и «сонного царства» местных «племен»³⁶. Предпринимаются попытки определения *типичных и объективных* признаков фронтира «с опорой на материалы фронтирных нарративов»³⁷. Уязвим подход, согласно которому все якобы настолько очевидно, что нет «особых оснований

³² Матвеев О. В. От фронта к фронтиру: Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. С. 5 и др.

³³ Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 56.

³⁴ Грибовский В. В. Межа меж. Нотатки на полях книги Игоря Чорновола... С. 199–200 и др.

³⁵ Анчабадзе Ю. Д. Рецензия на: Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2014. 628 с. // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 181–182.

³⁶ Там же. С. 181.

³⁷ Басалаева И. П. Критерии фронтира: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 47, 49.

для конструирования концепции «фронтيرا»³⁸. Напрасно при этом утверждается, что участники такого пространства («дикого поля») не различались в российском политическом сознании до эпохи Просвещения, позволяя Москве вступать в союзы с разными жителями Степи, якобы «никуда не «продвигаясь» и никаких географических пустот не «колонизуя»». В этих случаях резко сужается охват исследовательской оптикой процессов и участников местной пограничной жизни, оцениваемых именно Москвой как несущественных (то есть «несуществующих»!), неконтролируемых и ненужных. Столь прямолинейный подход определенно препятствует изучению «неустойчивого равновесия» в пространстве пограничной жизни — с ее «неофициальностью» и мозаичностью местных социальных и культурных процессов, с энтропией официальных властных отношений и ресурсов, извне направленных на достижение лояльности со стороны населения, принуждения и контроля над ним. Контролепродуктивным мне кажется аналогичный подход, согласно которому изучение фронтиров напрямую связано с государством как якобы *ab ovo* фронтиров.

Между тем концепт фронтира способствует *концептуализации* и *контекстуализации* новых региональных исторических исследований, необходимых для понимания процессов, вышедших за пределы государственных или национальных границ, например, при описании истории, языков самопрезентации и самовыражения со стороны пограничных сообществ. Он позволяет находить все новые точки для успешного применения в горизонтальном измерении фронтирной жизни, а не вертикали однонаправленного «метропольного» импульса. Это особый взгляд на историю пограничных сообществ казаков, номадов, а также подобных им социумов, активно создававших на пограничье новые идентичности и новые социальные статусы. В этом ключе рассуждают А. Т. Урушадзе, Э. Л. Дубман, И. П. Басалаева. В том-то и дело, что одна из сильных сторон концепта фронтира состоит в том, что он более чувствителен к обнаружению *Другого*, и предлагает «достаточно гибкий инструментарий для конкретизации антропологических вариаций макростории». Операциональные возможности концепта фронтира исключительно велики — с его помощью успешно описываются случаи и явления, не «попадающие» в пространство многих других концептов и методик, инструментарий которых маргинализуют (объявляя, по сути, неисторичным) многочисленные культурные процессы на территории обширных переходных зон.

Согласимся с А. Т. Урушадзе в том, что единой концепции фронтира не существует. Но значит ли это, что его сторонники, должны сосредоточиться только на трактовке самого понятия? Конечно, нет — что, в общем-то, и демонстрируют фронтирные исследования сегодняшнего дня, зримое воплощение которых, в том числе, — специализированная научная периодика³⁹. Перед нами пространство концептуализации понятия «фронтир», а значит — уверенное продвижение интернационального сообщества ученых по пути оформления концепции. Предстоит новый этап обсуждения терминологии («фронтирная модернизация», «область фронтира»), предложенной именно российскими учеными. К слову, не может не радовать типологически сходная

---

³⁸ Ерусалимский К. Ю. Образы российского ориентализма (Обзор). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21989/ (дата посещения — 28.04.2020).

³⁹ Фронтири міста: Історико-культурологічний альманах / Ред. В. В. Грибовський. Дніпропетровськ-Дніпро, 2012. Вип. 1–5.

ситуация в российской и украинской историографиях — в том числе характеризующаяся поиском адекватных эквивалентов понятию «фронтир» в славянских языках. Искренне надеюсь, что результаты новейшей академической дискуссии, состоявшейся, к примеру, между В. Грибовским и И. Черноволом, будут полезны и российским ученым. Тут же отмечу, что украинские историки более внимательно отнеслись к истории российских фронтиров⁴⁰, чем российские специалисты к фронтальной истории украинских земель.

Соглашусь с мнением большинства дискуссантов о том, что сложно специально искать территории и исследовательские ситуации, в которых, по отношению к другим, аналогичным, концепт фронта будет работать лучше или хуже. Вместе с тем перед нами — только одно из направлений современной междисциплинарной практики по изучению границ и пограниччй. Альтернативы — историческая и политическая лимнология, теория «контактных зон». Мои возражения по-прежнему направлены против отождествления якобы *альтернативных* (тождественных) исследовательских концептов — фронта и колонизации, когда на основании небезупречного отождествления американского фронта и русской колонизации делается глубоко ошибочный вывод о том, что «по сути, современная теория «фронтира» выступает *альтернативой* теории «колонизации»»⁴¹.

Говоря о перспективах и проблемах использования концепта фронта, участники дискуссии разошлись во мнении о потенциале использования историко-сравнительного метода. Это особенно любопытно, если вспомнить об уже накопленной в науке солидной базе вполне корректных сравнений разных фронтиров и фронтальных сообществ. Безусловно, не стоит напрямую сравнивать американский фронтир и фронтальные территории России. Более продуктивно сравнить фронтиры, *одновременно* существовавшие в межимперском пространстве, например (но не только), России и Османской империи; выявить общее и особенное в освоении сравнимых (например, парамилитарных) пограничных сообществ тех или иных территорий; типологизировать формы сопротивления и конформизма населения фронтальных территорий к внешним вызовам; наконец, уяснить не только *сходство*, но и *отличия*, присущие людям и явлениям во фронтальном пространстве. В том же ключе можно рассмотреть выделенные А. Т. Урушадзе направления *аналогичных* компаративных исследований, «нацеленных на определение признаков «открытия» и «закрытия» фронтиров, выявление закономерностей появления гибридных («дрейфующих») идентичностей и стратегий присвоения / удержания территорий в пространстве фронта».

Отрадно, что почти все дискуссанты (здесь не могло и речи идти о заранее согласованной позиции) выступили за признание адекватности подхода по изучению прошлого России через историю фронта (особенно в ее восточных пределах), что создает важную исследовательскую перспективу. Исключительно важной является мысль о том, что фронтальные территории оказывали на русский / российский центр куда большее

⁴⁰ Чернолов И. Фронтири Росії // Критика. 2007. № 10. С. 17–21.

⁴¹ Голованова С. А., Шнайдер В. Г. Концепция «фронтира» в современной кавказоведческой литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. Вып. 3. С. 66–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-frontira-v-sovremennoy-kavkazovedcheskoy-literature> (дата посещения — 28.04.2020).

и заметное влияние, чем это принято считать в исторической науке. Не вполне соглашаясь с Э. Л. Дубманом о статусе ряда «окран» (пример Поволжья), замечу, что в «русском порубежье» происходили процессы коммуникации с другими пограничными сообществами, рождения новых сошумов и идентичностей (в том числе «других русских / православных»), возникавших (порой впервые в истории!) именно под влиянием местных условий, а не в продолжение «московской вертикали» расширения границ и представлений о Другом.

Благодарю всех коллег за интерес, проявленный к теме дискуссии, и надеюсь на дальнейшее совместное обсуждение фронтальной тематики.

Информация о статье

Дискуссия подготовлена при поддержке программы развития научных журналов в рамках государственного контракта № 14.597.11.0035, заключенного между Минобрнауки РФ и НИ «НЭПКОИ».

Авторы: Басалаева, Прина Петровна — кандидат философских наук, доцент, Кемеровский государственный университет, Новокузнецкий филиал (институт), Новокузнецк, Россия, e-mail: isapan@yandex.ru, OrcID 0000-0001-5136-5630, Researcher ID U-8369-2017, SPIN-код 7067-4020;

Дубман, Эдуард Лейбович — доктор исторических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, Самара, Россия, e-mail: dubmane@mail.ru, OrcID 0000-0002-3282-2661, Researcher ID B-5869-2017, SPIN-код 1895-5876;

Мизис, Юрий Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей и российской истории, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия, e-mail: ymizis49@yandex.ru, OrcID 0000-0002-4065-0767;

Милчев, Владимир Иванович — доктор исторических наук, профессор, Запорожский национальный университет, Запорожье, Украина, e-mail: vladmilchev@ukr.net, OrcID 0000-0003-4432-3322;

Сень, Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: dsen1974@mail.ru, OrcID 0000-0002-5222-4685, Scopus ID 57211031437, SPIN-код 7410-0391;

Урушадзе, Амирхан Тарелович — кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: aturushadze@sfned.ru, OrcID 0000-0003-4624-007X, Scopus ID 55481074000, SPIN-код 4344-9429;

Ходарковский, Майкл — профессор истории, Университет Лойола в Чикаго, Чикаго, Соединенные Штаты Америки, e-mail: mkhodar@luc.edu, Scopus ID 15026504700.

Заголовок: Как сегодня изучать границы? Дискуссия по статье Д. В. Сеня

Резюме: Поводом к дискуссии послужила статья Д. В. Сеня о современном состоянии фронтальных исследований в России, публикуемая в текущем номере журнала. Участниками дискуссии выступили ученые из России, США и Украины, занимающиеся историей пограничных территорий и пограничных сообществ. Они сосредоточились на нескольких ключевых вопросах: перспективны ли сравнительные исследования фронтальных территорий, сравнение концепта фронта с исследовательскими возможностями других концептов и теорий; классификация фронтов, включая фронтальные территории России. Кроме того, авторы обсудили практики ненаучного «присписывания» концепту фронта признаков, препятствующих развитию диалога именно среди российских ученых. Некоторые ученые считают фронтальную модель «политически небезопасной». Нет оснований считать концепт фронта малопродуктивным на том основании, что прямые аналогии, скажем, между американским фронтом и иными фронтами, скорее всего, несостоятельны. На широком эмпирическом материале рассмотрены различные точки зрения о валидности фронтальной теории по отношению к разным случаям, в том числе об «эластичности» и «всеобъяснительности» при помощи концепта фронта соответствующих кейсов из истории разных государств, территорий, культур. Уделено внимание и ответу на вопрос о том, может ли теория фронта оказать в начале XXI в. принципиальное влияние на изучение истории российских регионов и на тематику исследований, реализуемых региональными научными сообществами. Представлены новые аргументы, объясняющие, почему в различных национальных историографиях не прекращаются споры о поиске аналогий или даже о ревизии теории фронта. Участники дискуссии в целом согласились с мнением о том,

что концепция фронтира может быть признана неисключительной, но убедительной объяснительной моделью при обращении именно к российскому историческому опыту освоения соответствующих явлений и территорий, главным образом, XVI–XIX вв. Определены проблемы и перспективы дальнейшего использования концепта. Высказано мнение о необходимости выявления основных признаков (маркеров) превращения фронтирной территории в так называемую традиционную территорию страны и конкретно-исторического исследования подобных процессов.

Ключевые слова: историография, колонизация, метанарратив, пограничье, теория фронтира, фронтиры, границы, порубежье, фронтирные исследования

Литература, использованная в статье:

- Агеев, Александр Дмитриевич.* Сибирь и американский Запад: Движение фронтиров. Москва: Аспект-Пресс, 2005. 334 с.
- Анчабадзе, Юрий Дмитриевич.* Рецензия на: Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов-на-Дону: Пзд-во Южного федерального университета, 2014. 628 с. // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 180–183.
- Баррет, Томас М.* Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Антология / Сост. Дэвид-Фокс, Майкл. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 163–193.
- Басалаева, Ирина Петровна.* Критерии фронтира: К постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.
- Воропанов, Виталий Александрович.* Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI – первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири). Москва: Проспект, 2017. 192 с.
- Голованова, Светлана Александровна; Шнайдер, Владимир Геннадьевич.* Концепция «фронтира» в современной кавказоведческой литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: Философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. Вып. 3. С. 66–74.
- Грибовский, Владислав Володимирович.* Межа межі. Нотатки на полях книги Ігоря Чорновола «Компаративні фронтери: світовий і вітчизняний вимір» (Киев: Критика, 2015. 376 с.) // Фронтери міста: Історико-культурологічний альманах / Ред. Грибовський, Владислав Володимирович. Дніпро: Герда, 2016. Вип. 5. С. 189–212.
- Дюби, Жорж.* Время соборов. Москва: Ладомир, 2002. 378 с.
- Ерусалимский, Константин Юрьевич.* Образы российского ориентализма (Обзор). URL: https://www.pbooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21989/ (дата посещения — 28.04.2020).
- Есаулова, Ольга Михайловна.* Южноафриканский фронтир // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2008. Вып. 2. Ч. II. С. 29–32.
- Заседателева, Лидия Борисовна.* Терские казаки: (Середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. Москва: МГУ, 1974. 423 с.
- Каттелер, Андреас.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. Москва: «Традиция» — «Прогресс-Традиция», 2000. 342 с.
- Каттелер, Андреас.* Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 47–64.
- Королюк, Владимир Дорощевич.* Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья: Пошлинская и этническая история. Москва: Наука, 1985. 240 с.
- Матвеев, Олег Владимирович.* От фронта к фронтиру: Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдвиз, 2015. 272 с.
- Мельникова, Елена Александровна.* К типологии контактных зон и зон контактов: Скандинавы в Западной и Восточной Европе // Восточная Европа в древности и Средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны: Материалы конференции XI Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 14–16 апреля 1999 / Отв. ред. Е. А. Мельникова. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 1999. С. 19–27.
- Нольде, Борис Эммануилович.* История формирования Российской империи. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2013. 848 с.

- Нольте, Ханс-Генрих.* Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 31–38.
- Побережников, Игорь Васильевич.* Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: Региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4. С. 72–89.
- Почаев, Роман Юлианович.* Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтальной модернизации // Право: Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 174–190.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
- Скотт, Джеймс С.* Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. Москва: Новое издательство, 2017. 565 p.
- Тернер, Фредерик Джексон.* Фронтир в американской истории. Москва: «Весь Мир», 2009. 304 с.
- Тимошенко, Альбина Ивановна.* Индустриальное строительство в Сибири во второй половине XX столетия как вариант фронтальной модернизации // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. С. 141–148.
- Фронтieri міста: Історико-культурологічний альманах / Ред. Грибовський, Владислав Володимирович. Вип. 1–5. Дніпропетровськ-Дніпро: Герда, 2012–2016.
- Чорновол, Ігор.* Компаративні фронтieri: Світовий і вітчизняний вимір. Київ: Критика, 2015. 376 с.
- Чорновол, Ігор.* Межі порубіжжя: Пограниччя проблем. (Віповідь Владиславу Грибовському) // Фронтieri міста: Історико-культурологічний альманах. Дніпро: Герда, 2016. Вип. 5. С. 213–218.
- Чорновол, Ігор.* Фронтieri Росії // Критика. 2007. № 10. С. 17–21.
- Шведжен, Емілія Любова.* Путь в историю: В поисках методологии исследования. Майкоп: ООО «Качество», 2007. 268 с.
- Эйдельман, Натан Яковлевич.* 17 сентября 1773 г. // Эйдельман, Натан Яковлевич. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. Москва: Высшая школа, 1993. С. 188.
- Constructing Border Societies on the *Triplex Confinium* / Ed. by Roksandić, Drago; Štefanec, Nataša. Budapest: CEU, 2000. 288 p.
- Kaser, Karl.* Slobodan seljak i vojnik (1545–1881). Vol. I–II. Zagreb: Naprijed, 1997. 524 s.
- Lattimore, Owen.* Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958. London: Oxford University Press, 1962. 565 p.
- Rieber Alfred J.* *Triplex Confinium* in comparative context // Constructing Border Societies on the *Triplex Confinium* / Ed. by Roksandić, Drago; Štefanec, Nataša. Budapest: CEU, 2000. P. 13–28.
- Roksandić, Drago.* *Triplex Confinium* ili o granicama i regijama hrvatske povijesti. 1500–1800. Zagreb: Barbat, 2003. 259 p.
- Tolerance and Intolerance on the *Triplex Confinium*. Approaching the «Other» on the Borderlands Eastern Adriatic and beyond. 1500–1800 / Ed. by Ivetić, Egidio; Roksandić, Drago. Padova: Cleup, 2007. 364 p.

Information about the article

This discussion was created with the support of the program for the development of scientific journals under state contract No. 14.597.11.0035 concluded between the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and NEICON

Authors: Basalava, Irina Petrovna — PhD in Philosophy, Associate Professor, Novokuznetsk Branch—Institute of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia, e-mail: isapan@yandex.ru, OrcID 0000-0001-5136-5630, ResearcherID: U-8369-2017, SPIN-code 7067-4020;

Dubman, Eduard Leybovich — Dr. Sc. in History, Professor, Samara National Research University, Samara, Russia, e-mail: dubmane@mail.ru, OrcID 0000-0002-3282-2661, Researcher ID B-5869-2017, SPIN-code 1895-5876;

Khodarkovsky, Michael — Professor, Loyola University of Chicago, Chicago, USA, e-mail: mkhodar@luc.edu, Scopus ID 15026504700;

Milchev, Vladimir Ivanovich — Dr. Sc. in History, Professor, Zaporozhye National University, Zaporozhye, Ukraine, e-mail: vladmilchev@ukr.net, OrcID 0000-0003-4432-3322;

Mizis, Yuriy Aleksandrovich — Dr. Sc. in History, Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, e-mail: ymizis49@yandex.ru, OrcID 0000-0002-4065-0767;

Sen', Dmitriy Vladimirovich — Dr. Sc. in History, Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: dvsen@sfedu.ru, OrcID 0000-0002-5222-4685, Scopus ID 55481074000, SPIN-code 7410-0391;

Urushadze, Amiran Tarielovich — PhD in History, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: aturushadze@srfedu.ru, ORCID 0000-0003-4624-007X, Scopus ID 55481074000, SPIN-code 4544-9429.

Title: How to study frontiers today? Discussion on the article by D. V. Sen'

Summary: The discussion was devoted to the consideration of the paper, written by D.V. Sen', about the current situation in frontier researches in Russia, which was published in the current issue of the journal. The participants of the discussion were scholars from Russia, the United States and Ukraine, who are studying the history of border territories and border communities. They focused on several key problems related to the main topic of discussion. These are the questions: 1. Is the frontier concept convincing today? What are its strong and weak aspects? 2. Is the concept of a frontier effective for studying all countries, or only some? To study the history of which countries it is useful and in which it does not work? Why do you have such a point of view? 3. Why are continued new attempts to find alternative theories of the frontier theory? 4. What perspectives have comparative studies of the frontier, which compare the history of the frontier of different countries? 5. Is it possible to apply the concept of frontier to the history of Russia? To study the history of which Russian regions is it effective? What "Russian frontier" looks as a myth? Some participants consider the frontier model "politically insecure". Other participants considered this idea to be irrelevant. However, there is no reason to consider to be untenable the concept of a frontier unproductive on the fields that have analogies between the American frontier and other frontiers. Various points of view were considered about the validity of the frontier theory in relation to different cases, examples of explaining these events in the context of the history of different states, territories, cultures using the concept of a frontier. The question was discussed whether the theory of the frontier can provide at the beginning of the XXI century fundamental influence on the study of the history of Russian regions. The question was asked: why in various national historiographies the debate about the search for analogies or even about the revision of the theory of the frontier does not stop? The participants in the discussion generally agreed with the opinion that the concept of the frontier can be recognized as a convincing explanatory model when referring specifically to the Russian historical experience of the development of new territories in the 16th-19th centuries. The participants of the discussion identified the problems and prospects for the further use of the concept of the frontier, not insisting on its "classical definition" and recognizing the absence of a single (internally homogeneous and consistent) concept of the frontier. An opinion was also expressed about the need to identify the main cases of the transformation of the frontier territory into the traditional territory of the country.

Keywords: historiography, colonization, borderlands, comparative studies, contact zones, borders, frontier, frontier theory, frontier studies

References:

- Ageev, Aleksandr Dmitrievich. *Sibir' i amerikanskiy Zapad: Dvizhenie frontirov [Siberia and the American West: The moving of frontiers]*. Moscow: Aspekt-Press Publ., 2005. 334 p. (in Russian).
- Anchabadze, Yuri Dmitrievich. Retsenziya na: Granitsy i pograniichye v yuzhnorossiyskoy istorii: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Rostov-na-Donu. 26–27 sentyabrya 2014). Rostov-na-Donu: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2014. 628 s. [Review on: Borders and borderland in the history of Russian South (the materials of the all-Russian scientific conference (Rostov-on-Don, 26–27 September 2014). Rostov-on-Don: Southern Federal University Press, 2014. 628 p.], in *Etnograficheskoe obozrenie*. 2016. No. 3. Pp. 180–183. (in Russian).
- Barret, Thomas M. Lini neopredelennosti: Severokavkazskiy «frontir» Rossii [The Line of Uncertainty: Russia's North Caucasian «Frontier»], in David-Fox, Michael (ed.). *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskiy period: Antologiya*. Samara: Samara University Press, 2000. Pp. 163–193. (in Russian).
- Basalava, Irina Petrovna. Kriterii frontira: K postanovke problemy [Criteria for the Frontier: to the Formulation of the Problem], in *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2012. No. 2. Pp. 46–49. (in Russian).
- Chornovol, Igor. Frontiri Rosii [Frontiers of Russia], in *Kritika*. 2007. No. 10. Pp. 17–21. (in Ukrainian).
- Chornovol, Igor. *Komparativni frontiri: Svitovy i vitchiznyany vmir [The comparative frontiers: The world and domestic dimension]*. Kyiv: Kritika Publ., 2015. 376 p. (in Ukrainian).
- Chornovol, Igor. Mezhi porubizhzhya: Pograniichnyy problem. (Vidpovid Vladislavovi Gribovskomu) [Borders of the borderland: The border of problems (Answer to Vladislav Gribovsky)], in *Frontiri mista: Istoriko-kul'turologichnyy al'manakh*. Dnipro: Gerda Publ., 2016. Issue 5. Pp. 213–218. (in Ukrainian).

- Eidelman, Natan Yakovlevich. 17 sentyabrya 1773 g. [September 17th, 1773], in Eidelman, Natan Yakovlevich. *Iz potaennoy istorii Rossii XVIII–XIX vekov* [From the Secret History of Russia of the 18th–19th Centuries]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1993. P. 188 (in Russian).
- Erusalimskiy, Konstantin Yuryevich. *Obrazy rossiyskogo orientalizma: (Obzor)* [Images of Russian Orientalism: (Review)]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21989 (last visited — April, 28, 2020) (in Russian).
- Esaulova, Olga Mikhailovna. Yuzhnoafrikanskiy frontir [South African frontier], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 9, 2008. Issue 2, Part II. Pp. 29–32 (in Russian).
- Duby, Georges. *Vremya soborov* [The Age of Cathedrals]. Moscow: Ladomir Publ., 2002. 378 p. (in Russian).
- Golovanova, Svetlana Aleksandrovna; Shnyder, Vladimir Gennadyevich. Kontseptsiya «frontira» v sovremennoy kavkazovedcheskoy literature [The concept of «frontier» in modern Caucasian literature literature], in *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 1: Regionovedenie: Filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. 2012. Issue 3. Pp. 66–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-frontira-v-sovremennoy-kavkazovedcheskoy-literature> (last visited — April, 22, 2020) (in Russian).
- Gribovskiy, Vladislav Volodimirovich (ed.). *Frontiri mista: Istoriko-kul'turologichmy al'manakh* [Frontiers of City: Historical and Cultural Almanac]. Issue 1–5. Dnipropetrovsk–Dnipro: Gerda Publ., 2012–2016.
- Gribovskiy, Vladislav Volodimirovich. Mezha mezhi. Notatki na polyakh knigi Igorya Chornovola «Komparativni frontiri: svitoviy i vitchiznyaniy vimir» [Kiev: Kritika, 2015. 376 s.] [Border's limit. Notes in the margins of Igor Chornovol's book «The comparative frontiers: the world and domestic dimension» (Kyiv: Kritika, 2015. 376 p.)], in Gribovskiy, Vladislav Volodimirovich (ed.). *Frontiri mista: Istoriko-kul'turologichmy al'manakh*. Dnipro: Gerda Publ., 2016. Issue 5. Pp. 189–212. (in Ukrainian).
- Ivetić, Egidio; Roksandić, Drago (eds). *Tolerance and Intolerance on the Triplex Confinium. Approaching the «Other» on the Borderlands Eastern Adriatic and beyond. 1500–1800*. Padova: Cleup Publ., 2007. 364 p.
- Kappeler, Andreas. *Rossiya — mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknovenie. Istoriya. Raspad* [Russia as a Multinational Empire: Origin, History and Fall]. Moscow: «Traditsiya» – «Progress-Traditsiya» Publ., 2000. 342 p. (in Russian).
- Kappeler, Andreas. Yuzhniy i vostochniy frontir Rossii v XVI–XVIII vekakh [The Southern and Eastern Frontier of Russia in the 16th–18th Centuries], in *Ab Imperio*. 2003. No. 1. Pp. 47–64. (in Russian).
- Kaser, Karl. *Slobodan seljak i vojnik (1545–1881)* [A Free Peasant and Soldier (1545–1881)]. Vol. I–II. Zagreb: Naprijed Publ., 1997. 524 p. (in Croatian).
- Korolyuk, Vladimir Dorofeevich. *Slavyane i vostochnye romanty v epokhu rannego srednevekovya: Politicheskaya i etnicheskaya istoriya* [Slavic and Vlachs in the early Middle Ages: Political and ethnic history]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 240 p. (in Russian).
- Lattimore, Owen. *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958*. London: Oxford University Press, 1962. 565 p.
- Matveev, Oleg Vladimirovich. *Ot fronta k frontiru: Istoriko-antropologicheskie ocherki* [From front to frontier: Historical and anthropological essays]. Krasnodar: Edvi Publ., 2015. 272 p. (in Russian).
- Melnikova, Elena Aleksandrovna. K tipologii kontaktnykh zon i zon kontaktov: Skandinavy v Zapadnoy i Vostochnoy Evrope [To the typology of contact zones and contact zones], in Melnikova, Elena Aleksandrovna, et al. (eds). *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekovye: Kontakty, zony kontaktov i kontaktnyye zony*. Moscow: Institute of World History (RAS) Press, 1999. Pp. 19–27. (in Russian).
- Nolde, Boris Emmanuilovich. *Istoriya formirovaniya Rossiyskoy imperii* [History of the formation of the Russian Empire]. St. Petersburg: «Dmitriy Bulanin» Publ., 2013. 848 p. (in Russian).
- Nolte, Khans-Genrikh. Russkie «krestyanskie voyny» kak vosstaninya ukrain [Russian «peasant wars» as a revolt of the outskirts], in *Voprosy istorii*. 1994. No. 11. Pp. 31–38. (in Russian).
- Poberezhnikov, Igor Vasilyevich. Frontirnaya modernizatsiya na vostoche Rossiyskoy imperii: Regional'nye variatsii [Frontier modernization in the east of the Russian empire: Regional variations], in *Ural'skiy istoricheskyy vestnik*. 2018. No. 4. Pp. 72–89. (in Russian).
- Pochekaev, Roman Yulianovich. Evolyutsiya nalogooblozheniya v Kazakhstane v XIX veke v kontekste frontimoy modernizatsii [Evolution of Taxation in Kazakhstan of the 19th Century in the Context of Frontier Modernization], in *Pravo: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2013. No. 4. Pp. 174–190. (in Russian).
- Rieber, Alfred J. Triplex Confinium in comparative context, in Roksandić, Drago; Štefanec, Nataša (eds). *Constructing Border Societies on the Triplex Confinium*. Budapest: CEU Publ., 2000. Pp. 13–28.

- Roksandić, Drago; Štefanec, Nataša (eds). *Constructing Border Societies on the Triplex Confinium*. Budapest: CEU Publ., 2000. 288 p.
- Roksandić, Drago. *Triplex Confinium ili o granicama i regijama hrvatske povijesti. 1500–1800* [*Triplex Confinium or on Borders and Regions of Croatian History. 1500–1800*]. Zagreb: Barbat Publ., 2003. 259 p. (in Croatian).
- Scott, James C. *Iskustvo byt' nepodvlastnym: Anarkhicheskaya istoriya vysokogoriy Yugo-Vostochnoy Azii* [*The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*]. Moscow: «Novoe izdatel'stvo» Publ., 2017. 565 p. (in Russian).
- Severniy Kavkaz v sostave Rossiyskoy imperii* [*North Caucasus as part of the Russian Empire*]. Moscow: New Literary Review Publ., 2007. 460 p. (in Russian).
- Sheudzen, Emiliya Ayubovna. *Put' v istoriyu: V poiskakh metodologii issledovaniya* [*The path into the History: To investigate a research methodology*]. Maykop: OOO «Kachestvo» Publ., 2007. 268 p. (in Russian).
- Timoshenko, Albina Ivanovna. Industrial'noe stroitel'stvo v Sibiri vo vtoroy polovine XX stoletiya kak variant frontimoy modernizatsii [Industrial construction in Siberia in the second half of the 20th century as a variant of frontier modernization], in *Modernizatsiya v usloviyakh osvoeniya vostochnykh regionov Rossii v XVIII–XX vv.* [*Modernization in terms of development of the eastern regions of Russia in the 18th–20th centuries*]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2012. Pp. 141–148. (in Russian).
- Turner, Frederick Jackson. *Frontir v amerikanskoj istorii* [*The Frontier in American History*]. Moscow: «Ves' Mir» Publ., 2009. 304 p. (in Russian).
- Voropanov, Vitaliy Aleksandrovich. *Sud i pravosudie v provintsii Rossiyskogo gosudarstva v XVI – pervoy polovine XVIII v. (Na prmerie oblastey Povolzhya, Urala i Zapadnoy Sibiri)* [*Court and justice in the province of the Russian state in the 16th – first half of the 18th century (On the example of the Volga, Urals and Western Siberia regions)*]. Moscow: Prospekt Publ., 2017. 192 p. (in Russian).
- Zasedateleva, Lidiya Borisovna. *Terskie kazaki. (Seredina XVI – nachalo XX v.): Istoriko-etnograficheskie ocherki* [*Terek Cossacks (mid-16th – early 20th century): Historical and ethnographic essays*]. Moscow: Moscow State University Press, 1974. 423 p. (in Russian).

Учебное издание

Бикеева Наталья Юрьевна
Кудратов Алик Олегович

ФРОНТИРЫ
(зоны межкультурного взаимодействия)
ВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ
Учебное пособие